

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккю, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленко Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Eygeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 31 • 2025 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные институты и процессы

- Осипова Н.Г.** Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности (*Продолжение*) 7
- Елишев С.О.** Роль средств массовой информации и пропаганды в социально-политических процессах 29

Эмпирическая социология

- Свердликова Е.А., Селезнёва А.С.** Социальные последствия платформенной самозанятости 51

Цифровая трансформация общества

- Новосёлова Е.Н.** Цифровая трансформация здравоохранения: новые возможности и вызовы для пожилых пациентов 67
- Карпова Н.В., Амелин В.С.** Цифровые технологии в электронном процессе современной России: первые шаги и перспективы развития 95

Социология города

- Бурцева В.С.** Молодая семья с детьми в жилой среде: взаимосвязь функциональности среды и активности семьи 116
- Гугуев Д.К.** Урбанистический кризис XIX – начала XX в. в отечественных социологических исследованиях города дореволюционного периода 135

Социология в Китае

Ли Чжожу. Социальная структура китайской элиты в условиях модернизации: институционализированная циркуляция, многомерная напряженность и траектории развития150

Пэй Ян. Реформа политики всекитайских государственных вступительных экзаменов в вузы и образовательное неравенство172

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале “Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология” в 2025 г.194

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 4 • VOLUME 31 • 2025 •

OCTOBER — DECEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Social institutions and processes

Osipova N.G. The role of social stereotypes in the managing of personal behavior (*Continued*) 7

Elishev S.O. The role of media and advocacy in social and political processes 29

Empirical sociology

Sverdlikova E.A., Seleznyova A.S. The social consequences of platform self-employment 51

Digital transformation of society

Novoselova E.N. Digital transformation of healthcare: new opportunities and challenges for elderly patients 67

Karpova N.V., Amelin V.S. Digital technologies in the electoral process of modern Russia: first steps and development prospects 95

Sociology of the city

Burtseva V.S. A young family with children in the residential environment: the interrelation between environmental functionality and family activity 116

Guguev D.K. The urban crisis of the 19th – early 20th century in Russian urban sociological studies of the pre-revolutionary period 135

Sociology in China

<i>Li Zhuoru.</i> The social structure of China's elite under modernization: institutionalized circulation, multidimensional tension and developmental trajectories.	150
<i>Pei Yang.</i> Reform of the All-China state university entrance examination policy and educational inequality	172
Index of articles and materials published in the journal "Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science" in 2025	194

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-7-28

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В УПРАВЛЕНИИ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья продолжает тему генезиса, распространения и функционирования в обществе социальных стереотипов — схематизированных, стандартизированных, обычно эмоционально окрашенных и обладающих высокой устойчивостью представлений о социальном объекте. Как правило, стереотипы воспринимаются не критически и часто просто принимаются “на веру”, поэтому не только способствуют неполному или искаженному восприятию окружающей действительности, но и реально влияют на массовое сознание и индивидуальное поведение.

В числе наиболее распространенных разновидностей стереотипов расово — этнические стереотипы, аккумулирующие набор представлений о внешности, уровне интеллекта и характере представителей разных этносов; возрастные стереотипы, получившие название “эйджизм” и стандартизирующие поведение и возможности людей в зависимости от возраста; религиозные стереотипы, воплощающие набор представлений о содержании религиозных доктрин или представителях разных конфессий; социально-классовые стереотипы, маркирующие людей в зависимости от уровня материального достатка или социального статуса. Стереотипы также укоренены во всех сферах социальной жизни, в связи с чем выделяют экономические, политические, профессиональные и т.п. стереотипы. В гендерных стереотипных представлениях, которые являются наиболее распространенными, очевидно изначально четкое распределение социальных ролей и обязанностей полов, исторически восходящее к патриархальному общественному устою, закрепляющему превосходство мужчины во всех сферах социальной жизни. История эволюции социальных отношений, в том числе и гендерных, свидетельствует о том, что патриархальные взгляды и стереотипные представления о женственности и

* Продолжение. Начало в № 2 за 2025 г.

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

мужественности медленно, но уверенно шли по пути обновлений. Значительный вклад в данный процесс внесло феминистское движение, выступающее как за возрастающую социальную роль женщин, так и за право женщины определять себя как самостоятельную личность. Однако гендерные стереотипы все же продолжают сохраняться в культурной основе социальной реальности, и проявляют себя в различных областях социальной жизни, хотя и в более завуалированной форме.

В статье рассматриваются три основные группы гендерных стереотипов, в соответствии с которыми на протяжении долгого времени выстраивались маркеры и образцы поведения мужчины и женщины. Их генезис, а также факторы, влияющие на укрепление в обществе, нашел отражение в многочисленных социологических исследованиях, которые являются особым предметом анализа в рамках настоящей статьи.

Ключевые слова: социальный стереотип, стереотипизация, виды стереотипов, гендерные стереотипы, образы женственности и мужественности, стереотипизация гендерных ролей, дискриминация женщин, гендерное неравенство.

THE ROLE OF SOCIAL STEREOTYPES IN THE MANAGING OF PERSONAL BEHAVIOR (CONTINUED)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article continues the theme of the genesis, spread and functioning of social stereotypes in society — schematized, standardized, usually emotionally colored and highly stable representations of a social object. As a rule, stereotypes are perceived uncritically and are often simply accepted “on faith”, therefore, they not only contribute to an incomplete or distorted perception of the surrounding reality, but also have a real impact on mass consciousness and individual behavior.

Among the most common types of stereotypes are racial and ethnic stereotypes that accumulate a set of ideas about the appearance, level of intelligence and character of representatives of different ethnic groups; age stereotypes called “ageism” and standardizing the behavior and capabilities of people depending on age; religious stereotypes that embody a set of ideas about the content of religious doctrines or representatives of different faiths; socially-class stereotypes that label people according to their level of material wealth or social status. Stereotypes are also rooted in all spheres of social life, in connection with which economic, political, professional, etc. stereotypes are distinguished. In gender stereotypical representations, which are the most common, it is obvious from the beginning that there is a clear distribution of social roles and responsibilities of the sexes, historically dating back to the patriarchal social order, consolidating the superiority of men in all spheres of social life. The history of the evolution of social relations, including

gender relations, shows that patriarchal views and stereotypical ideas about femininity and masculinity have slowly but surely followed the path of renewal.

A significant contribution to this process has been made by the feminist movement, which advocates both the increasing social role of women and the right of women to define themselves as an independent person. However, gender stereotypes still persist in the cultural basis of social reality, and manifest themselves in various areas of social life, albeit in a more veiled form. The article examines three main groups of gender stereotypes, according to which markers and patterns of behavior of men and women have been built for a long time. Their genesis, as well as the factors influencing their strengthening in society, are reflected in numerous sociological studies, which are a special subject of analysis in the framework of this article.

Key words: social stereotype, stereotyping, types of stereotypes, gender stereotypes, images of femininity and masculinity, stereotyping of gender roles, discrimination against women, gender inequality.

Социальный стереотип — это схематизированное, стандартизированное, обычно эмоционально окрашенное и обладающее высокой устойчивостью представление о социальном объекте. В научный оборот понятие “социальный стереотип” ввел американский писатель и журналист, исследователь Уолтер Липпман в своей книге “Общественное мнение”. Механизм процесса формирования стереотипов — стереотипизации — основан на человеческой особенности, состоящей в том, что какое-либо явление подвергается предварительной категоризации, после чего наблюдается непосредственно. На самом деле, этот механизм существенно отличается от научных схем упорядочивания мира, которые выражены, например, в процессах “типизации” или “моделирования”. Стереотипизация всегда включает в себя оценку, часто эмоциональную, какого-либо объекта или явления. Эта оценка является однозначной, зависит от целого ряда факторов и носит необъективный характер. Как правило, стереотипы воспринимаются некритически или просто принимаются “на веру”. Более того, возможный последующий личный опыт часто подгоняется под стереотип, а изменение укоренившихся убеждений происходит крайне медленно. Когда стереотипы содержат искаженный и подчеркнуто негативный образ объекта, их называют предубеждениями или предрассудками. С одной стороны, стереотипы выполняют определенные социальные и психологические функции, помогая людям быстро ориентироваться в сложном мире и экономить когнитивные ресурсы. С другой стороны, они не только способствуют неполному, часто искаженному восприятию окружающей действительности, но и реально влияют на массовое сознание и индивидуальное поведение.

Ученые выделяют целый ряд разновидностей стереотипов, которым чаще всего подвергаются индивиды и их группы. В их числе:

- 1) гендерные стереотипы, с помощью которых мужчинам и женщинам приписывают разные личностные характеристики и социальные роли;
- 2) расово-этнические стереотипы, аккумулирующие набор представлений о внешности, уровне интеллекта и характере представителей разных этносов;
- 3) возрастные стереотипы, получившие название “эйджизм” и стандартизирующие поведение и возможности людей в зависимости от возраста;
- 4) религиозные стереотипы, воплощающие набор представлений о содержании религиозных доктрин или представителях разных конфессий;
- 5) социально-классовые стереотипы, маркирующие людей в зависимости от уровня материального достатка или социального статуса.

Стереотипы также укоренены во всех сферах социальной жизни, в связи с чем выделяют экономические, политические, профессиональные и т.п. стереотипы. Самыми распространенными, на наш взгляд, и наиболее обсуждаемыми, в том числе в научной литературе, являются гендерные стереотипы, генезис, функции и социальные последствия укоренения которых требуют особого анализа.

Слово “гендер”, произошедшее от английского слова “gender” (“пол”, “род”), по традиции использовалось в основном в применении к грамматическим категориям “мужской”, “женский” и “средний род”. Но очень быстро это слово закрепило за собой значение, все чаще применяемые в отношении категорий, основанных на социальных признаках пола, например, в словосочетаниях “гендерный разрыв”, “гендерная политика”¹, и, конечно, “гендерные стереотипы”, под которыми понимаются устойчивые представления о социально-психологических особенностях и поведении представителей мужского и женского пола.

Научные определения понятия “гендерный стереотип” отличаются разнообразием акцентов. Одни исследователи на первый план выдвигают социально конструируемые образы “мужественности” (маскулинности) и “женственности” (феминности), которые обобщаются и схематизируются в массовом сознании. Эти образы дифференцируются за счет распределения социальных ролей и ста-

¹ Gender. American heritage dictionary of the English language. N.Y., 1992.

тусов между мужчинами и женщинами и поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность с соответствующим сообществом. Другие — делают упор на специфические личностные качества мужчин (женщин) и определяют гендерный стереотип как схематизированный набор представлений об их “типичных” характеристиках. Однако гендерные стереотипы являются социально и культурно детерминированными, поэтому наиболее точным представляется определение, данное А.В. Меренковым: “...гендерные стереотипы — это устойчивые программы восприятия, целеполагания, а также поведения человека, в зависимости от принятых в данной культуре норм и правил жизнедеятельности представителей определенного пола”².

В стереотипных гендерных представлениях очевидно изначально нет четкое распределение социальных ролей и обязанностей полов, исторически восходящее к патриархальному общественному устою, закрепляющему превосходство мужчины во всех сферах социальной жизни. Женщина в патриархальном обществе всегда занимала подчиненное положение и по своей природе считалась существом неполноценным и зависимым. Сферой, в которой женщина могла себя хоть как-то реализовать, была семья — главная ячейка патриархального уклада, а основным предназначением — служение мужчине, которому отводилась роль добытчика и защитника. Он же отвечал и за материальное обеспечение семьи³.

Эти ролевые позиции основаны на представлении о семейных ценностях в иудейско-христианской религиозной традиции. До сих пор представители фундаменталистских религиозных организаций, активно пропагандирующих патриархат, ссылаются на тезисы о “мужском превосходстве”, которые содержатся в текстах Нового Завета. Так, они делают особый акцент, во-первых, на фрагменте из Послания Святого Апостола Павла к Ефессянам, где сказано: “Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены мужьям своим во всем”⁴, и, во-вторых, на фрагменте из Послания Святого Апостола Павла к

² Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001. С. 47.

³ Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 21.

⁴ Послание к Ефессянам Святого Апостола Павла. 5: 22–24 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2003. С. 865.

Колоссянам, в котором говорится: "...жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе"⁵.

Следует отметить, что в Новом Завете за этими широко цитируемыми фрагментами следуют те, в которых провозглашается гармония семейных отношений: "Мужья, любите жен своих, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее"⁶. "Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя"⁷. "Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать" — это первая заповедь с обетованием: "...да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле"⁸. "И вы отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"⁹. "Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали"¹⁰. К сожалению, этим фрагментам апологеты патриархата обычно внимания не уделяют.

История эволюции социальных отношений, в том числе и гендерных, свидетельствует о том, что патриархальные взгляды и стереотипные представления о женственности и мужественности медленно, но уверенно шли по пути обновлений. Значительный вклад в данный процесс внесло феминистское движение, выступающее не только за возрастающую социальную роль женщин, но и за право женщины определять себя как самостоятельную личность¹¹. Развитие (с 80-х гг. XVIII в.) феминистских движений стало реакцией на неоспоримое мужское превосходство не только в семье, но и в других сферах общественной жизни.

Руководством для практических действий этих движений стали идеи, отраженные в трудах теоретиков феминизма, в первую очередь, Т. фон Гиппеля и М. Уоллстоункрафт, которая в своей работе

⁵ Послание к Колоссянам Святого Апостола Павла. 3:18 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 871.

⁶ Послание к Ефессянам Святого Апостола Павла. 5:25 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 866.

⁷ Послание к Ефессянам Святого Апостола Павла. 5:28 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 866.

⁸ Послание к Ефессянам Святого Апостола Павла. 6:1–3 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 866.

⁹ Послание к Ефессянам Святого Апостола Павла. 6:4 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 866.

¹⁰ Послание к Колоссянам Святого Апостола Павла. 3:19–21 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. С. 871.

¹¹ *Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков: СПб., 2001. С. 93.*

“Защита прав женщин” писала: “...женщины приняли на себя все издержки и недостатки цивилизации, упустив ее полезные плоды”¹². В целом идеи первых феминистов сводились к тому, что все женщины испытывают на себе определенную дискриминацию по причине своей половой принадлежности, поэтому существующая структура мужского господства должна быть низвергнута¹³.

Сначала борьба феминисток развернулась за юридические и политические права женщин, а затем затронула более интимные и частные сферы: семью, материнство, персональную идентичность, а книги Г. Гри “Женский евнух” и Б. Фридан “Загадка женственности”¹⁴ стимулировали активные дискуссии. По мнению Б. Фридан, женщины чаще рассматриваются как тень мужчины, нежели полноценные личности со своими правами, что вызывает у них чувство скрытого неудовольствия — независимо от социальной принадлежности, расы, рода занятий, любая женщина все равно принижена¹⁵.

В целом, согласно феминистским взглядам, патриархальная идеология в отношении женщин и обращение с ними в обществе чаще всего исходят из предположения, что сфера семейных обязанностей остается для женщин исключительной или, по крайней мере, первостепенной. В противоположность этому, мужские роли распределяются, в основном, за пределами семьи. Хотя мужчины, как правило, являются мужьями и отцами, и большинство из них честно исполняет данные функции в течение всей жизни, их позиции в обществе опираются преимущественно на публичный статус. Таким образом, женщины обычно находятся в системе “муж — дети — дом”, а мужчины — в сфере организации общественного производства. Несмотря на то, что начиная с середины XX в. все большее количество женщин предпочитают работать, а сфера приложения их труда имеет тенденцию к расширению, патриархальные основы укорененных представлений окончательно не разрушены. Они продолжают сохраняться в культурной основе социальной реальности, и проявляют себя в различных областях социальной жизни, хотя и в более скрытой форме.

Современные исследователи выделяют три основные группы гендерных стереотипов, в соответствии с которыми на протяже-

¹² Wollstonecraft M. A vindication of the rights of women. Hamiondsword, 1985. P. 67.

¹³ Heywood A. Politics. L., 1997. P. 58–59.

¹⁴ Greer G. The female eunuch. St. Albans, 1971; Friedan B. The feminine mystique. L., 1971.

¹⁵ См. подробнее: Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.

нии долгого времени выстраивались маркеры и образцы поведения мужчины и женщины¹⁶.

Первую группу образуют стереотипы мужественности и женственности (маскулинности и феминности) или же стереотипы качеств, которые дифференцируют мужчин и женщин посредством определенного набора личностных и социально-психологических характеристик. Так, мужчина олицетворяет творческое начало, он лидер, всегда активен, а женщина — репродуктивное, она пассивна, эмоциональна, даже плаксива, зависима, обладает конформным мышлением. В сфере межличностных отношений мужчине свойственны прямота, резкость, самообладание, эгоизм, надежность. Женщине присущи жертвенность, мягкосердечие, заботливость, ненадежность.

В рамках этой группы стереотипов выделяются и более радикальные разновидности, откровенно дискриминирующие женщин с точки зрения их умственных способностей. Например, «особым нападкам со стороны ультра-ультраортодоксальных иудаистских организаций (харедим) подвергаются женщины, участвующие в политической жизни — их просто клеймят “ведьмами”»¹⁷. Женщинам из ультраортодоксальных кругов было запрещено получать образование, даже обучаться Торе и Талмуду. Сегодня раввины соглашались с тем, что, хотя в принципе женщинам и не следует изучать Тору, однако если девочка все же ей обучается (другим предметом ее обучать нельзя), ей надо преподавать более легкие части, в отношении которых установлено, что они “не являются опасными для слабого женского ума”¹⁸.

Вторая группа включает стереотипы ролей. Половые роли — укоренившиеся в обществе представления и ожидания, которым каждый человек должен соответствовать, чтобы быть понятым и принятым. Гендерные стереотипы данной группы связаны с закреплением определенных социальных ролей в семейной, экономической, политической и других сферах. Женщинам, как правило, в качестве основных отводятся семейные роли (матери, хозяйки, жены), отсюда клише — “все они хотят замуж и рожать детей”, а мужчинам — профессиональные, — “все мужчины заиклены только на работе”. В сфере власти “мужчине изначально приписывается

¹⁶ Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 20.

¹⁷ Shahak I., Mezvinsky N. Jewish fundamentalism in Israel. L., 2004. P. 40.

¹⁸ Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010. С. 233.

право быть покровителем и вождем”¹⁹. Иными словами, сфера власти — это сугубо мужская сфера. Что касается женского пола, то в данной сфере для них очень мало места²⁰. Однако следует отметить, что, судя по исследованиям, “с течением времени представительство женщин в законодательных органах власти во всех регионах мира, включая арабские страны, растет: за последние годы в целом оно увеличилось примерно на 10%. В лидерах по представленности женщин в нижней палате законодательной власти также находятся: Руанда (61,3%), Куба (53,4%), Никарагуа (521,7%), Мексика (50%), Новая Зеландия (50%) и ОАЭ (50%)”²¹.

Если говорить о России, то “в 2023 году в рейтинге Межпарламентского союза, посвященном женскому представительству в парламентах мира, она расположилась на 138 месте (из 186). В 2017 году страна находилась на 10 пунктов выше — на 128 месте. В парламенте нынешнего созыва женщины составляют 22% сенаторского корпуса и 17% депутатского. И если сравнить с данными 2017 года, где в верхней палате парламента было 17% женщин (в числовом выражении — на 9 женщин-сенаторов меньше), а в нижней — 15% (на 7 женщин-парламентариев меньше), то можно отследить прогресс в 5% и 2% соответственно. Однако в глобальном разрезе вышеуказанные показатели далеки от мировых тенденций гендерного паритета”²². И в целом, “хотя количество женщин в национальных парламентах увеличивается, оно является недостаточным, представительство женщин неоднородно, а наиболее важные политические решения все еще принимаются мужчинами”²³.

В третью группу входят стереотипы видов деятельности. Данная группа гендерных стереотипов отражает социальные предписания к профессиональной деятельности, в зависимости от пола. Удел женщин — дополнительный обслуживающий характер (экспрессивная сфера социальной жизни), а область деятельности мужчин — творческий, созидательный или руководящий труд. В сфере трудовой деятельности мужчинам приписываются такие качества, как активность, целеустремленность, уверенность, предприимчи-

¹⁹ Розанов В.В. Религия и культура // Розанов В.В. Собр. соч. М., 1995. Т. 1. С. 139–140.

²⁰ Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.

²¹ Ребрикова А.Г. Женское представительство в органах государственной власти в период с 1991 по 2023 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 5. С. 60.

²² Там же.

²³ Там же. С. 61.

вость. Женщинам свойственна пассивность, нерешительность, соблюдение норм. На наш взгляд, генезис данной группы стереотипов, который нашел отражение в многочисленных социологических исследованиях, требует детального анализа.

С начала XX столетия популярные журналы, особенно с помощью рекламы прославляли “женственность” и всеми доступными средствами пытались поддерживать миф о том, что женское счастье основано исключительно на компетентном и творческом ведении домашнего хозяйства. Большей частью этот миф служил своей цели: как правило, женщины не требовали для себя ответственной работы, высоких зарплат или освобождения от своей семейной роли. Даже женщины-профессионалы, воспринимали свою женскую долю как нормальное явление, что удерживало их от стремления к вершинам профессии.

Ответ на вопрос “Почему так происходит?” социологи усматривают в вертикальной сегрегации, раскрывающей позиции мужчины и женщины на карьерной лестнице. Так, женщины обычно занимают более низкие ступени служебной иерархии, и гораздо меньшее их число (по сравнению с мужчинами) имеют возможность добиться высокого социального статуса. Женщины из среднего класса часто сталкиваются с дилеммой “стеклянного потолка”: они видят ту позицию, которую хотели и могли бы занять, но скрытые причины всегда этому препятствуют. Так, в исследованиях было установлено, что хотя 60–70% всех учителей составляют женщины, только 16% из них возглавляют средние учебные заведения²⁴.

Социологи также выявили следующие закономерности формирования рынка труда, неблагоприятные для женщин: 1) женщин гораздо чаще, чем мужчин предпочитают использовать на временной или случайной работе; 2) женщины зарабатывают обычно меньше (в среднем на 20%), чем мужчины — “несмотря на определенный прогресс, разрыв между ожидаемой величиной заработков мужчин и женщин на протяжении их жизни составляет в мировом масштабе 172 трлн долл. США — это почти в два раза больше мирового ВВП за год”²⁵. Наконец, уровень женской безработицы гораздо выше среднего²⁶.

²⁴ Rees T. Women and Top Jobs in Wales. Report for HTV Walesю. L., 1991. P. 139.

²⁵ Почти 2,4 млрд женщин в мире лишены равных с мужчинами экономических прав. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/03/01/nearly-2-4-billion-women-globally-don-t-have-same-economic-rights-as-men> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁶ Chignell H. Data in sociology. Ormskirk, 1990. P. 56.

Социологические исследования позволили получить данные о специфике женской социальной мобильности. Женщины имеют меньше возможностей, чем мужчины для восходящей мобильности, или, для продвижения к лучшим рабочим местам. Лишь 32% обследованных женщин (по сравнению с 42% мужчин), имели возможность для таких служебных перемещений. В то же время, 49% женщин и всего 30% мужчин подвергались “перемещению вниз”. Дочери отцов, занимающих высокие статусные позиции, с большей вероятностью, чем их сыновья, могли занять низкое профессиональное положение²⁷. Прерывание карьеры (например, вследствие необходимости ухода за детьми) — важный фактор, влияющий на такое положение дел. Интервью с 5320 женщинами показали, что 37% из них, когда возвратились на работу после вынужденного перерыва, получили более низкие должности, и только 14% имели шанс на продвижение по службе²⁸.

В настоящее время, как явствует из доклада Всемирного банка “Женщины, бизнес и закон 2022”, “примерно 2,4 млрд женщин трудоспособного возраста не обладают равными экономическими возможностями, а в 178 странах по-прежнему существуют юридические барьеры, препятствующие их полномасштабному участию в экономической жизни. В 86 странах женщины все еще сталкиваются с теми или иными ограничениями на работу, а 95 стран не гарантируют равную оплату за равный труд”²⁹.

Исследование, проведенное Федерацией независимых профсоюзов России, “наглядно показало один из острейших социальных рисков: доходы российских женщин, работающих и самостоятельно воспитывающих двух и больше детей, настолько малы, что можно полагать, что российские женщины, имеющие детей, осознавая невозможность достойно зарабатывать, будут избегать развода даже в случае наличия домашнего насилия, а также будут избегать увольнения в случае нарушений трудовых прав”³⁰. «Информированными о своих трудовых правах считают себя более половины женщин —

²⁷ Payne G., Abbott P. Social mobility of women. L., 1990. P. 245.

²⁸ Martin J., Roberts C. Women and employment. L., 1984. P. 169.

²⁹ Почти 2,4 млрд женщин в мире лишены равных с мужчинами экономических прав. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/03/01/nearly-2-4-billion-women-globally-don-t-have-same-economic-rights-as-men> (дата обращения: 20.08.2025).

³⁰ ФНПР провела социологическое исследование о соблюдении прав трудящихся женщин. URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (дата обращения: 20.08.2025).

66,9%. Лично или на примере своих близких с нарушением трудовых прав женщин сталкивались:

- 19% при назначении на руководящую должность, а 20% — с занижением предлагаемой в момент найма оплаты труда;
- 25% с принуждением к увольнению в случае болезни или беременности, а также при достижении предпенсионного или пенсионного возраста;
- 26% с дискриминацией по полу при приеме на работу;
- 30% с дополнительными неоплачиваемыми обязанностями и поручениями;
- 34% с несоблюдением трудовых прав, связанных с графиком отпусков, отказом предоставить дни за свой счет, проблемами с больничным в случае ухода за больным ребенком, направлением в командировки, установлением ночных смен. При этом 36,7% женщин считают самой частой проблемой в России — дискриминацию при найме, 27,5% — проблемы с графиками, отпусками, больничными, командировками, 15,4% — неоплачиваемые “женские” обязанности. Около одной третьей опрошенных не смогли однозначно ответить, нарушаются или нет их права»³¹.

По поводу появления гендерных стереотипов и их относительной устойчивости существует несколько теорий. Первая теория, получившая название “зерно истины”, основана на предположении, что гендерные стереотипы имеют некоторое основание — они отражают реальные различия между полами, хотя и преувеличивают их. Согласно второй, теории “социальных ролей”, гендерные стереотипы возникают в результате различной для мальчиков и девочек социализации, обучения их различным социальным ролям по причине исторического разделения труда между полами, связанного с традиционным в патриархальном обществе доминированием мужчины. Третья, теория “когнитивного развития” акцентирует внимание на процессе формирования представлений у детей об окружающем мире: познавая этот мир, мальчики и девочки автоматически усваивают актуальные гендерные стереотипы.

В основе гендерных стереотипных воззрений лежат те социокультурные элементы, посредством длительного обобщения которых и возникают многовековые оценочные интерпретации идеального образа мужчины и женщины в культурном пространстве.

³¹ ФНПР провела социологическое исследование о соблюдении прав трудящихся женщин. URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (дата обращения: 20.08.2025).

В данной связи гендерные стереотипы и обладают общими свойствами стереотипов социальных.

Во-первых, гендерные стереотипы носят эмоционально-оценочный характер. Дихотомическая оценка заложена в любом гендерном стереотипе — женская слабость, пассивность и мужская отвага, женская чувствительность, эмоциональность и мужское самообладание.

Во-вторых, гендерные стереотипы устойчивы и стабильны. Например, современные представления об особой женской эмоциональности и средневековые воззрения на неспособность женщины контролировать свои чувства выглядят почти идентичными, равно как не изменились в течение тысячелетия представления о корреляции власти с мужским — разумным, справедливым, не подвергающимся эмоциям началом. Налицо также корреляция современных стереотипов мужской независимости, агентивности, ответственности с античными и средневековыми представлениями о том, что мужчина должен нести ответственность за неразумную, безответственную женщину.

В-третьих, гендерным стереотипам свойственна высокая степень единства представлений. Исследователи признают образы маскулинности и фемининности стереотипными, если они разделяются, по крайней мере, тремя четвертью индивидов в пределах конкретной социальной общности.

Наконец, гендерные стереотипы — нормативны. Поскольку представления о том, какой должен быть “настоящий мужчина” (например, быть способным защитить женщину), как должна вести себя в той или иной ситуации женщина, и даже как им одеваться (мужчина не должен носить юбку), являются социально разделяемыми, а реальные мужчины и женщины не могут с этим не считаться.

В то же время необходимо отметить, что гендерные стереотипы опираются на усредненные образы мужчины или женщины, поэтому часто их предвеляют фразы “все мужчины...”, “все женщины...”. Иллюстрацией тому служит название оперы В.А. Моцарта “Так поступают все женщины”³². На самом деле любой человек обладает многочисленными и порой уникальными, индивидуальными биологическими и личностными характеристиками, занимает различ-

³² Краткое русское название оперы — “Так поступают все” по аналогии с итальянским, состоящим тоже из трех слов — *Così fan tutte*. Однако “*tutte*” употребляется только с женским родом (с мужским — “*tutti*”), и точным переводом на русский будет именно “Так поступают все женщины”.

ные статусные позиции, многие из которых ведут к корректировке или опровержению гендерных стереотипов.

Значимыми факторами, влияющими на содержание и распространённость стереотипов о женщинах, являются, во-первых, классовая принадлежность (социальный статус) самой женщины (женщина из низшего класса часто описывается как более безответственная, недружелюбная, чем женщина из среднего класса)³³, а во-вторых, социальная среда (считается, что гендерные стереотипы и распространены намного меньше в среде высшего и среднего класса)³⁴. Наиболее исследованным является влияние на гендерную стереотипизацию расового или этнического фактора. Так, “серьезными особенностями обладает стереотип русской женщины. Ей атрибутируются не только многочисленные достоинства западных и восточных женщин, но и качества, которые в западных культурах соответствует стереотипу маскулинности: русская женщина красива, добра, сильна, вынослива, трудолюбива, душевна, миролюбива”³⁵.

Проводниками гендерных стереотипов являются многие политические и социальные институты — государство, религия, семья и образование. Однако наибольшее влияние на них оказывают СМИ, и прежде всего телевидение, транслирующее нормативную информацию о гендерных ролях, о том, что есть настоящая мужественность и женственность, как подобает себя вести в различных ситуациях мужчине и женщине³⁶. Трудно, если не невозможно, отделить, измерить или проранжировать все возможные факторы такого влияния: очевидно лишь то, что СМИ создают очень схематичное и одномерное представление о роли женщины в обществе. Тем не менее, многочисленные исследования данного вопроса помогли выявить потенциал СМИ в усилении традиционной (консервативной) точки зрения на роль женщины в обществе.

Во-первых, налицо тенденция показывать женщин в роли домохозяйек — потребителей или в качестве кокеток, стремящихся привлечь внимание мужчин. Особенно характерно такое представление в рекламе. Женский персонаж в рекламе, как правило, выглядит следующим образом: она хозяйственна, красива и сексуальна, недостаточно компетентна в определенных вопросах (здесь и сыгра-

³³ Basow S.A. Gender stereotypes and roles. Pacific Grove, 1992. P. 4.

³⁴ Lips H.M. Sex and gender: an introduction. Radford, 1997. P. 20.

³⁵ См.: Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3.

³⁶ Терещенко А.Б. Гендерные стереотипы // Совушка. 2016. № 1.

ет свою роль рекламируемый товар) и поэтому прислушивается к мнению мужа и подруги. Для женщины важна эмоциональность и чувственность восприятия. Мужчина же часто выступает удачливым бизнесменом на дорогом автомобиле и в хорошем костюме, любящим мужем и отцом или искусным соблазнителем, окруженным женщинами. Реклама, ориентированная на мужчин, делает акцент на функциональность, финансовую состоятельность и статусность.

Феминистские исследователи утверждают, что такое представление женщин посредством СМИ усиливает доминацию мужчин. При этом речь идет не только о рекламе, — такая установка транслируется в несколько менее явной форме всеми СМИ в целом. Например, исследования показали, что несмотря на то, что половина рабочего рынка США и Канады занята женщинами, телевидение помогает воспринимать этот процент как существенно меньший. Даже в бывшем СССР, где работало 93% женщин, опросы, проведенные среди аудитории молодежных журналов, показали, что мужчины в 5 раз чаще, чем женщины позиционируются именно в соответствии с их профессиональной принадлежностью. Более того, даже те женщины, профессиональная деятельность которых освещается телевидением, обычно выступают в роли “синего чулка” (музыкальный фильм Г. Алексадрова “Весна”) или же всем известной “мымры” из кинофильма Э. Рязанова “Служебный роман”. Например, женщины, имеющие высокий профессиональный статус, в телесериалах и комедийных постановках гораздо чаще, чем домохозяйки, оказываются неудачницами в супружеской жизни³⁷.

Во-вторых, несмотря на то, что женщины составляют более половины населения планеты, СМИ, как правило, представляют их как меньшую социально-демографическую группу. Так, многие газеты, как общенациональные, так и местные, имеют специальные рубрики “Для женщин”, “Уголок женщины”, а радио — “Час женщины”. Таким образом, интересы женщин, стараниями СМИ, нивелируются и сводятся к интересам меньшинства.

Исследования, проведенные британской исследовательницей Дж. Танстал позволили обобщить результаты научных поисков на эту тему: информация о женщинах в СМИ обычно подается с искажением. Женщин рассматривают только в качестве домохозяек, матерей, жен, любовниц, — что, безусловно, формирует неверное общественное мнение³⁸. Следствием этого служит так называемая

³⁷ Taylor P., Richardson J., Yeo A. *Sociology in focus*. L., 1997. P. 108.

³⁸ Tunstall J. *The media in Britain*. L., 1983. P. 148.

“объективация женщины” — феномен, базирующийся на искусственном создании в обществе нездоровых идеалов внешней женской привлекательности, часто — с помощью новых, электронно-цифровых СМИ. Объективация или “опредмечивание” человека представляет собой восприятие его как товара или объекта для какого-либо использования, когда к человеку начинают относиться как к неодушевленному предмету и применять в личных целях, характеризовать его, опираясь на стереотипы. Посредством объективации женщин, которая может принимать различные формы — от пристального оценочного взгляда в общественном пространстве и заканчивая использованием изображений разных частей тела с сексуальным подтекстом, их сводят лишь к той функции (мать, жена, любовница и т.п.), которую они и должны преимущественно выполнять.

Ученые доказали, что такие стереотипные представления женщин в СМИ могут оказать влияние на понимание детьми сути разделения функций полов в обществе. Так, К. Дуркин и П. Ахтар были проведены специальные исследования, чтобы измерить корреляцию между точкой зрения телевидения на роль мужчин и женщин в обществе и мнением детей. Мужчины и женщины в двух разных телепередачах были представлены как в своих традиционных ролях (женщина — домохозяйка, мужчина — кормилец семьи), так и наоборот (женщина — кормилец семьи, мужчина — ведет хозяйство). В результате, те дети, которые просмотрели передачу, где традиционные роли были показаны “наоборот”, были более либеральны в ответах на традиционные вопросы о распределении функций между мужчиной и женщиной³⁹.

Следует отметить, что попытки СМИ возвеличить роль женщины или отстаивать ее независимость, к сожалению, приводят к парадоксальному эффекту: сообщения о том, что женщина независима, с неизбежностью ведет к утверждению зависимости женщин. И этот стереотип женской зависимости во многом создан СМИ⁴⁰.

Однако все исследования этого типа показывают, что СМИ и телевидение могут оказать лишь потенциальное влияние на социальные установки. В большинстве случаев все же довольно трудно отделить влияние СМИ от других факторов. Дело в том, что стереотипы амбивалентны по самой своей природе. С одной стороны, они с помощью определенных схем поведения помогают адаптироваться

³⁹ *Durkin K., Akhtar P. Television, sex, roles and children // New Society. 1983.7.04.*

⁴⁰ *McRobbie A. Jackie: an ideology of adolescent femininity // Dutton B.P. The Media. L.: 1986. P. 41.*

в социокультурной среде, познавать явления действительности, а с другой — устаревая, ставят своеобразный барьер на пути к развитию культурной личности и к установлению гендерного равенства в нашем обществе⁴¹. И именно они продуцируют и поддерживают гендерное неравенство в его традиционной форме — неравенство по признаку половой принадлежности, связанное, прежде всего, с дискриминацией женщин.

Во многих странах гендерное неравенство, дискриминирующее женщин, поддерживается религиозными традициями. Так, Талибан издал более 50 указов, подавляющих права женщин и девочек. Им запрещено не только модно одеваться и носить украшения, но и получать образование, где-либо работать (за исключением медицинских учреждений для женщин)⁴². У ваххабитов женщинам не разрешается работать (кроме как в окружении женщин); им нельзя водить машину, не дозволяется выходить из дома без сопровождения мужчины — старшего члена семьи. Лицам женского пола запрещено участвовать в каких-либо государственных мероприятиях или в процессе принятия решений, даже если они касаются их самих. Они могут подвергаться телесным наказаниям, а также обязаны закрывать лицо паранджой⁴³.

В Индии до сих пор иногда практикуется официально запрещенный обряд ритуального сожжения вдов — “сати”, который рассматривается в качестве “вышей духовной жертвы”⁴⁴. В некоторых странах Африканского континента еще бытуют средневековые представления, связывающие с колдовством именно женщинами. В 24 странах мира женщины лишены права передавать гражданство своим детям на равных основаниях с мужчинами⁴⁵. Даже в Западной Европе и США, где у женщин гораздо больше прав и автономии, тоже сохраняются отдельные элементы гендерного неравенства в виде определенных социальных установок или стереотипов.

⁴¹ Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 23.

⁴² Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 148.

⁴³ См. об этом: Olivetti V. Terror's source. The ideology of Wahhabi-Salafism and its consequences. Birmingham, 2002.

⁴⁴ См. об этом: Hawley J. Hinduism: sati and its defenders // Fundamentalism and Gender / Ed. by J.S. Hawley. Oxford, 1994; Sakuntala N. Sati: a study of widow burning in India. New Delhi, 1998.

⁴⁵ Новости ООН. 3 октября 2023 г. Женщины. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445427> (дата обращения: 20.08.2025).

В ХХI в. девальвация социальной значимости брака, ослабление различий между мужской и женской епархиями, бывших абсолютными, интенсивный приток женщин на рынок труда и ликвидация мужской монополии на распоряжение доходами семьи, бросили вызов существующему патриархальному укладу⁴⁶. Другими словами, в связи с реконструкцией традиционных воззрений гендерные отношения потеряли свою иерархичность. Нельзя сказать, что в рамках современной культуры мужчина потерял свой авторитет, просто исчезло жесткое ему подчинение. Нет ни полного признания авторитета отца, ни полного контроля над жизнью семьи со стороны матери. Отношения построены на взаимных обязанностях и правах. Таким образом, для современной культурной действительности характерно совмещение, взаимный обмен ролями и обязанностями⁴⁷.

В то же время ученые констатируют, что в связи со сменой традиционных основ российской культуры и всего общества в целом прослеживается своеобразный “гендерный разлад”. Дело в том, что многие представители социума не поддерживают смещения ролей, а следовательно, противодействуют и обновлению стереотипов. Так, любые изменения в социальном статусе женщин, которые бросают вызов традиционной патриархальной культуре и порядку, провоцируют различные ответы со стороны отдельных, радикально настроенных социальных групп. Общим для них является стремление сохранить или воссоздать утраченные патриархальные социальные отношения, укрепить стереотипы, еще бытующие в общественном сознании, посредством которых роль женщины искусственно понижается, поэтому она отстраняется от активного участия во всех сферах социальной жизни⁴⁸.

Итак, сегодня можно наблюдать две противоположные тенденции. Первая из них свидетельствует о стремлении одной части социокультурных индивидов окончательно отойти от традиционных воззрений. Другая, наоборот, показывает, что в обществе находит место потребность в возрождении стереотипных норм и прежних ценностных ориентаций. В основном такого рода проблема воз-

⁴⁶ Hardacre H. The impact of fundamentalisms on women, the family, and interpersonal relations // *Fundamentalisms Observed: Reclaiming the Sciences, the Family, and Education*. Vol. 2. / Ed. by M.E. Marty, R.S. Appleby. Chicago, 1993. P. 135.

⁴⁷ Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // *Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2012. № 4. С. 23.

⁴⁸ Rose S.D. Antifeminism // *Encyclopedia of Fundamentalism* / Ed. by B.E. Brasher. N.Y.; L. 2001. P. 16.

никает в мужской среде. Все дело в том, что общественное мнение все еще, хоть и формально, но придерживается стереотипных убеждений. Общество, хоть и с трудом, принимает женщину с маскулинными качествами, а на мужчину с чертами феминности оказывает давление. Однако человек не только получает информацию о содержании понятий “маскулинность” и “фемининность”, но и постоянно находит подтверждение этой информации в своем жизненном опыте в самых различных сферах: на уровне представлений “политика — не женское дело”, “директором предприятия должен быть мужчина” и на уровне своего персонального опыта — когда женщина имеет меньшие шансы на высокооплачиваемую и престижную работу.

Кроме того, практически каждый стереотип может быть как мифом, так и правдой. Это зависит от общества, обстоятельств, восприятия определенных утверждений. Однако несоответствие стереотипу влечет за собой осуждение или непонимание со стороны общества, что может травмировать личность. Примером тому служат стереотипы о том, что “все красивые женщины меркантильны” или “все красивые женщины, особенно блондинки — глупы”, в которых имеет место противопоставление красоты и ума.

В последние годы все чаще звучит мнение, что традиционные половые роли ограничивают и сдерживают развитие не только женщин, но и мужчин, что приводит к формированию психической напряженности. В данной связи закономерно возникает вопрос: какие социальные последствия влечет за собой гендерная стереотипизация?

Во-первых, гендерные стереотипы являются социально разделяемыми представлениями. И человек, желая быть социально приемлемым, пытается соответствовать стереотипам, репрезентирует себя в социально приемлемой манере. Так, социально-осуждаемым может быть и выбор профессий, которые заданы гендерными ролями, причем для мужчины здесь нормы более жесткие, чем для женщины (мужчина, ухаживающий за своими детьми или работающий воспитателем в детском саду, также вызывает порицание общества в связи с несоответствием этой роли его гендерной принадлежности). Таким образом, гендерные стереотипы являются мощным рычагом социального контроля. Обратный механизм — интерпретация мотивов поведения и результатов деятельности человека на основании его гендерной принадлежности. Принадлежности к группе (в нашем случае, к группе мужчин или женщин) достаточно, чтобы объяснить мотивы поведения конкретных мужчин и конкретных

женщин. Например, если политик-мужчина пересматривает свое решение, то это скорее трактуется как мудрость, как политическая хитрость; если отступает политик-женщина, то это намного чаще трактуется как женская слабость и женская неразумность.

Во-вторых, гендерные стереотипы оказывают весьма негативное влияние на жизненные притязания и достижения женщин.

В свое время Дж. Олпорт сформулировал идею о том, что люди, являющиеся жертвами предрассудков, обычно развивают в себе именно те качества, которые соответствуют этим предрассудкам⁴⁹. Многие западные исследователи вслед за Дж. Олпортом констатируют тот факт, что если женские характеристики в обществе воспринимаются как негативные, то женщина не только их разделяет, но и программирует себя на неудачу, развивает в себе эти качества⁵⁰. Например, женщины часто считают, что “на собеседовании оценивают не профессионализм, а внешность”; “их могут не взять на работу, если нет детей”; “могут не взять на работу, если есть дети”; “при трудоустройстве спрашивают о репродуктивных планах, а зарплату повышают неохотно”.

Тем не менее, в настоящее время происходит наиболее активное отхождение от стереотипных норм, лежащих в основе российской действительности. Прежние культурные ориентиры становятся менее традиционными, а приемлемые в обществе традиционные гендерные роли и стереотипы подвергаются значительной реконструкции. При этом значимый вклад в эту реконструкцию вносят представители науки, которые активно проводят сравнительные гендерные исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4.

Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.

Новости ООН. 3 октября 2023 г. Женщины. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445427> (дата обращения: 20.08.2025).

Послание к Ефесянам Святого Апостола Павла. 5: 22–24 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2003.

Послание к Колоссянам Святого Апостола Павла. 3:18 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2003.

Почти 2,4 млрд женщин в мире лишены равных с мужчинами экономических прав. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/03/01/>

⁴⁹ Allport G. W. The nature of prejudice. N.Y., 1958.

⁵⁰ Basow S.A. Gender stereotypes and roles. Pacific Grove, 1992. P. 11.

nearly-2-4-billion-women-globally-don-t-have-same-economic-rights-as-men (дата обращения: 20.08.2025).

Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной. М., 2003.

Ребрикова А.Г. Женское представительство в органах государственной власти в период с 1991 по 2023 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 5.

Розанов В.В. Религия и культура // Розанов В.В. Собр. соч. М., 1995. Т. 1.

Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной истории-ософии // Филологические науки. 2000. № 3.

Терещенко А.Б. Гендерные стереотипы // Совушка. 2016. № 1.

ФНПР провела социологическое исследование о соблюдении прав трудящихся женщин. URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (дата обращения: 20.08.2025).

Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.

Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М., 2010.

Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма. // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001.

REFERENCES

FNPR provela sociologicheskoe issledovanie o soblyudenii prav trudyashchihsya zhenshchin [The FNPR Conducted a Sociological Study on the Observance of Women Workers' Rights]. URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (data obrashcheniya: 20.08.2025) (in Russian).

Allport G. W. The nature of prejudice. N.Y., 1958.

Basow S.A. Gender stereotypes and roles. Pacific Grove, 1992.

Chelishchev V.I. Fundamentalizm i fundamentalisty [Fundamentalism and Fundamentalists]. М., 2010 (in Russian).

Chignell H. Data in sociology. Ormskirk, 1990.

Durkin K., Akhtar P. Television, sex, roles and children // New Society. 1983.7.04.

Elliot P., Mendell N. Teorii feminizma [Theories of Feminism] // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Hrestomatiya. Har'kov; SPb., 2001 (in Russian).

Fridan B. Zagadka zhenstvennosti [The Riddle of Femininity]. М., 1994 (in Russian).

Gender. American heritage dictionary of the English language. N.Y., 1992.

Greer G. The Female Eunuch. St. Albans, 1971.

Hardacre H. The impact of fundamentalisms on women, the family, and interpersonal relations // Fundamentalisms Observed: Reclaiming the Sciences, the Family, and Education. Vol. 2. / Ed. by M.E. Marty, R.S. Appleby. Chicago, 1993.

Hawley J. Hinduism: sati and its defenders // Fundamentalism and Gender / Ed. by J.S. Hawley. Oxford, 1994.

Heywood A. Politics. L., 1997.

Lips H.M. Sex and gender: an introduction. Radford, 1997.

Lobko N.A. Tradicionnye gendernye stereotipy v kul'ture sovremennoj Rossii ["Traditional Gender Stereotypes in the Culture of Contemporary Russia"] // Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2012. N 4 (in Russian).

- Martin J., Roberts C.* Women and employment. L., 1984.
- McRobbie A.* Jackie: an ideology of adolescent femininity // Dutton B.P. The Media. L., 1986.
- Merenkov A. V.* Sociologiya stereotipov [Sociology of Stereotypes]. Ekaterinburg, 2001 (in Russian).
- Novosti OON. 3 oktyabrya 2023 g. Zhenshchiny [UN News. October 3, 2023. Women]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445427> (data obrashcheniya: 20.08.2025) (in Russian).
- Olivetti V.* Terror's source. The ideology of Wahhabi-Salafism and its consequences. Birmingham, 2002.
- Payne G., Abbott P.* Social mobility of women. L., 1990.
- Pochti 2,4 mlrd zhenshchin v mire lisheny ravnnyh s muzhchinami ekonomicheskikh prav [Nearly 2.4 billion women worldwide lack equal economic rights with men]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2022/03/01/nearly-2-4-billion-women-globally-don-t-have-same-economic-rights-as-men> (data obrashcheniya: 20.08.2025) (in Russian).
- Poslanie k Efesyanam Svyatogo Apostola Pavla. 5: 22–24 [Epistle of St. Paul to the Ephesians. 5: 22–24] // Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. M., 2003 (in Russian).
- Poslanie k Kolossyanam Svyatogo Apostola Pavla. 3:18 [Epistle of St. Paul to the Colossians. 3:18] // Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. M., 2003 (in Russian).
- Rashid A.* Taliban. Islam, neft' i novaya Bol'shaya igra v Central'noj Azii [Taliban. Islam, Oil, and the New Great Game in Central Asia]. M., 2003 (in Russian).
- Rebrikova A. G.* Zhenskoe predstavitel'stvo v organah gosudarstvennoj vlasti v period s 1991 po 2023 gg. [Women's Representation in Government Bodies from 1991 to 2023] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2024. N 5 (in Russian).
- Rees T.* Women and top jobs in Wales. Report for HTV Wales. L., 1991.
- Rose S. D.* Antifeminism // Encyclopedia of Fundamentalism / Ed. by B. E. Brasher. N.Y.; L., 2001.
- Rozanov V. V.* Religiya i kul'tura [Religion and Culture] // Rozanov V. V. Sobr. soch. M., 1995. T. 1 (in Russian).
- Ryabov O. V.* Mif o russkoj zhenshchine v otechestvennoj i zapadnoj istoriosofii [The Myth of the Russian Woman in Russian and Western Historio-Sophia] // Filologicheskie nauki. 2000. N 3 (in Russian).
- Sakuntala N.* Sati: a study of widow burning in India. New Delhi, 1998.
- Shahak I., Mezvinsky N.* Jewish fundamentalism in Israel. L., 2004.
- Taylor P., Richardson J., Yeo A.* Sociology in focus. L., 1997.
- Tereshchenko A. B.* Gendernye stereotipy [Gender Stereotypes] // Sovushka. 2016. N 1 (in Russian).
- Tunstall J.* The media in Britain. L., 1983.
- Wollstonecraft M.* A vindication of the rights of women. Hammondsworth, 1985.

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-29-50

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена осмыслению роли средств массовой информации и пропаганды в современных социальных и политических процессах. Обозначив смысловые нагрузки термина “средства массовой информации”, автор статьи переходит к анализу их сущности и роли в общественной и политической жизнедеятельности современных обществ. При этом, автор статьи особо подчеркивает абсурдность словосочетания “четвертая власть” и указывает на недопустимость его использования применительно к деятельности средств массовой информации и пропаганды и их роли в обществе. В его представлении средства массовой информации и пропаганды не являются автономным субъектом социальных и политических процессов, а служат эффективным инструментом в руках различных субъектов общественной и политической жизнедеятельности, задействованных в процессах формирования общественного мнения, социального манипулирования и социального мифотворчества.

Также в статье автор анализирует представления ряда современных исследователей о наборе средств, методов и технологий, используемых средствами массовой информации и пропаганды в процессах социального мифотворчества, манипулятивного воздействия, а также других социальных и политических процессах, считая необходимым усилить контроль за их деятельностью в контексте обеспечения национальной безопасности и защиты традиционных для России и русского народа систем духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: средства массовой информации и пропаганды, средства массовой коммуникации, система средств массовой коммуникации, социальное манипулирование, социальное мифотворчество.

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

THE ROLE OF MEDIA AND ADVOCACY IN SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the role of the media and propaganda in modern social and political processes. Having outlined the semantic loads of the term "media", the author of the article goes on to analyze their essence and role in the social and political life of modern societies. At the same time, the author of the article emphasizes the absurdity of the phrase "fourth power" and points out the inadmissibility of its use in relation to the activities of the media and propaganda and their role in society. In his view, the media and propaganda are not an autonomous subject of social and political processes, but serve as an effective tool in the hands of various subjects of social and political life involved in the processes of forming public opinion, social manipulation and social myth-making.

Also in the article, the author analyzes the ideas of a number of modern researchers about a set of tools, methods and technologies used by the media and propaganda in the processes of social myth-making, manipulative influence, as well as other social and political processes, considering it necessary to strengthen control over their activities in the context of ensuring national security and protecting the systems of spiritual and moral values traditional for Russia and the Russian people.

Key words: mass media and propaganda, mass media, mass media system, social manipulation, social myth-making.

В современном мире средства массовой информации и пропаганды значимым образом влияют фактически на все сферы жизни общества. Именно они осуществляют интенсивную обработку общественного мнения, занимаются его формированием, распространяют, популяризируют образцы, стили, нормы поведения, моделируют, пропагандируют и внедряют в массовое и групповое сознание образ реальности, к которому необходимо стремиться. Хотя здесь сразу следует оговориться, что как справедливо отмечают Н.Г. Осипова и Е.И. Юрченко, у современных исследователей влияния средств массовой информации и пропаганды на общественное сознание нет единой точки зрения по поводу оценки такого влияния, как и единой общепринятой теории¹.

В то же время никто из исследователей не отрицает тот факт, что средства массовой информации и пропаганды являются одной

¹ См.: Осипова Н.Г., Юрченко Е.И. Средства массовой информации в современном обществе: теоретико-методологический анализ базовых подходов // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. С. 65.

из разновидностей средств массовой коммуникации (СМК), то есть объектов, “при помощи которых в массовой коммуникации изготовляется, производится, хранится и распространяется информация”². Как отмечал отечественный исследователь Ю.П. Буданцев, СМИ (то есть система средств массовой коммуникации четвертого типа (ССМК-4) в его классификации) являются новейшей технической разновидностью СМК, возникшей относительно недавно в процессе эволюционного развития систем средств массовой коммуникации³. К предшествующим появлению СМИ видам ССМК Ю.П. Буданцев отнес естественные виды систем средств массовых коммуникаций, возникшие в более ранние исторические эпохи — ССМК-1, ССМК-2, ССМК-3:

- ССМК-1 — «массовые действия карнавального типа, народные демонстрации, народный театр, обрядовые действия, условно “собрание”»⁴;
- ССМК-2 — «современный театр, митинги, собрания формальных и неформальных групп, церковная служба как действие и т.д., условно — “театр”»⁵;
- ССМК-3 — «библиотеки, выставки, музеи, наглядная агитация, условно — “книга”»⁶;
- ССМК-4 — «печать, радио, телевидение, кинематограф, условно — “фильм”»⁷.

Вполне естественно, что данная классификация ССМК, без ее актуализации к современным реалиям, в значительной степени, является устаревшей. Однако, если принять ее за основу и попытаться доработать, то в настоящее время в дополнение к упомянутым Ю.П. Буданцевым разновидностям ССМК-4, в связи с развитием глобальной информационной сети, интернета, “экспансией технологической среды в жизненное пространство человека, многократным увеличением доли технически опосредованной коммуникации, так называемых цифровых сервисов”⁸, можно также добавить и интернет-СМИ, интернет-ресурсы, глобальные виртуальные среды, фактически оказывающиеся самым эффективным инструментом

² Буданцев Ю.П. Средства массовой коммуникации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Слов.-справ. М., 2005. С. 717.

³ См.: Там же. С. 718.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Буданцев Ю.П. Средства массовой коммуникации. С. 718.

⁸ Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации. М., 2025. С. 154.

воздействия на сознание молодых людей, в отношении которых в научном и житейском обиходе к настоящему времени укоренился термин “новые медиа”.

Как справедливо отмечает Н.Г. Осипова, “Новые медиа олицетворяют новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента. Новые медиа — термин, который определяет новейший цифровой формат существования средств массовой информации в сети Интернет, а также способ распространения контента и новые формы коммуникации. К ним относят электронные версии газет, журналов, теле и радиопередач, информационные сайты в сети Интернет, видеохостинги, социальные сети, блоги и другие ресурсы”⁹.

Новые медиа, как вариант, также можно трактовать не только как разновидность ССМК-4 в классификации Ю.П. Буданцева, но и как новую разновидность ССМК, т.е. ССМК-5 (условно “сеть”, как отмечают некоторые авторы¹⁰ или “цифра”), учитывая их влияние на жизнедеятельность современных обществ и молодых людей.

Например, результаты социологического исследования, проведенного сотрудниками социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в апреле-мае 2024 г. “Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности” с целью выявления восприятия студентами социологического факультета МГУ сущности и особенностей коммуникативного воздействия на современную молодежь в условиях становления электронно-цифрового общества, показали “критическое отношение и недоверие молодежи к традиционным средствам массовой информации (печати, радио и телевидению)”¹¹. При этом была выявлена следующая устойчивая тенденция, — доверие молодежи “к традиционным СМИ постепенно, но устойчиво уступает место доверию к нетрадиционным средствам массовой информации (блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам и другим Веб-ресурсам). Так, если о своем доверии к традиционным средствам массовой информации

⁹ Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации. С. 154.

¹⁰ См.: Музыкант В.Л. Концепция WEB 2.0 как ключевой драйвер современного образовательного киберпространства // Медиаобразование. Media Education. Журнал истории, теории и практики медиапедагогтики. 2017. № 2. С. 98.

¹¹ Елишев С.О., Дорцева Е.В. Социальная коммуникация в современном обществе: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 4. С. 247.

(печати, радио, телевидению) высказалась примерно треть (31,08%) опрошенных, то о доверии к новым СМИ — уже около двух пятых (38,9%). И наоборот, около двух пятых (40,85%) студентов заявили о своем недоверии к традиционным средствам массовой информации и только четверть молодых людей (26,43%) высказались о своем недоверии к блогосфере, социальным сетям, виртуальным сообществам, другим веб-ресурсам. 34,66% молодых людей не дали конкретного ответа”¹².

Как показывает история, средства массовой информации вместе с другими системами средств массовой коммуникации являются действенным инструментом осуществления пропаганды со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности, инициирующих начало соответствующих пропагандистских и информационных кампаний. Однако по сравнению с другими системами средств массовой коммуникации СМИ являются самым эффективным инструментом пропаганды и социального манипулирования. При этом следует также отметить, что категория “СМИ” используется в научной и публицистической литературе в двух значениях.

В первом значении средства массовой информации — общедоступные средства распространения информации (прежде всего пресса, радио, телевидение, компьютерные линии связи и др.), адресованные массовой аудитории и обеспечивающие прямую и обратную связь между субъектами социально-политической деятельности. Во втором значении — это система корпоративных организаций, занимающихся производством и распространением информации.

Отличительными чертами СМИ как распространителя и инструмента передачи информации, которые принимают во внимание манипуляторы, являются в первую очередь возможность охвата большой целевой аудитории, “публичность, т.е. неограниченный и надперсональный круг потребителей; наличие специальных, технических приборов, аппаратуры; не прямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров; односторонность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей; непостоянный, дисперсивный характер их аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье”¹³.

¹² Дорцева Е.В. Жизненные ориентиры современной студенческой молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. Т. 31. № 2. С. 223.

¹³ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2004. С. 332.

На наш взгляд, обобщая взгляды ряда авторов¹⁴, можно констатировать, что в социальной теории выделяют несколько видов СМИ: 1) визуальные СМИ (периодическая печать, пресса), занимающиеся распространением информации посредством печатного воспроизведения текста и изображения; 2) аудиальные СМИ (радио), занимающиеся передачей звуковой информации при помощи электромагнитных волн; 3) аудиовизуальные СМИ (телевидение, документальное кино), осуществляющие передачу звуковой и видеoinформации с помощью электромагнитных волн; 4) интернет-СМИ (визуальные, аудиальные, аудиовизуальные СМИ), осуществляющие распространение и передачу информации посредством использования интернета как своеобразной медиа-среды.

В современном мире средства массовой информации и пропаганды осуществляют эффективное воздействие на общественное, индивидуальное и групповое сознание. Они являют собой один из самых важных инструментов социально-политических процессов, а также служат эффективным средством формирования общественного мнения и манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Как отмечал в конце XIX — начале XX в. К.П. Победоносцев, в этом смысле СМИ являются “одним из самых лживых учреждений нашего времени”¹⁵, поскольку “любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, — и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность”¹⁶.

При этом, подчеркивал К.П. Победоносцев, “ежедневный опыт показывает, что тот же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке, — и таланты пишут что угодно редактору. Опыт показывает, что самые ничтожные люди — какой-

¹⁴ См., например: *Гринберг Т.Э.* Политические технологии: ПР и реклама. М., 2012; *Кириллова Н.Б.* Медиалогия. М., 2015; *Мельник В.А.* Современный словарь по политологии. Минск, 2004; Политические коммуникации / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2004; *Почепцов Г.Г.* Информационно-политические технологии. М., 2003; *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М., 2004.

¹⁵ См.: *Победоносцев К.П.* Московский сборник. СПб., 2009. С. 60.

¹⁶ *Победоносцев К.П.* Московский сборник. С. 62.

нибудь бывший ростовщик <...> газетный разносчик, участник банды червонных валетов, разорившийся содержатель рулетки — могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить свое издание на рынок в качестве органа общественного мнения. Нельзя положиться и на здравый вкус публики. В массе читателей — большей частью праздных — господствуют наряду с некоторыми добрыми жалкие и низкие инстинкты праздного развлечения, и любой издатель может привлечь к себе массу расчетом на удовлетворение именно таких инстинктов, на охоту к скандалам и пряностям всякого рода. <...> Не говорим уже о массе слухов и известий, сочиняемых невежественными репортерами, не говорим уже о гнусном промысле шантажа, орудием коего нередко становится подобная газета. И она может процветать, может считаться органом общественного мнения и доставлять своему издателю громадную прибыль... И никакое издание, основанное на твердых нравственных началах и рассчитанное на здравые инстинкты массы, не в силах будет состязаться с нею”¹⁷.

Безусловно, что данная К.П. Победоносцевым оценка роли средств массовой информации и пропаганды, несмотря на их активное развитие в XX–XXI вв., не утратила своей актуальности и по настоящее время.

К сожалению, в среде отечественных журналистов (и частично благодаря им) в массовом сознании до сих пор популярно утверждение, что СМИ являются своеобразной “четвертой властью”, наряду с государственными ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной. Однако это в корне неверно. Тот, кто знаком со спецификой журналистской работы, прекрасно понимает, что любой журналист фактически работает по заказу своего редактора и стоящего за ним работодателя-спонсора (будь то государственное, муниципальное или частное СМИ). Если журналист не будет приносить материалы, которые соответствуют редакционной политике СМИ и ожиданиям работодателя — спонсора, или выражает активное несогласие с мнением редакции и работодателя-спонсора, то он просто лишится работы. Как потеряет ее и редактор, если не будет удовлетворять требованиям работодателя-спонсора СМИ. В этом контексте надо понимать, что СМИ являются эффективным средством формирования общественного мнения и манипулятивного воздействия на массовое сознание, а в определенных случаях и олигархической группировкой, но никак не “властью”.

¹⁷ Там же. С. 62–63.

На наш взгляд, отличный и не утративший своей актуальности анализ деятельности СМИ в США и их роли в манипуляциях сознанием американцев дал американский ученый Г. Шиллер, который, в частности, отмечал, что в США “манипуляция служит одним из главных инструментов управления, находящегося в руках небольшой правящей группы корпоративных и правительственных боссов”¹⁸. На его взгляд, главным способом успешного социального манипулирования со стороны этих сил “является контроль на всех уровнях над информационным аппаратом и аппаратом формирования идей. Это гарантируется действием простого правила рыночной экономики. Владеть и управлять средствами массовой информации, как и всеми прочими видами собственности, могут лишь те, в чьих руках капитал. Радио- и телевизионные станции, газеты и журналы, киноиндустрия и издательства принадлежат корпоративным системам и информационным конгломератам. Таким образом, аппарат всегда готов к активному, доминирующему участию в манипулятивном процессе”¹⁹.

В результате, отмечает Г. Шиллер, “заправилами средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счете и наше поведение. Намеренно фабрикуя сообщения, искажающие реальную социальную действительность, они превращаются в манипуляторов сознанием. Сообщения, целенаправленно создающие искаженное представление о действительности и формирующие сознание, не позволяющие осмыслить или умышленно отвергающие реальные условия личной или общественной жизни, по сути своей являются подтасованными сообщениями”²⁰. Конечной целью подобного рода манипулятивного воздействия, по мнению Г. Шиллера, является достижение состояния пассивности и инертности индивида, гарантирующего сохранение статус-кво в социальной системе и благополучие заказчиков данных манипуляций²¹.

С такой оценкой роли СМИ в американском и иных западных обществах в значительной степени был солидарен и Э. Фромм. По его мнению, современные средства массовой информации занимают постоянную и перманентную “промывку мозгов” населению, одновременно являясь как своеобразной сферой бизнеса, так

¹⁸ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 22.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ См.: Там же. С. 47.

и эффективным инструментом манипулятивного воздействия на сознание людей. В современном обществе, на его взгляд, «газеты, журналы, радио и телевидение производят из сырья — событий и фактов — свою продукцию — *новости*. Именно новости можно продать, как товар, а средства информации определяют, какие события годятся для приготовления этого продукта, а какие — нет. Сообщения, которые получает простой гражданин, — это в лучшем случае дешевка, “ширпотреб”, самый поверхностный слой знаний, который не позволяет проникнуть в глубь явлений и понять подлинные причины тех или иных событий. И до тех пор, пока информирование населения остается бизнесом, никто не может помешать газетам и журналам печатать то, что хорошо раскупается, лишь бы это не ущемляло рекламодателей»²².

О “свободе прессы” как о “хорошо разыгранной иллюзии”²³ очень доступно для восприятия пишет известный немецкий журналист Удо Ульфкотте, отмечаящий вполне естественную коммерческую составляющую в деятельности СМИ, а также продажность СМИ и журналистов.

По его мнению, “медийные предприятия со своими сотрудниками являются, в первую очередь, предприятиями, имеющими деловые интересы. Иными словами, их цель заключается в максимальном увеличении прибыли. Цель издательств и журналистов заключается в зарабатывании денег. И заинтересованность в зарабатывании денег, как и повсюду, оказывает главное воздействие на бизнес”²⁴. А отсюда уже вытекает, на его взгляд, тот факт, что «среди журналистов взяточничество, продажность, считаются чем-то само собой разумеющимся и даже считаются элементом “хорошего тона”. Ибо чем больше журналист позволяет себя коррумпировать, тем больше у него шансов подняться выше по карьерной лестнице»²⁵. Впрочем, само собой разумеющимся будет и то, что “сегодня мы уже считаем обман, которому нас ежедневно подвергают журналисты, чем-то совершенно нормальным”²⁶, воспринимая СМИ и их деятельность как тривиальный инструмент — средство манипуляций и пропаганды.

²² Фромм Э. Иметь или быть? М., 2017. С. 295–296.

²³ Ульфкотте У. Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. М., 2015. С. 294.

²⁴ Там же. С. 292.

²⁵ Там же. С. 292–293.

²⁶ Там же. С. 151.

Средства массовой информации, состоя на службе у различных политических сил (ведь тот, кто финансирует СМИ, тот и определяет их “политику”) могут одновременно оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на общество. Они могут просвещать, а могут и дезинформировать; могут способствовать формированию полноценной личности гражданина, а могут сформировать из него эгоиста — “потребителя”, чуждого интересам нации, общества, государства, действующего в интересах лиц, осуществляющих скрытое управление им.

Как показывает практика, для оптимизации и эффективности процесса скрытого управления, средства массовой информации и пропаганды активно занимаются социальным мифотворчеством.

Г. Шиллер выделил пять базовых мифов, составляющих основное содержание манипулятивного воздействия, которые традиционно продвигали и популяризировали американские СМИ. Это мифы об индивидуализме и личном выборе, о нейтралитете, о неизменности природы человека, об отсутствии социальных конфликтов, о плюрализме СМИ²⁷.

Следует отметить, что в СССР средства массовой информации, декларативно провозглашаемые советскими идеологами и пропагандистами как “инструмент социального общения, коммунистического воспитания масс, укрепления международных связей в интересах мира”²⁸, активно занимались созданием различных утопий и мифов о неизбежной победе (наступлении) коммунизма, преимуществах социалистического строя, о неуклонном росте благосостояния советского народа и т.д. Буржуазные же средства массовой информации клеймились ими, “с одной стороны, как средство манипулирования сознанием масс, искажения истины, духовного давления, а с другой — как отрасль капиталистического предпринимательства и бизнеса”²⁹.

В постсоветской России на смену коммунистическим мифам, благодаря активной деятельности СМИ, пришли мифы либерально-западнические. Так, академик Г.В. Осипов в своей книге “Социальное мифотворчество и социальная практика” выделил 17 мифов, которые активно продвигали СМИ, внедряя их в сознание россиян. К подобным были отнесены мифы: 1) “об упразднении в государстве административно-приказной системы”; 2) “о верховенстве законов

²⁷ См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. С. 25–41.

²⁸ Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1983. С. 135.

²⁹ Там же.

различных структурных единиц (городов, районов, областей, республик) над законами структур, составными частями которых они являются”; 3) “о приоритете интересов нации, народов или автономий над интересами и правами личности”; 4) “о демократии как самоцели и средстве решения всех проблем”; 5) “о приватизации как средстве создания изобилия”; 6) “о возможности перехода к новым экономическим, политическим и социальным структурам без правового регулирования”; 7) “о русском империализме, об отождествлении Центра с Россией”; 8) “о вхождении территорий бывшего Союза в евро-американскую цивилизацию”; 9) “о том, что реформирование российского общества можно осуществлять без опоры на науку, на научное обоснование”; 10) «об “антиреформаторах” или противниках реформ»; 11) “о безраздельной свободе печати”; 12) “об угрозе коммунизма”; 13) “о будущем”; 14) “о том, что может быть разрешено все, что не запрещено законом”; 15) “о том, что Запад нам поможет”; 16) “о миролюбии США и НАТО”; 17) “о том, что все решит рынок”³⁰.

На взгляд Г.В. Осипова, такое социальное мифотворчество, “тесно сливающееся с авторитарным мышлением”³¹, конечно же, не может способствовать скорейшему выходу российского общества и государства из затянувшегося системного кризиса, “вытесняет науку из теоретического осмысления сложившейся социально-политической реальности, тем самым препятствует ее подключению к решению задач подлинного реформирования России”³². Оно же способствует превращению страны и народа “в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов, ставящих общество на грань национальной катастрофы”³³.

Помимо манипуляций посредством социального мифотворчества, СМИ и пропаганды используют наборы самых разнообразных средств, методов и технологий. Отметим классификации некоторых из них, осуществленные рядом исследователей и показавшиеся нам наиболее интересными.

Например, И.М. Дзялошинский выделил несколько видов коммуникативных средств, приемов, технологий и уловок, которые используются социальными манипуляторами для достижения своих целей посредством СМИ. Прежде всего, это так называемая “азбу-

³⁰ См.: *Осипов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 6–9.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же. С. 9–10.

³³ Там же. С. 10.

ка пропаганды”, разработанная в тридцатые годы XX в. американским Институтом анализа пропаганды и включающая в себя семь приемов: “приклеивание (или навешивание) ярлыков, сияющие обобщения (или блистательная неопределенность), перенос (или трансфер), ссылка на авторитеты, свидетельства (или свидетельствования), свои ребята (или игра в простонародность), общий вагон, (или фургон с оркестром)”³⁴, «перетасовка» или “подтасовка карт”»³⁵. Эти приемы “нашли широкое применение в рекламно-пропагандистских акциях и до сих пор активно используются средствами массовой коммуникации”³⁶.

Однако в настоящее время, на его взгляд, эта классификация, конечно же, устарела. К современным видам манипулятивных уловок, по мнению И.М. Дзялошинского, помимо мифологического манипулирования, следует отнести такие их группы, как:

- манипулятивные психотехнологии (например, “использование пугающих тем и сообщений”, “использование, создание контрастов”, “упрощение проблемы”, “осмеяние” и другие³⁷);
- манипуляции посредством управления информационными потоками или информационной средой (“фильтрация информационного потока”, “выборочный подбор информации”, “метод создания фактов”, “использования слухов”, “утечка секретной информации” и иные³⁸);
- ценностно-эмоциональное манипулирование (“использование слов, относящихся к основным ценностям общества”, “наклеивание ярлыков”, “забрасывание грязью”, “неопределенные выражения”, “использование эвфемизмов” и другое³⁹);
- использование механизмов социального контроля (“использование авторитетов (групп влияния)”, “такой же, как все, как мы”, “дополнительное свидетельство”, “принуждающая пропаганда”⁴⁰);

³⁴ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 32.

³⁵ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002. С. 150.

³⁶ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа. С. 32.

³⁷ См.: Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа. С. 39–45.

³⁸ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа. С. 45–49.

³⁹ Там же. С. 49–54.

⁴⁰ Там же. С. 56–59.

- манипулирование рациональными, убеждающими аргументами (“псевдологические выводы”, “утвердительные заявления”, “подбор аргументов”, “псевдообъяснения” и другие⁴¹);
- приемы защиты от манипуляции (отрицание, подавление, проекция, вытеснение, идентификация и иные⁴²).

Г.В. Грачев и И.К. Мельник в дополнение к “азбуке пропаганды” отметили и иные манипулятивные приемы: “мультипликативность (дробление) подачи информации, избыточность, высокий темп”, “осмеяние”, “метод отрицательных групп отнесения”, “повторение лозунгов” или “повторение шаблонных фраз”, “эмоциональная подстройка” или “эмоциональный подстрой”, “продвижение через медиаторов”, “мнимый выбор”, “инициирование информационной волны”⁴³.

По их мнению, в процессе дискуссионных обсуждений также используются:

- организационно-процедурные уловки (дозирование исходной информационной базы; формирование (мнений), установок путем целенаправленного подбора выступающих; двойные стандарты в нормах оценивания поведения участников дискуссий; “маневрирование” и управление повесткой обсуждения; ограничения в технике (процедуре) проведения обсуждения, реферирование);
- логико-психологические уловки (сознательная неопределённость выдвигаемого тезиса или ответа, наблюдение закона достаточного основания, порочный круг в доказательстве, неполное опровержение, приписывание, постулирование истины, неправомерные аналогии и др.);
- личностные, психологические уловки (раздражение оппонента, выведение его из равновесия насмешками; собственное возвышение или самовосхваление; использование незнакомых для оппонента слов, теорий и терминов; “подмазывание аргументов”; срыв или уход от обсуждения; прием «палочные доводы, “чтение в сердцах”»)⁴⁴.

Е.Л. Доценко, рассматривая различные варианты оперирования, обыгрывания собранной или транслируемой информации в

⁴¹ Там же. С. 59–69.

⁴² Там же. С. 74–79.

⁴³ См.: Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002. С. 154–159.

⁴⁴ См.: Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью... С. 176–188.

процессе манипулятивного воздействия, отметил следующие разновидности приемов такого оперирования: искажение, утаивание, способ подачи информации, момент подачи информации, подпороговую подачу информации⁴⁵.

С.Г. Кара-Мурза выделил восемь манипулятивных приемов, повышающих эффективность СМИ в процессе манипулятивного воздействия: 1) фабрикацию фактов (прямая ложь); 2) отбор событий реальности для обобщений; 3) серую и черную пропаганду; 4) манипулятивную семантику: изменение смысла слов и понятий; 5) упрощение, стереотипизацию; 6) утверждение и повторение; 7) дробление и срочность, сенсационность⁴⁶.

Е.В. Горина обозначила следующие подвиды приемов манипуляции: манипуляцию словами-амебами; манипуляцию при помощи контраста и обобщения; манипуляцию с помощью подмены понятия; манипуляцию критикой; манипулятивное обращение к идентичности; манипуляцию столкновением смыслов⁴⁷.

С.А. Зелинский привел 26 приемов эффективного манипулятивного воздействия СМИ на массы, к которым отнес: 1) принцип первоочередности; 2) “очевидцев” событий; 3) образ врага; 4) смещение акцентов; 5) использование “лидеров мнений”; 6) переориентацию внимания; 7) эмоциональное заряжение; 8) показную проблематику; 9) недоступность информации; 10) удар на опережение; 11) ложный накал страстей; 12) эффект правдоподобия; 13) эффект “информационного штурма”; 14) обратный эффект; 15) будничный рассказ, или зло с человеческим лицом; 16) односторонность освещения событий; 17) принцип контраста; 18) одобрение мнения большинства; 19) экспрессивный удар; 20) ложные аналогии, или диверсии против логики; 21) искусственное просчитывание ситуации; 22) манипулятивное комментирование; 23) эффект присутствия; 24) допуск (приближение) к власти; 25) повторение; 26) правду наполовину⁴⁸.

Д.А. Волкогонов, анализирувавший средства психологической войны стран НАТО против СССР и их союзников, выделил следующие методы, используемые буржуазными СМИ в этом противосто-

⁴⁵ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997. С. 109–112.

⁴⁶ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2017. С. 299–324.

⁴⁷ См.: Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности. Екатеринбург, 2016. С. 15–36.

⁴⁸ См.: Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб., 2008. С. 38–52.

янии: метод подлогов (“полностью сфабрикованных или частично подделанных вариантов реально существующих документов, материалов, литературы”⁴⁹); метод дискредитации (“дискредитация руководящих органов, общественных организаций, политических мероприятий, конкретных лиц, теорий, взглядов и т.д.”)⁵⁰; метод барража (“способ отвлечения общественного внимания от какой-либо политической реальности или события”)⁵¹; метод запугивания (“своеобразного духовного террора, с тем чтобы подавить у противника волю к сопротивлению, борьбе, достижению цели”⁵²); метод распускания слухов («инструмента дезинформации, запугивания, “подсказывающие” определенную модель поведения доверчивым людям»⁵³); метод “кражи лозунгов” (“в сложившиеся понятия, призывы пытаются внести враждебное содержание”⁵⁴); “метод создания иллюзорных стереотипов мышления”⁵⁵; метод “подтасовка карт” (“такие психологические действия, когда события, факты подгоняются под определенную концепцию, версию, точку зрения”⁵⁶); метод “наклеивания ярлыков” (“без всяких доказательств отдельные действия, лица, организации объявляются подрывными, нелояльными, продажными, террористическими и т.д.”⁵⁷); метод “манипулирования иллюзиями”⁵⁸, метод “эффекта дискуссионности”⁵⁹; “манипулирование словами-стереотипами”⁶⁰.

Применение такого рода манипулятивных технологий, приемов и методов в настоящее время очень хорошо видно на примерах деятельности современных украинских и западных средств массовой информации и пропаганды, которые активно осуществляют манипулятивную обработку и “промывку мозгов” гражданам государств Западного мира, Украины, Российской Федерации, а также других государств в освещении событий на Донбассе, Специальной Военной Операции, политики российского руководства и государства. Данными средствами массовой информации и пропаганды

⁴⁹ Волкогонов Д.А. Психологическая война... С. 119.

⁵⁰ Там же. С. 120.

⁵¹ Там же. С. 121.

⁵² Там же. С. 122.

⁵³ Там же. С. 124–125.

⁵⁴ Там же. С. 125.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 125–126.

⁵⁸ Там же. С. 160.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 161.

активно и агрессивно распространялись и распространяются различные традиционные русофобские мифы и иные мифы (в частности о “древней украинской нации”, “древних уках” и государственности, “чудо-оружии” (“Джавелинах”, “Байрактарах”, “Хаймарсах” и т.д.), пилоте “Призраке Киева”, успешно противостоящем всей российской авиации и т.д.), одновременно с тотальным перекрытием доступа аудитории к альтернативным источникам информации и точкам зрения, фейковые материалы (фальшивые или сфабрикованные новости, например, о зверствах и преступлениях совершенных якобы российскими военнослужащими в Буче и других местностях, массовом и добровольном характере сдачи в плен российских военнослужащих, новых волнах мобилизации в Российской Федерации) и различного рода дезинформация.

Визитной карточкой деятельности ЦИПСО (Центр информационно-психологических операций) Украины через средства массовой информации и пропаганды Украины стало распространение тотальной лжи (отвлекающей население Украины от решения внутренних насущных задач), формирование культа личности “вождя” — В. Зеленского, создание “образ врага” — русских и России, как угрозы всему мировому сообществу и олицетворению мирового зла, с навешиванием на нас различного рода ярлыков (например, “орки”, “русня”, “ватники” и т.д.), чтобы окончательно превратить Украину в “Анти-Россию” и мобилизовать население на войну с Россией до “последнего украинца”, а в самой Российской Федерации дестабилизировать обстановку через различного рода деструктивные элементы.

Как видно из приведенных примеров, приемов и методов, используемых средствами массовой информации и пропаганды в процессе социального манипулирования, достаточно много и все они разнообразны.

В условиях активно ведущейся в настоящее время против России информационной войны, роль средств массовой информации и пропаганды приобретает особое значение. Как показал опыт холодной войны, которую некоторые исследователи именуют войной информационной, как раз советская молодежь и являлась основным объектом информационно-психологического воздействия, жертвой западной пропаганды. И в осуществлении пропагандистского воздействия на нее, продвижения ценностей американского образа жизни наш противник по ходу ее ведения достиг значимых успехов. Цель информационных кампаний, организуемых как зарубежными, так и рядом отечественных СМИ и пропаганды, в настоящее вре-

мя состоит в том, чтобы всеми доступными средствами помешать только начавшемуся возрождению России, возвращению ее к своим традиционным духовным корням и истокам.

Особое воздействие СМИ оказывают на молодежь. Усвоение информации, полученной посредством средств массовой информации и пропаганды и так называемых “новых СМИ” (блогосфера, социальные сети, виртуальные сообщества, другие Веб-ресурсы), у детей и молодежи в настоящее время обычно происходит лучше и быстрее, чем усвоение информации, полученной в семье, школе и других институтах социализации. Ведь семейное (индивидуальное) и религиозное (селективное) воспитание, школьное и вузовское воспитание (имеющие несистемный характер) часто оказываются не эффективными. И в этом контексте следует осознавать, что роль СМИ в процессе социализации и формирования ценностных ориентаций молодежи может быть различной, носить как позитивный, так и негативный характер.

В то же время, по мнению большинства авторов, оценивающих воздействие СМИ на современную российскую молодежь, в деятельности СМИ в отношении молодежи пока преобладают в большей степени негативные моменты, связанные с фактическим устранением государства из сферы регулирования их деятельности.

В настоящее время государство перестало заниматься корректирующей пропагандой посредством СМИ традиционных духовно-нравственных ценностей нашего общества, а следовательно, и формированием традиционных духовно-нравственных систем ценностных ориентаций у молодежи. При отсутствии цензуры и четко проводимой политики, направленной на передачу молодому поколению традиционных ценностей и образа жизни нашего общества, российские СМИ в большей степени осуществляют непрерывную пропаганду западного образа жизни, стандартов массовой культуры и потребления, разврата и насилия.

В этом контексте абсолютно неудивительно, например, то значение, которое предается со стороны заговорщиков-организаторов того или иного государственного переворота и “революции”, относительно взятия под свой контроль средств массовой информации и пропаганды для успешного осуществления своих планов.

При осуществлении революций и государственных переворотов СМИ и пропаганды являются важным стратегическим объектом, захват или воздействие на который может привести к успеху данных процессов в целом. В частности, Эдвард Н. Люттвак дает подробные инструкции офицерам ЦРУ, как грамотно проводить

операции по нейтрализации и захвату проправительственных и иных СМИ в стране, где ЦРУ осуществляет операцию по свержению неугодного США режима:

«Контроль над потоком информации, исходящим из политического центра, станет нашим важным оружием при укреплении нашей власти после переворота. Поэтому захват основных СМИ будет задачей ключевой важности. <...> Ввиду короткого времени, за которое свершится переворот, а также из-за вероятного наличия особого “социального фона” в стране-мишени пресса не будет нашей главной целью; мы подчиним ее себе после переворота, как и другие аспекты национальной жизни»⁶¹.

“Наша цель — не просто контроль, а монополизация информационных потоков, и поэтому нам придется заняться каждым отдельным объектом СМИ. Это окажется непростым делом и приведет к распылению наших сил, если мы попытаемся захватить и удерживать все объекты СМИ. Поэтому наша стратегия будет состоять в том, чтобы захватить и удерживать только один объект, который больше всего ассоциируется с голосом власти, одновременно нейтрализуя другие. Лучше всего сделать это с помощью технических специалистов из персонала данных объектов СМИ, которые смогут саботировать работу объекта изнутри. Всего один привлеченный к сотрудничеству техник сможет вывести из строя радиостанцию, на захват которой потребовался бы целый ударный отряд. Если нам не удастся найти саботажника на самом объекте, альтернативой может быть внешний саботаж. Нет необходимости производить масштабные разрушения, так как обычно достаточно удалить или разрушить маленькую, но ключевую часть передатчика (передатчиков), чтобы эффективно нейтрализовать весь объект. Один из вещательных объектов, который нам все равно придется захватить и удерживать, представляет собой особую проблему: с одной стороны, нам без него не обойтись; с другой стороны, так как этот объект — явная мишень, правительственные силы в любом случае попытаются отбить его. Это означает, что команда, которую мы пошлем на захват, должна иметь адекватную численность и оснащение и, чтобы избежать необходимости полагаться во всем на персонал, должна иметь в своем составе и технических специалистов”⁶².

При осуществлении “цветных” (“современных”) революций, англосаксами (представителями единой политической и экономиче-

⁶¹ Люттвак Э.Н. Государственный переворот: практическое пособие. М., 2012. С. 115.

⁶² Там же. С. 116–117.

ской элит Англии, США и держав Англосаксонского Мира) используется иная стратегия и тактика действий. Еще до начала реализации “цветного” революционного сценария, они стремятся, через различные институты, НКО и иные структуры, взять под полный контроль систему СМИ и коммуникаций страны, где ими готовится выгодная для них смена власти. Как утверждает Д. Лафлэнд, рассуждая о технологиях осуществления “современных”, “цветных революций”: “В сущности, можно говорить о трех ответвлениях современной технологии государственных переворотов: о неправительственных организациях, контроле за СМИ и скрытых операциях”⁶³.

Ярким примером успешной деятельности в этом направлении является Украина, в которой еще до начала реализации “цветных” революционных сценариев 2004 и 2013–2014 гг., почти вся система центральных, региональных и местных СМИ, оказалась подконтрольной как англосаксам, так и их ставленникам. При начале реализации этих “революционных” сценариев, они дружно оказывали активную информационную поддержку осуществлению государственного переворота, ведя информационную кампанию по дискредитации правительства, манипулируя сознанием населения, мобилизуя “массы” на борьбу с режимом и, создавая преграды контрдействиям проправительственных СМИ.

Подобного рода деятельность активно велась и до сих пор ведется на территории Российской Федерации, через различные международные фонды, организации и НКО, из которых только небольшая часть к настоящему времени занесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранных агентов. Надо понимать, что подобного рода деятельность направлена на подрыв государственного суверенитета РФ в информационной сфере, а потому недооценивать подобного рода угрозы не стоит.

Создание эффективной системы регулирования деятельности СМИ и осуществления государственной пропаганды посредством СМИ, как одного из самых эффективных механизмов формирования у современной российской молодежи систем традиционных, духовно-нравственных систем ценностных ориентаций, должно являться одной из первоочередных задач, стоящих перед современным российским обществом и государством.

Государственная пропаганда должна быть направлена на формирование систем традиционных ценностей российского общества,

⁶³ Лафлэнд Дж. Техника государственного переворота // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008. С. 33.

социальную консолидацию, формирование институтов гражданского общества, формирование идентичности молодых граждан России, гражданского и правового самосознания, постепенные позитивные социальные изменения, преодоление кризиса институтов социализации, единую политику в области культуры и образования, в области воспитания и т.п. Дополнять ее должна пропаганда с опорой на СМИ систем традиционных духовно-нравственных ценностных ориентаций, осуществляемая как религиозными конфессиями, так и различными общественными и государственными объединениями и организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1983.

Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности. Екатеринбург, 2016.

Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002.

Дзляошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 1.

Дорцева Е.В. Жизненные ориентиры современной студенческой молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. Т. 31. № 2.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.

Елишев С.О. Национально-ориентированные и антисистемные силы в политической системе современного российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 4 (28).

Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.

Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.

Елишев С.О., Дорцева Е.В. Социальная коммуникация в современном обществе: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 4.

Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методов. СПб., 2008.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2017.

Лафлэнд Дж. Техника государственного переворота // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., 2008.

Люттвак Э.Н. Государственный переворот: практическое пособие. М., 2012.

Осинов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации. М., 2025.

- Осипова Н.Г., Юрченко Е.И. Средства массовой информации в современном обществе: теоретико-методологический анализ базовых подходов // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб., 2009.
- Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2004.
- Ульфкомте У. Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. М., 2015.
- Фромм Э. Иметь или быть? М., 2017.
- Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Слов.-справ. М., 2005.

REFERENCES

- Docenko E.L. Psihologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Defenses]. M., 1997 (in Russian).
- Dorceva E.V. Zhiznennye orientiry sovremennoj studencheskoj molodyozhi [Life Goals of Modern Student Youth] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2025. T. 31. N 2 (in Russian).
- Dzyaloshinskij I.M. Manipulyativnye tekhnologii v mass-media [Manipulative Technologies in the Mass Media] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2005. N 1 (in Russian).
- Effektivnaya kommunikaciya: istoriya, teoriya, praktika: Slov.-sprav. [Effective Communication: History, Theory, Practice: Reference Work]. M., 2005 (in Russian).
- Elishev S.O. Nacional'no-orientirovannye i antisistemnye sily v politicheskoy sisteme sovremennogo rossijskogo obshchestva [Nationally-Oriented and Anti-Systemic Forces in the Political System of Modern Russian Society] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. T. 7. N 4 (28) (a) (in Russian).
- Elishev S.O. O sushchnosti "sovremennyh revolyucij" i gosudarstvennyh perevorotov [On the Essence of "Modern Revolutions" and Coups d'état]. M., 2017 (b) (in Russian).
- Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic Concepts]. M., 2018 (in Russian).
- Elishev S.O., Dorceva E.V. Social'naya kommunikaciya v sovremennom obshchestve: opyt empiricheskogo issledovaniya [Social Communication in Modern Society: An Empirical Study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 4 (in Russian).
- Fromm E. Imet' ili byt'? [To Have or to Be?]. M., 2017 (in Russian).
- Gorina E.V. Kommunikativnye tekhnologii manipulatsii v SMI i voprosy informacionnoj bezopasnosti [Communicative Technologies of Manipulation in the Media and Issues of Information Security]. Ekaterinburg, 2016 (in Russian).
- Grachev G.V., Mel'nik I.K. Manipulirovanie lichnost'yu: organizaciya, sposoby i tekhnologii informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya [Personality Manipulation: Organization, Methods, and Technologies of Information-Psychological Influence]. M., 2002 (in Russian).
- Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness]. M., 2017 (in Russian).

Laflend Dzh. Tekhnika gosudarstvennogo perevorota [The Technique of a Coup D'état] // Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka. SPb., 2008 (in Russian).

Lyutttvak E.N. Gosudarstvennyj perevorot: Prakticheskoe posobie [Coup D'état: A Practical Guide]. M., 2012 (in Russian).

Osipov G.V. Social'noe mifotvorchestvo i social'naya praktika [Social Mythmaking and Social Practice]. M., 2000 (in Russian).

Osipova N.G. Sociologiya massovoj kommunikacii [Sociology of Mass Communication]. M., 2025 (in Russian).

Osipova N.G., Yurchenko E.I. Sredstva massovoj informacii v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskij analiz bazovyh podhodov [Mass Media in Modern Society: A Theoretical and Methodological Analysis of Basic Approaches] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2010. N 1 (in Russian).

Pobedonoscev K.P. Moskovskij sbornik [Moscow Collection]. SPb., 2009 (in Russian).

Pugachev V.P., Solov'ev A.I. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Political Science]. M., 2004 (in Russian).

Shiller G. Manipulyatory soznaniem [Consciousness Manipulators]. M., 1980 (in Russian).

Ul'fkotte U. Prodazhnye zhurnalisty. Lyubaya pravda za vashi den'gi [Corrupt Journalists. Any Truth for Your Money]. M., 2015 (in Russian).

Volkogonov D.A. Psihologicheskaya vojna: podryvnye dejstviya imperializma v oblasti obshchestvennogo soznaniya [Psychological Warfare: Subversive Actions of Imperialism in the Sphere of Public Consciousness]. M., 1983 (in Russian).

Zelinskij S.A. Manipulyacii massami i psihoanaliz. Manipulirovanie massovymi psihicheskimi processami posredstvom psihoanaliticheskikh metodik [Mass Manipulation and Psychoanalysis. Manipulating Mass Mental Processes Using Psychoanalytic Techniques]. SPb., 2008 (in Russian).

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-51-66

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ САМОЗАНЯТОСТИ

Е.А. Свердликova, канд. филос. наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

А.С. Селезнёва, магистрантка кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Современный рынок труда трансформируется под воздействием ускоренного развития цифровых технологий и внедрения цифровых платформ. Цифровая платформа представляет собой информационную систему, объединяющую различные типы акторов (представители государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций, физические лица и др.) и позволяющую им обмениваться цифровыми продуктами, услугами и информацией в цифровом пространстве. Платформенная занятость представляет собой гибкую форму организации труда, при которой взаимодействие между акторами осуществляется через такие цифровые платформы. Наиболее распространенными видами платформенной занятости являются онлайн-фриланс, доставка, логистика и образование. Современные самозанятые частично или полностью перенесли часть своих трудовых функций на цифровые платформы. Важно отметить, что не все самозанятые трудятся на цифровых платформах. И в платформенную занятость включены не только самозанятые, но и другие категории работников. Рост платформенной самозанятости влечет за собой многочисленные социальные последствия: как положительные, так и отрицательные. Среди них: снижение уровня социальной защиты, ухудшение условий труда, рост неравенства и отсутствие стабильности труда. Данная статья основана на результатах опроса тех самозанятых, кто осуществляет свою профессиональную деятельность через цифровые платформы и столкнулся с первым опытом анализа и оценки опыта своей профессиональной деятельности на цифровой экосистеме самозанятости. Главный вывод исследования: большинство самозанятых согласны (62,32%) с утверждением, что сегодня

* Елена Альбертовна Свердликova, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

** Селезнёва Алёна Сергеевна, e-mail: slzanal@yandex.ru

в России созданы благоприятные условия осуществления профессиональной деятельности. Основными социальными последствиями платформенной самозанятости можно назвать следующие. Среди платформенных самозанятых женщин больше, чем мужчин (70,43% и 29,57%). Средний возраст самозанятых — 35 лет. Основными видами деятельности для опрошенных платформенных самозанятых являются: информационные услуги (23,1), бытовые (12,5) и образовательные (11,7). Самозанятые активно пользуются цифровыми платформами и сервисами в своей профессиональной деятельности (52,49%). Основными цифровыми сервисами для них являются соцсети, видеохостинги, мессенджеры, почта, связь (приложения МТС, “Билайн”, “Мегафон”, “ВКонтакте”, “Одноклассники”, Telegram, Rutube, “Почта Mail.ru”, “Яндекс почта” и др.) (73,42%). Главными преимуществами в использовании цифровых платформ и сервисов по сравнению с традиционными (без использования интернета) названы: удобство и доступность 24/7 (68,77%), экономия времени (55,48%), возможность работы удаленно (44,85%). Самозанятым не хватает следующих цифровых ресурсов: для поиска заказчиков и клиентов (42,75%), образовательных курсов и тренингов по развитию своего дела (35,69%), платформ для оформления и подписания договоров онлайн и сервисов для продвижения товаров и услуг через социальные сети (по 20,78%). При этом, большинство самозанятых (64,12%) не пользуются никакими мерами социальной поддержки, не нуждаются в следующих видах поддержки: финансовой (субсидии, гранты и др.) (16,94%), в аренде рабочего пространства (9,97%), содействии в продвижении в интернете (8,97%), в образовательных программах, в тренингах, налоговых льготах и вычетах (по 8,64%).

Ключевые слова: рынок труда, цифровые платформы, цифровизация, платформенная занятость, самозанятость, цифровая экосистема.

THE SOCIAL CONSEQUENCES OF PLATFORM SELF-EMPLOYMENT

Sverdlikova Elena A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

Seleznyova Alyona S., undergraduate student, Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: slzanal@yandex.ru

The modern labor market is undergoing transformation under the influence of accelerated development of digital technologies and the introduction of digital platforms. A digital platform is an information system that brings together various types of actors (representatives of government agencies, commercial and non-commercial organizations, individuals, etc.) and allows them to exchange digital products, ser-

vices, and information in the digital space. Platform employment is a flexible form of work organization in which interaction between actors takes place through such digital platforms. The most common types of platform employment are online freelancing, delivery, logistics, and education. Modern self-employed workers have partially or completely transferred some of their work functions to digital platforms. It is important to note that not all self-employed people work on digital platforms. Platform employment includes not only the self-employed, but also other categories of workers. The growth of platform self-employment has numerous social consequences, both positive and negative. These include a decline in social protection, worsening working conditions, growing inequality, and a lack of job stability. This article is based on the results of a survey of self-employed people who carry out their professional activities through digital platforms and have had their first experience of analyzing and evaluating their professional experience in the digital ecosystem of self-employment. The main conclusion of the study is that most self-employed people (62.32%) agree with the statement that favorable conditions for professional activity have been created in Russia today. The main social consequences of platform-based self-employment can be summarized as follows. There are more women than men among platform-based self-employed people (70.43% and 29.57%). The average age of self-employed people is 35. The main types of activities for the platform self-employed people surveyed are information services (23.1), household services (12.5), and educational services (11.7). Self-employed people actively use digital platforms and services in their professional activities (52.49%). The main digital services for them are social networks, video hosting, messengers, email, and communication (MTS, Beeline, Megafon, VKontakte, Odnoklassniki, Telegram, Rutube, Mail.ru, Yandex Mail, etc.) (73.42%). The main advantages of using digital platforms and services compared to traditional ones (without using the Internet) are convenience and 24/7 availability (68.77%), time savings (55.48%), and the ability to work remotely (44.85%). Self-employed people lack the following digital resources: for finding customers and clients (42.75%), educational courses and training on business development (35.69%), platforms for drawing up and signing contracts online, and services for promoting goods and services through social networks (20.78% each). At the same time, most self-employed people (64.12%) do not use any social support measures but need the following types of support: financial (subsidies, grants, etc.) (16.94%), rental of workspace (9.97%), assistance in online promotion (8.97%), educational programs, training, tax breaks and deductions (8.64% each).

Key words: labor market, digital platforms, digitalization, platform employment, self-employment, digital ecosystem.

Цифровая трансформация российского общества связана с изменениями во всех сферах жизнедеятельности. Благодаря радикальным техно-цифровым инновациям процесс цифровизации можно назвать также и фактором скорости изменений, который способствует социальной акселерации, фактором организации сложного социума вне конкретных обществ, а также фактором огромных перемен в экономике, политике, культуре и повседнев-

ной жизни¹. Все эти признаки, в свою очередь, являются показателем формирования новой парадигмы: социологии цифровизации². В рамках данной парадигмы отличительной особенностью, в частности, цифровой экономики можно назвать возникновение и распространение цифровых платформ. Эти новые “биржи труда” оказывают непосредственное влияние на развитие платформенной занятости (Ш. Зубофф³, Н. Срничек⁴ и др.), на появление новых и дальнейшее развитие различных классов: “прекариата” (Г. Стендинг⁵), “креативного класса” (Р. Флорида⁶), “электронных фрилансеров” (Т.У. Малоун⁷, Р. Лаубахер⁸), “свободных агентов” (Ч. Хэнди⁹, Д. Пинг¹⁰ и др.). Цифровая трансформация в современном обществе проявляется и в организации трудового процесса: в формах и содержании рабочей силы, а также самого отношения к труду. Эти изменения обусловлены как цифровыми технологиями и формированием новых экономических отношений, так и трансформацией бизнес-моделей и форм занятости, в том числе и появлением “гибкой эксплуатации” (К. Крауч¹¹, П. Бурдьё¹², Г. Стендинг¹³ и др.). Трансформируется рынок труда. Оформление занятости осуществляется через цифровые платформы, среди которых особую популярность приобрела платформенная занятость, платформенная самозанятость, самозанятость.

¹ Кравченко С.А. Социология цифровизации: Уч. для вузов. М., 2025. ISBN 978-5-534-14307-2 // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/567636>

² Там же. С. 15.

³ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.

⁴ Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019.

⁵ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

⁶ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. ISBN 978-5-89817-185-8.

⁷ Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М., 2006.

⁸ Malone T.W., Laubacher J. The dawn of the e-lance economy // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. N 5. P. 144–153.

⁹ Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001.

¹⁰ Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2006.

¹¹ Крауч К. Восторжествует ли гигэномика? // Экономическая социология. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostorzhestvuet-li-gigonomika> (дата обращения: 19.05.2025).

¹² Bourdieu P. Acts of resistance. Against the new myths of our time. Cambridge, 1998.

¹³ Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Платформенная занятость обеспечивает возможность экономической активности тем группам населения, для которых трудоустройство на традиционном рынке труда по каким-либо причинам недоступно. Платформенная занятость более широкое понятие, включающее не только труд фрилансеров, самозанятых и индивидуальных предпринимателей, но и тех, кто выполняет любую оплачиваемую работу через цифровые платформы¹⁴. По словам Заместителя Председателя Совета Федерации И.Ю. Святенко, количество таких платформенных занятых с каждым годом растет, особенно среди молодежи, родителей с детьми и людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). По данным Росстата в 1 полугодии 2023 г. число этих работников превысило 5 млн¹⁵. К 2024 г., по данным Центра стратегических исследований (ЦСР), почти вдвое, с 45 до 79%, выросла доля платформенных занятых, для которых данная деятельность является единственным источником дохода¹⁶. По данным исследования НИУ ВШЭ, в 2024 г. 36% платформенных занятых указали, что вышли на онлайн-платформы, потому что не могли найти другой работы, которую можно выполнять из дома; 34% — потому что не могли найти другой работы с подходящим графиком; 25% — потому что в принципе не могли найти никакой другой работы. Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, 46% выбрали этот формат, потому что не могли найти другой работы с подходящим графиком¹⁷. В 2024 г. полностью или частично оформляли официально свои работы через платформы 54,5% вовлеченных в этот формат экономической деятельности. Основным драйвером этого процесса стало развитие самозанятости (регистрации в качестве плательщика налога на профессиональный доход): в 2024 г. таким образом оформлялись 45,9% официально оформлявших работы платформенно занятых. Наиболее популярные платформы в 2024 г. — это Авито. Услуги (на ней зарегистрированы почти 50% россиян, имеющих опыт платформенной занятости

¹⁴ Святенко И. Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений. 5 апреля 2024 // Сайт Совета Федерации Федерального собрания. URL: <http://council.gov.ru/events/news/155295/>

¹⁵ См.: Святенко И. Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений.

¹⁶ Для 90% платформенных занятых эта работа основной источник дохода. 25 января 2024 // Сайт Центра стратегических разработок (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/ru/news/dlya-90-platformennykh-zanyatykh-eta-rabota-osnovnoy-istochnik-dokhoda/>

¹⁷ Платформенная занятость: динамика развития и социально-экономические эффекты. Ключевые результаты исследования НИУ ВШЭ 2024 г. URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/929451267.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

сти), Яндекс.Услуги (23%), Профи.ру (19%) и Яндекс.Go (14%). При этом среди всех платформенных занятых 51,6% зарегистрированы на одной платформе, 27,7% — на двух, 20,7% — на трех и более¹⁸. Согласно данным ФНС, численность самозанятых в России на конец апреля 2025 г. составляет 13,2¹⁹. По данным исследования Центра стратегических разработок (ЦСР), платформенная занятость усиливает свою значимость как единственный источник дохода (79%), а 8 из 10 платформенных занятых отмечают, что их платформенная деятельность оформлена официально (ТД, самозанятость, ИП на ГПХ, ФЛ на ГПХ), причем доля таких среди курьеров и водителей такси выше, чем среди исполнителей прочих услуг (занятые в сферах обучения, репетиторства и переводов, сборки заказов, разгрузки и выкладки товаров, услуг красоты, уборки и помощи по хозяйству, ремонта и строительства, и в других)²⁰.

Далее, определим понятие платформенной занятости. На наш взгляд, данный феномен представляет собой гибкую форму организации труда, при которой взаимодействие между акторами осуществляется через цифровые платформы. Платформенная самозанятость же это гибкая форма занятости, при которой специалисты (официально зарегистрированные) используют цифровые платформы для осуществления своей профессиональной деятельности. Акторы взаимодействуют на цифровых платформах, представляющих собой инфраструктуру для поиска заказов, механизмов оплаты и обратных связей, что облегчает процессы привлечения клиентов и выполнение работ.

Платформенная занятость постепенно приобретает массовость, однако требует продолжения правового регулирования, которое началось в российском законодательстве с 2023 г. Принятие закона-спутника о платформенной занятости к закону о занятости населения, предусматривает комплекс мер по урегулированию отношений в сфере платформенной занятости, включающий создание обязательных регистров, обеспечение прозрачности заказов и выплат вознаграждений, а также включение платформенных работников в системы социального и пенсионного страхования. Дополнительно планируется организация специализированных институтов для

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сайт Федеральной налоговой службы (ФНС). URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>

²⁰ Социальные гарантии для платформенных занятых в России — 2024. Результаты социально-экономического мониторинга. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/66e/cz42mhivcz4efvjua99s0r3nipqbg18e.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

разрешения возможных споров и поддержки профессионального сообщества участников платформенной занятости.

Платформенная самозанятость стала одной из наиболее значимых тенденций в современной российской социально-экономической жизни, для которой характерен переход от традиционных форм трудоустройства к индивидуальным рабочим отношениям. Указанные отношения поддерживаются цифровыми платформами. Данный феномен оказывает глубокое влияние на социальную структуру общества, затрагивая широкий спектр аспектов жизни граждан, включая уровень благосостояния, стабильность доходов, социальные гарантии и правовую защищенность работников.

Преимущества платформенной самозанятости: гибкость организации труда (свобода выбора рабочего графика); доступ к дополнительным источникам дохода (возможность сочетания основной работы и дополнительный заработок); простота регистрации и ведения своего дела (минимизация административных барьеров), а также этот вид занятости формирует развитие инклюзивной занятости в стране. Несмотря на преимущества такой формы организации труда платформенная самозанятость влечет за собой и определенный перечень социальных рисков и последствий. Среди них можно выделить: отсутствие социальных гарантий (характерных для стандартной трудовой занятости); неустойчивый заработок (колебание спроса на рынке, цен и сезонность); риск потери юридической защиты (уязвимость самозанятых перед недобросовестными работодателями и заказчиками в связи с использованием гражданско-правовой договор, а не трудовой).

Для анализа и оценки указанных проблем, а также для выявления специфических социальных последствий развития платформенной самозанятости проведено наше исследование. Основная проблема исследования связана со спецификой выявления следующих показателей восприятия платформенной самозанятости 1) общей информации о самозанятости; 2) частоты использования и уровня удовлетворенности работы с цифровыми платформами; 3) доступа к мерам поддержки от государства.

Основным методом эмпирического исследования послужил анкетный опрос в онлайн формате (N=350). В нем участвовали самозанятые граждане РФ, использующие цифровые платформы для своей профессиональной деятельности. Из них 61,54% являются самозанятыми (плательщики НПД), 11,30% — ИП на НПД и 25% “вчерашние” самозанятые.

Общая информация о платформенных самозанятых респондентах

Среди платформенных самозанятых женщин больше, чем мужчин (70,43% и 29,57% соответственно). Средний возраст самозанятых — 35 лет.

Большинство платформенных самозанятых совмещают свою деятельность в сфере самозанятости с основной работой (43,45%), в то время как ни с чем не совмещают самозанятость — 38,28%. Большинство считает, что это “временная подработка” (9,31%).

Основные виды деятельности среди платформенных самозанятых:

- информационные услуги (маркетинг, исследования и т.д.) — 23,11%;
- бытовые услуги, социальная помощь, пошив одежды — 12,5%;
- образование (репетитор, учитель и т.д.) — 11,74%;
- ремонт, строительство — 11,36%;
- красота и здоровье (диетолог, косметолог, тренер и т.д.) — 10,98%;
- IT-сфера (анализ данных, вэбмастер и т.д.) — 10,61%;
- Финансовые и юридические услуги — 7,58% и др.

Большинство самозанятых планируют и дальше быть самозанятыми — 48,16% и скорее, планируют — 25,37%. Скорее, не планирую — 16,18%.

Причины, по которым самозанятые выбрали этот путь:

- дополнительный доход (56,48%);
- попробовать начать свое дело (29,24%);
- отсутствие фиксированного графика (28,24%);
- сам(а) планирую свою трудовую деятельность (24,58%);
- выгорание на основной работе (11,96%).

Большинство самозанятых (68,86%) согласны с утверждением, что самозанятым в современном мире быть *престижно*.

Использование цифровых платформ и сервисов самозанятыми

Самозанятые активно пользуются цифровыми платформами и сервисами в своей профессиональной деятельности (52,49%), иногда пользуются 28,57% и не пользуются 18,94%. Ежедневно пользуются большинство самозанятых 41,67%, несколько раз в неделю — 26,09%, раз в неделю — 10,14%, раз в месяц — 7,87%.

Основными каналами для продажи товаров собственного производства и оказания услуг среди платформенных самозанятых являются:

- социальные сети и мессенджеры (53,49%);
- сарафанное радио и личные рекомендации (31,23%);
- маркетплейсы и агрегаторы услуг (Авито, Ozon, Wildberries и др.) (27,24%);
- прямые продажи клиентам (через встречи, телефонные звонки) (16,28%);
- платформы для удаленной работы (FL.ru, YouDo, Kwork и др.) (13,29%);
- собственный сайт или блог (8,97%), ярмарки, выставки, мероприятия (7,31%);
- партнерские программы и коллаборации (4,32%) и локальные офлайн-магазины или точки продаж (3,32%).

Основные цифровые сервисы, которыми пользуются самозанятые:

- соцсети, видеохостинги, мессенджеры, почта, связь (приложения МТС, “Билайн”, “Мегафон”, “ВКонтакте”, “Одноклассники”, Telegram, Rutube, “Почта Mail.ru”, “Яндекс почта” и др.) (73,42%);
- маркетплейсы и агрегаторы услуг (“Яндекс”, Wildberries, Ozon, “Сбер мега маркет”, “Яндекс такси”, “Островок.ру” и пр.) (41,86%);
- информационно-справочные платформы и госплатформы (“Яндекс карты”, “2 ГИС”, “Госуслуги”, Mos.ru, “Мой налог”, Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения и др.) (38,21%);
- развлекательные ресурсы (“Яндекс.музыка”, “Кинопоиск”, Okko, Premier, KION, Pikabu, Fandom и др.) (37,87%), Классифайды (“Авито”, “Юла”, “Домклик”, “Циан” и пр.) (36,54%), Финтех-решения и краудфандинг (Система быстрых платежей, приложения ВТБ, “Сбера”, “Т-Банка”, “Альфа-банка” и др., “Ю money”, “Я Pay”, Planeta.ru и др.) (26,58%);
- платформы для рынка труда (HH.ru, “Профи.ру”, “Консоль”, “Контур”, “Я сам” и др.) (14,62%);
- шеринговые платформы (“Яндекс драйв”, “Делимобиль”, “Ситимобил”, Whoosh, Volt, BlaBlaCar и др.) и Технологические платформы корпоративного класса (B2B-взаимодействия или взаимодействия сотрудников внутри компании) (одинаково по 4,32%).

Основные сервисы, которые самозанятые используют в своей профессиональной деятельности:

- образовательные ресурсы (Знайка.ру, Яндекс.Толока, Дзен, БауВоркс, YouDo, WinWork, Биржа услуг “Наниматель” и др.) — 38,08%;
- транспорт (Яндекс.Такси, Максим, DiDi, Ventrа Go!, Tempojob, Золотое Яблоко и др.) — 25,52%;
- логистика и доставка (Dostavista.ru, Delivery Club, Яндекс.Еда, Carusta.Space, Elogistics, Получите — Распишитесь и др.) — 23,85%;
- финансовые услуги и платежные системы (СМАРТКАТ, Skassa, PayAnyWay.Self, Sigma, Контур.Фриланс, Онлайн-биржа для самозанятых и др.) — 23,43%;
- фриланс (Fl.ru, Wowworks, Платформа Консоль, Рокет Ворк, Джамп.Работа, Биржа аутсорсинга, Простые решения; one2work и др.) — 23,01%;
- HR и рекрутинг (Наймикс, YouDo, inWork, ПАРТ-ТАЙМЕР, ЯЗАНЯТ, WinWork, Tempojob, Flex Work и др.) — 7,53%.

Главные преимущества в использовании цифровых платформ и сервисов по сравнению с традиционными (без использования интернета) у самозанятых:

- удобство и доступность 24/7 (68,77%);
- экономия времени (55,48%);
- возможность работы удаленно (44,85%);
- доступность с любого устройства (40,86%);
- меньше бумажных документов (35,88%);
- скорость выполнения операций (34,88%);
- легкость отслеживания статусов заказов (29,9%).

Среди аспектов цифровых платформ в деятельности самозанятых наиболее важные:

- наличие мобильных приложений (59,14%);
- коммуникация с клиентами или заказчиками круглосуточно (40,86%);
- поддержка клиентов 24/7 (38,54%);
- автоматизация процессов (35,22%);
- безопасность транзакций (29,57%);
- прозрачность финансовых расчетов (26,58%);
- интеграция с различными системами (18,94%).

Среди трудностей, с которыми сталкиваются самозанятые при использовании цифровых платформ и сервисов наиболее значимыми являются:

- медленная работа сервиса (33,2%);
- высокие комиссии за использование (31,98%);
- проблемы с технической поддержкой (31,58%);
- непонятный, неудобный интерфейс (22,27%);
- сложности с регистрацией и настройкой аккаунта и недостаточный функционал (по 18,62%);
- сложности в использовании (нужны цифровые навыки) (14,98%);
- ограниченные возможности интеграции с другими сервисами (13,77%);
- недоступность для людей с ограниченными возможностями здоровья (8,1%).

На вопрос “Каких, на Ваш взгляд, не хватает цифровых ресурсов для самозанятых?” самозанятые выделили следующие ресурсы:

- ресурсов для поиска заказчиков и клиентов (42,75%);
- образовательных курсов и тренингов по развитию своего дела (35,69%);
- платформ для оформления и подписания договоров онлайн и Сервисов для продвижения товаров и услуг через социальные сети (по 20,78%);
- приложений для управления проектами и временем (19,22%);
- цифровых платформ для обмена опытом и общения с коллегами и решений для упрощенной финансовой отчетности (по 17,65%);
- инструментов для автоматизации бухгалтерии и налогообложения (14,12%);
- цифровых кошельков и платежных систем специально для самозанятых (10,98%);
- порталов для сравнения тарифов и условий банков и страховых компаний (9,41%).

Отношение к мерам государственной поддержки самозанятых

Большинство самозанятых (64,12%) не пользуются никакими мерами социальной поддержки для самозанятых, а планируют в дальнейшем — 20,27%. И 14,62% пользуются различными мерами поддержки для самозанятых.

Среди тех, кто обращался за поддержкой, их целями были:

- повышение уровня профессиональных знаний и навыков (28,49%), Увеличение доходов и расширение клиентской базы (26,82%);

- привлечение новых партнеров и инвесторов (21,79%);
- оптимизация налоговых расходов и сокращение издержек (19,55%);
- получение стартового капитала для начала бизнеса (18,44%);
- минимизация рисков при ведении предпринимательской деятельности (16,2%);
- сокращение бюрократической нагрузки и упрощение документооборота (12,29%).

Основные виды поддержки, за которыми обращались самозанятые:

- финансовая поддержка (субсидии, гранты и др.) (16,94%);
- аренда рабочего пространства (9,97%);
- содействие в продвижении в интернете (8,97%);
- образовательные программы, тренинги, налоговые льготы и вычеты (по 8,64%);
- помощь в оформлении патентов и лицензий (5,98%), Консультационная помощь (бухгалтерская, юридическая и др.) (4,65%).

Основные источники, из которых самозанятые узнают о мерах поддержки:

- официальные сайты государственных органов (например, ФНС, МФЦ, центры “Мой бизнес” и др.) (37,21%);
- коллеги и знакомые (33,22%), Социальные сети и мессенджеры (32,89%);
- интернет (портал правительства, новостные порталы и т. д.) (30,23%), Приложения и сервисы для самозанятых (например, “Мой налог”, Самозанятые.рф и др.) (20,6%);
- новости в СМИ (телевидение, радио, газеты) (18,6%).

Большинство самозанятых согласны (62,32%) с утверждением, что для самозанятых граждан созданы благоприятные условия для осуществления своей профессиональной деятельности в России.

На вопрос “Доступна ли, на Ваш взгляд, информация о предоставляемой органами государственной власти и местного самоуправления поддержке самозанятым гражданам в Вашем регионе?” самозанятые ответили следующим образом: скорее да — 41,53%, скорее нет — 27,24%, да — 19,93%, нет — 9,3%.

География платформенных самозанятых довольно обширна. Наибольшее количество респондентов из таких регионов, как: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Красноярский край, Республика Татарстан, Приморский край,

Свердловская область, Самарская область, Ставропольский край, Ульяновская область, Сибирский федеральный округ, Ростовская область, Омская область, г. Новосибирск. Другие регионы в нашем исследовании представлены в меньшинстве.

Среди платформенных самозанятых специалистов с высшим образованием (58,14%), со средним профессиональным образованием (26,58%), Среднее общее образование (9,63%), магистров, аспирантов, кандидатов наук и докторов наук в среднем около 5%.

Выводы: Платформенная самозанятость представляет собой многогранный феномен, обладающий потенциалом улучшения качества жизни и повышения экономического благополучия граждан. Платформенная самозанятость — форма нестандартной занятости, основанная на использовании цифровых платформ для поиска работы и оказания услуг. Проведённое нами исследование позволяет утверждать, что платформенная самозанятость успешно развивается в современной России. Большинство самозанятых согласны (62,32%) с утверждением, что для самозанятых граждан созданы благоприятные условия для осуществления своей профессиональной деятельности в России. Среди платформенных самозанятых преобладают молодые люди с высшим образованием (58,14%). Статус и возможности самозанятого позволяют многим из них реализовать основные потребительские предпочтения: покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает трудностей, но купить квартиру не могут — 48,17%; проблем с покупкой еды и одежды нет, но на отдых и дорогие покупки приходится откладывать 41,2% самозанятых; денег хватает только на еду у 5,98% самозанятых и денег достаточно для того, чтобы ни в чем себе не отказывать у 2,66%.

Вместе с тем возникают серьезные проблемы, связанные с социальной защитой, стабильностью доходов и правовой защищенностью. Решение этих проблем требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, гражданского общества и самих работников. Главные препятствия для полноценной адаптации платформенной занятости включают высокий уровень технологического неравенства; недостаточно сформированный правовой статус работников, занятых через платформы; необходимость улучшения инфраструктуры и методов обучения цифровым навыкам. Данные опроса самозанятых свидетельствуют о том, что анализ социальных последствий платформенной занятости необходим для выработки эффективной государственной политики, направленной

на выявление конкретных социальных характеристик платформенных самозанятых, особенностей их деятельности на платформах, разновидностях проблем, формах поддержки работников и создании условий для устойчивого развития экономики. Платформенная самозанятость представляет собой инновационную форму трудовой деятельности, развивающуюся в цифровую эпоху и требующую дальнейшего изучения и юридического регулирования. В итоге эффективное управление последствиями платформенной самозанятости должно основываться на тесном сотрудничестве между государством, бизнесом и обществом, направленном на достижение баланса интересов всех заинтересованных сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Для 90% платформенных занятых эта работа основной источник дохода. 25 января 2024 // Сайт Центра стратегических разработок (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/ru/news/dlya-90-platformennykh-zanyatykh-eta-rabota-osnovnoy-istochnik-dokhoda/>

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.

Святенко И. Платформенная занятость должна быть интегрирована в систему трудовых и экономических отношений. 5 апреля 2024 // Сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/155295/>

Кравченко С.А. Социология цифровизации: Уч. для вузов. М., 2025. ISBN 978-5-534-14307-2. // Сайт Образовательной платформы Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/567636>

Крауч К. Восторжествует ли гигеномика? // Экономическая социология. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostorzhestvuet-li-gigonomika> (дата обращения: 19.05.2025).

Малоун Т.У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. М., 2006.

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2006.

Платформенная занятость: динамика развития и социально-экономические эффекты. Ключевые результаты исследования НИУ ВШЭ 2024 г. URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/929451267.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

Социальные гарантии для платформенных занятых в России — 2024. Результаты социально-экономического мониторинга. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/66e/cz42mhivcz4efvjua99s0r3nipqbg18e.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. ISBN 978-5-89817-185-8.

Сайт Федеральной налоговой службы (ФНС). URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>

Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб., 2001.

REFERENCE

Bourdieu P. Acts of resistance. Against the new myths of our time, Cambridge, 1998.

Dlya 90% platformennykh zanyatykh eta rabota osnovnoy istochnik dohoda. 25 yanvarya 2024 [For 90% of platform workers, this job is their main source of income. January 25, 2024] // Sajt Centra strategicheskikh razrabotok (CSR). URL: <https://www.csr.ru/ru/news/dlya-90-platformennykh-zanyatykh-eta-rabota-osnovnoy-istochnik-dokhoda/> (in Russian).

Florida R. Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee [The Creative Class: People Who Are Changing the Future. Translated from English]. M., 2007. ISBN 978-5-89817-185-8 (in Russian).

Hendi C.H. Vremya bezrassudstva. Iskusstvo upravleniya v organizatsii budushchego [The Age of Uncertainty: The Art of Management in the Organization of the Future]. SPb., 2001 (in Russian).

Malone T.W., Laubacher J. The dawn of the e-lance economy // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. N 5. P. 144–153.

Maloun T.U. Trud v novom stoletii. Kak novye formy biznesa vliyayut na organizatsii, stil' upravleniya i vashu zhizn' [Work in the New Century. How New Forms of Business Affect Organizations, Management Styles, and Your Life]. M., 2006 (in Russian).

Krauch K. Vostorzhestvuet li gigonomika? [Will Gigonomics Triumph?] // Ekonomicheskaya sociologiya. 2019. N 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostorzhestvuet-li-gigonomika> (data obrashcheniya: 19.05.2025) (in Russian).

Kravchenko S.A. Sociologiya cifrovizatsii: Uch. dlya vuzov. M., 2025. ISBN 978-5-534-14307-2 [Sociology of Digitalization: A Textbook for Universities] // Sajt Obrazovatel'noy platformy Yurajt. URL: <https://urait.ru/bcode/567636> (in Russian).

Pink D. Naciya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki [The Freelancers Nation: How New Independent Workers Are Changing America]. M., 2006 (in Russian).

Platformennaya zanyatost': dinamika razvitiya i social'no-ekonomicheskie efekty. Klyuchevye rezul'taty issledovaniya NIU VSHE 2024 g. [Platform Employment: Development Dynamics and Socio-Economic Effects. Key Findings of the 2024 HSE Research]. URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/929451267.pdf> (data obrashcheniya: 18.05.2025) (in Russian).

Sajt Federal'noy nalogovoy sluzhby (FNS). URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (in Russian).

Social'nye garantii dlya platformennykh zanyatykh v Rossii — 2024. Rezul'taty social'no-ekonomicheskogo monitoring [Social guarantees for platform workers in Russia — 2024. Results of socio-economic monitoring]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/66e/cz42mhivcz4efvjua99s0r3nipqbg18e.pdf> (data obrashcheniya: 20.05.2025) (in Russian).

- Srnichek N.* Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. M., 2019 (in Russian).
- Stending G.* Prekariat: novyj opasnyj klass [The Precariat: The Dangerous New Class]. M., 2014 (in Russian).
- Svyatenko I.* Platformennaya zanyatost' dolzhna byt' integrirovana v sistemu trudovyh i ekonomicheskikh otnoshenij. 5 aprelya 2024 [Platform employment should be integrated into the system of labor and economic relations. April 5, 2024] // Sajt Soveta Federacii Federal'nogo sobraniya RF. URL: <http://council.gov.ru/events/news/155295/> (in Russian).
- Zuboff S.H.* Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novyh rubezhah vlasti [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. M., 2022 (in Russian).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-67-94

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ПАЦИЕНТОВ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу цифровой трансформации здравоохранения в контексте глобального старения населения, с акцентом на вызовы и возможности для пожилых пациентов. Автор рассматривает демографические тенденции, согласно которым к 2050 г. доля людей старше 65 лет достигнет 16% мирового населения, что создаст значительную нагрузку на системы здравоохранения. В статье выделены три ключевые категории проблем: медико-демографические, финансово-экономические и социально-организационные. Цифровизация здравоохранения представлена как один из инструментов для решения этих проблем. Технологии, такие как телемедицина, ИИ-диагностика и носимые устройства, способны улучшить доступность и качество медицинской помощи, особенно для пожилых пациентов. Однако автор подчеркивает парадокс: те, кто больше всего нуждается в цифровых сервисах (пожилые люди), часто сталкиваются с трудностями в их использовании из-за низкой цифровой грамотности, возрастных ограничений здоровья и недоверия к новым технологиям.

Особое внимание уделено роли врачей, особенно старшего поколения, которые сами испытывают сложности в адаптации к цифровым инструментам. Это создает “двойной цифровой разрыв”, ограничивающий доступ к современной медицинской помощи. Автор также обсуждает риски цифровизации, включая кибератаки, утечки данных, ошибки алгоритмов ИИ и дегуманизацию медицины.

В заключение отмечается, что успех цифровой трансформации зависит от комплексного подхода, включающего образовательные программы для населения и медицинских работников, улучшение доступности технологий и сохранение баланса между инновациями и традиционными ценностями меди-

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.

цины. Статья подчеркивает необходимость создания инклюзивных решений, учитывающих потребности пожилых пациентов и врачей, чтобы цифровизация стала инструментом улучшения качества жизни, а не дополнительным барьером.

Ключевые слова: цифровизация здравоохранения, пожилые пациенты, искусственный интеллект, телемедицина, цифровой разрыв, старение населения.

DIGITAL TRANSFORMATION OF HEALTHCARE: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR ELDERLY PATIENTS

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The article analyzes the digital transformation of healthcare in the context of global population aging, with an emphasis on the challenges and opportunities for older patients. The author examines demographic trends, according to which by 2050 the share of people over 65 will reach 16% of the world's population, which will create a significant burden on healthcare systems. The article highlights three key categories of problems: medical and demographic, financial and economic, and socio-organizational.

Digitalization of healthcare is presented as one of the tools for solving these problems. Technologies such as telemedicine, AI diagnostics, and wearable devices can improve the availability and quality of healthcare, especially for older patients. However, the author emphasizes the paradox: those who need digital services most (the elderly) often face difficulties in using them due to low digital literacy, age-related health restrictions, and mistrust of new technologies.

Particular attention is paid to the role of doctors, especially the older generation, who themselves have difficulty adapting to digital tools. This creates a "double digital divide" that limits access to modern medical care. The author also discusses the risks of digitalization, including cyberattacks, data leaks, AI algorithm errors, and the loss of the human factor in medicine.

In conclusion, it is noted that the success of digital transformation depends on a comprehensive approach that includes educational programs for the population and health care workers, improving the availability of technology, and maintaining a balance between innovation and traditional medical values. The article emphasizes the need to create inclusive solutions that take into account the needs of elderly patients and doctors, so that digitalization becomes a tool for improving the quality of life, rather than an additional barrier.

Key words: digitalization of healthcare, elderly patients, artificial intelligence, telemedicine, digital divide, population aging.

Современный мир переживает беспрецедентные демографические изменения, связанные со стремительным старением населения. Согласно прогнозам ООН, к 2050 г. доля людей старше 65 лет увеличится до 16% мирового населения (1,6 млрд человек), а численность возрастной группы 85+ достигнет 205 млн — втрое больше, чем в 2020 г.¹ Раньше всех столкнулись с проблемой страны Западной Европы, США и Япония, но на сегодняшний день это не только их “головная боль” — ситуация трансформируется в глобальный тренд и “превращается в проблему не только глобального значения, но и глобального распространения”².

Эти вызовы актуальны и для России. Согласно демографическим расчетам Росстата, доля населения старше трудоспособного возраста в Российской Федерации составляет 24% (35,2 млн) на 2022 г., а в возрасте 65 лет и старше (23,4 млн) — 16%. По прогнозам к 2046 г. численность граждан старше трудоспособного возраста достигнет — 37,3 млн человек, или 26,9% населения³.

Тенденция, охватившая практически все страны мира, представляет собой новый опыт, не имеющий исторической параллели и возможно одну из наиболее значительных социальных, трансформация XXI в. Процесс старения населения будет неизбежно набирать обороты, “сложившаяся в настоящее время возрастная структура... аккумулировала в себе инерцию, направленную на дальнейшее старение в ближайшие десятилетия. Повлиять на грядущие демографические изменения нельзя”⁴, что, в совокупности с сокращением коэффициента поддержки (в 1950-х гг. на каждого человека старше 65 лет приходилось 11,7 человека трудоспособного возраста, на сегодняшний день — 7, а к 2040 г. их число сократится до 4,4)⁵, представляет собой комплексный социально-экономический вызов, остро проявляющийся во многих сферах и особенно сильно влияющий на здравоохранение, где уже сегодня возникает, а в дальнейшем усугу-

¹ World Population by Country in 1950 // Database.earth. URL: <https://database.earth/population/by-country/1950> (accessed: 11.06.2025).

² Горюшко Н.В., Пацала С.В. “Серебряная экономика” как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2.

³ Демография. Численность и состав населения. Росстат: Как старение населения повлияет на экономику России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/10/2023/653654369a79474c35c944c6> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴ Васин С.А. Старение как повод для реформ // Spero. 2008. № 8. С. 215–218.

⁵ Цит. по: Горбатов С.Ю., Аксенова Е.И., Бурковская Ю.В. и др. Глобальная демографическая проблема и активное старение (обзор литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 2 (спецвыпуск).

бится множество проблем, которые весьма условно можно разделить на пересекающиеся между собой три категории:

1. Медико-демографические: рост хронических заболеваний⁶, возрастнo-ориентированных патологий⁷, гериатрических синдромов⁸ и полиморбидности (к 30 годам 10–18% населения имеют более одного заболевания, к возрасту 50–60 лет этот показатель составляет от 30 до 50%, к 70 годам от 60 до 75% и к 80 годам — около 80%)⁹; что ярко высвечивает необходимость перехода от эпизодической помощи к долгосрочному ведению пациентов, дефицит кадров в гериатрической помощи¹⁰ и т.д. Сюда же можно отнести барьеры в получении медицинской помощи пожилыми: коммуникационные сложности при взаимодействии с медучреждениями; затруднения в выполнении врачебных рекомендаций из-за возрастных физических и когнитивных ограничений; сложности с возраст-ориентированной средой в медицинских организациях; препятствия в доступе к первичной помощи, ведущие к росту предотвратимых госпитализаций и повышенной нагрузке на службы неотложной помощи¹¹.

2. Финансово-экономические: увеличение нагрузки на системы пенсионного и социального страхования, снижение экономической активности населения; рост расходов на медицинское обслуживание и лекарственное обеспечение¹² (в качестве примера можно

⁶ Bloom D.E., Chatterji S., Kowal P., et al. Macroeconomic implications of population ageing and selected policy responses // *Lancet*. 2015. N 385(9968). P. 649–657.

⁷ Дворецкий Л.И. Пожилой больной в практике терапевта // *Русский медицинский журнал*. 1997. № 2; Седова Е.В. Палеев Ф.Н. Старцева О.Н. Основы гериатрии для врачей первичного звена. М. 2019.

⁸ Попова Е.В. Гериатрические синдромы у пациентов старческого возраста // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2021. № 1.

⁹ Fortin M., Stewart M., Poitras M.E., Almirall J., Maddocks H. A systematic review of prevalence studies on multimorbidity: toward a more uniform methodology // *Annals of Family Medicine*. 2012. № 2(10). P. 142–151; Полякова О.А., Кроткова И.Ф., Литвинова С.Н., Остроумова О.Д. Стресс как основа полиморбидности и способы его коррекции на ранних этапах // *Медицинский совет*. 2022. № 21.

¹⁰ Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В., Некипелова Д.В., Шеожев Х.В. Ресурсно-кадровое обеспечение системы долговременного ухода в Российской Федерации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2024. № 5.

¹¹ См. об этом: Салахутдинова С.К., Селезнева Е.В. Синявская О.В. Шниц Д. Использование цифровых технологий для оказания медицинской помощи пожилым: международный опыт и перспективы его применения в России // *Международная конференция “Новые вызовы демографического, эпидемиологического и медико-технологического развития: поиск новых моделей развития здравоохранения”*. М., 2021.

¹² Канев А.Ф., Кобякова О.С., Куракова Н.Г., Шибалков И.П. Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик // *Национальное здравоохранение*. 2023. № 4(4). С. 5–13.

привести следующие данные — в Норвегии в 2010 г. число лиц в возрасте до 40 лет составляло более 50% популяции страны, при этом было ответственно лишь за четверть всех расходов системы здравоохранения, тогда как лица старше 85 лет, представляя лишь 3% населения, расходовали 18%)¹³. Однако, здесь следует оговориться, что некоторые исследования демонстрируют неожиданно слабую связь между ростом расходов на здравоохранение и процессом старения населения: доля возрастного фактора в общей структуре затрат лишь 15%¹⁴.

3. Социально-организационные: необходимость перестройки системы оказания медицинской помощи¹⁵, снижение доступности медицинской помощи и для остальных возрастных групп¹⁶, развитие паллиативной и долговременной помощи, проблема социальной изоляции пожилых¹⁷ и т.д.

В контексте демографического старения и роста нагрузки на систему здравоохранения его цифровая трансформация выглядит логичным ответом на возникающие вызовы¹⁸ и фактически неизбежностью. Пожилые люди являются той самой наиболее уязвимой и нуждающейся в медицинской помощи социальной группой, охватив которую нововведениями цифрового здравоохранения, казалось бы, можно было бы решить ряд острых вопросов¹⁹. Однако цифровизация здравоохранения остается предметом острых дискуссий. С одной стороны, технологии действительно предлагают решения ключевых проблем: телемедицина преодолевает расстояния, ИИ-диагностика хоть как-то компенсирует нехватку врачей, кроме того,

¹³ *Kalseth J., Halvorsen T.* Health and care service utilisation and cost over the life-span: a descriptive analysis of population data // *BMC Health Services Research*. 2020. № 20 (435).

¹⁴ *Orlicka E.* Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates *procedia economics and finance*. 2015. № 30. P. 598–605.

¹⁵ *Шеметова Г.Н., Красникова Н.В., Шебалова Е.М., Балашова М.Е.* Организация паллиативной медицинской помощи на региональном уровне // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. № 3.

¹⁶ *Pereira M.A., Marques R.C., Ferreira D.C.* An incentive-based framework for analyzing the alignment of institutional interventions in the public primary healthcare sector: The portuguese case // *Healthcare*. 2021. № 9 (7).

¹⁷ *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. № 4(40).

¹⁸ *Канев А.Ф., Кобякова О.С., Куракова Н.Г., Шибалков И.П.* Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик // *Национальное здравоохранение*. 2023. № 4(4). С. 5–13.

¹⁹ *Popescu D., Pitic D., Dragomir D.* Elderly training for using digital technologies: a literature review and an empirical research in North Western Romania // *Proceedings of the International management conference*. Bucharest, 2020. P. 242–253.

ИИ хорошо анализирует неструктурированные данные из медкарт и выполняет функции медицинского ассистента; носимые устройства, кажется, облегчают переход к превентивной медицине. Исследования все чаще подтверждают потенциал таких технологий для профилактики заболеваний и удаленного мониторинга здоровья пожилых, особенно полезны решения на основе ИИ и “умных” систем, способных создать безопасную среду для возрастных пациентов²⁰. По мнению многих “внедрение ИИ-продуктов в медицинские учреждения поможет повысить операционную эффективность, улучшить удовлетворенность пациентов и существенно снизить затраты в здравоохранении”²¹. Аналитические отчеты о цифровизации отрасли внушают оптимизм, прежде всего связанный с темпами цифровизации²². Рынок ИИ в здравоохранении в России растет, согласно исследованию “Искусственный интеллект в здравоохранении” консалтинговой компании “Яков и Партнеры” совместно с Группой компаний МЕДСИ к 2030 г. он может увеличиться более чем в 6 раз — с 12 млрд руб. в 2024 г. до 78 млрд руб. Эта тенденция соответствует глобальному тренду: мировой рынок ИИ в медицине в 2024 г. оценивался в 22 млрд долл., а к 2030 г., по прогнозам достигнет 130–160 млрд долл., что составит около 8% всего рынка искусственного интеллекта²³.

Но, с другой стороны, медицина — одна из самых сложных сфер для внедрения цифровых технологий, прежде всего из-за высокой ответственности за жизнь и здоровье пациентов. Кроме того, если опять-таки говорить о пожилых, то многие из них испытывают трудности с использованием цифровых сервисов. Возраст является одним из самых важных факторов цифрового неравенства

²⁰ Абдулкина Н.Г., Замятин Н.В., Смирнов Г.В. Умный дом и телемедицина для пожилых людей // Успехи кибернетики. 2023. Т. 4. Вып. 2. С. 24–32; Ahamed F., Shahrestani S., Cheung H. Internet of Things and Machine Learning for Healthy Ageing: Identifying the Early Signs of Dementia // Sensors (Basel). 2020. N 20(21); Liu L., Stroulia E., Nikolaidis I., et al. Smart homes and home health monitoring technologies for older adults: A systematic review // International Journal of Medical Informatics. 2016. N 9. P. 44–59.

²¹ Цит. по: Искусственный интеллект в здравоохранении // Яков и Партнеры. 2025. Апр. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-healthcare/> (дата обращения: 11.06.2025).

²² Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. М., 2020 (Цит. по: Орех Е.А. Между возрастом и цифровизацией: практики заботы о здоровье пожилых петербуржцев // Logos et Praxis. 2022. № 3).

²³ Искусственный интеллект в здравоохранении // Яков и Партнеры. 2025. Апр. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-healthcare/> (дата обращения: 11.06.2025).

согласно как российским²⁴, так и зарубежным исследованиям²⁵. Корреляционная связь между возрастом и частотой обращения к онлайн-пространству является довольно заметной, даже внутри группы “пожилые”, так среди лиц 70+ более половины не пользуются интернетом — в шесть раз чаще, чем в группе 60–64 года²⁶. Плохое состояние здоровья наиболее старших возрастных групп создает барьеры для их доступа к цифровым технологиям, формируя парадоксальную ситуацию: те, кто больше всего нуждается в телемедицине и онлайн-помощи, оказываются наименее способными их использовать. Это замкнутый круг, усугубляемый тем, что большинство устройств разрабатывается для пользователей с нормальным здоровьем и быстрой реакцией, нередко игнорируя возрастные ограничения такие как: нарушений мелкой моторики рук, ухудшения зрения, психовозрастные изменения²⁷. Таким образом, в какой-то степени цифровое неравенство не только отражает, но и усиливает социальную изоляцию уязвимых групп, лишая их доступа к современным формам медицинской и социальной поддержки. Все вышеописанное ставит под сомнение инклюзивность технологических инноваций оставляя без четкого ответа вопрос о том, насколько активно пожилые граждане, как наиболее уязвимая в плане здоровья группа лиц, демонстрирующая наибольший спрос на медицинские услуги, готовы пользоваться технологиями.

Особую остроту эти противоречия приобретают в России, где масштабная цифровизация системы здравоохранения²⁸ сочетается с сохраняющимся цифровым разрывом среди старшего поколения²⁹. По данным ВЦИОМ трудности с использованием цифровых

²⁴ Воронин Г.Л., Курячева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3. С. 55–65; Раскина Ю.В. Цифровой барьер и социально-экономическое неравенство в России: исследование по данным КОУЖ-2016 // Статистика в цифровой экономике: обучение и использование. 2018. № 3. С. 87–89.

²⁵ *Lelkes O. Happier and less isolated: Internet use in old age // Journal of Poverty and Social Justice. 2013. T. 21. N 1. P. 33–46.*

²⁶ Орех Е.А. Указ. соч.

²⁷ Чулков С.С. Состояние здоровья как фактор цифрового неравенства среди пожилых людей // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 2.

²⁸ Новые поликлиники, искусственный интеллект и цифровизация: как развивалось московское здравоохранение в 2024 году. URL: <https://www.mos.ru/news/item/148581073/> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁹ Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 2.

технологий (25%) наряду с бедностью, низкими пенсиями (61%) и ухудшением здоровья и болезнями (40%) входят в ТОП-3 самых распространенных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди³⁰. При этом 43% россиян назвали низкую цифровую грамотность пользователей всех возрастов главным барьером мешающим россиянам пользоваться цифровыми государственными сервисами более активно³¹.

Исследования фиксируют невысокий уровень доверия новым (цифровым) практикам заботы о здоровье, особенно в сравнении с традиционными практиками³². Нередко представители старшего поколения воспринимают современные цифровые технологии как искусственную, оторванную от реальности среду, что формирует у них скептическое отношение к их значимости. По данным ВЦИОМ (подробнее смотри табл. 1) 41% представителей поколения 1948–1967 г.р. и 46% родившихся до 1947 г. не допускают для себя консультации врача без личного визита, а, например, по телефону (для сравнения, среди зумеров и миллениалов таких 27% и 21% соответственно)³³. В связи с этим даже такие целенаправленные меры социальной поддержки, как повышение цифровой доступности и обучение компьютерной грамотности, не могут рассматриваться как гарантированно эффективные решения³⁴, тем более что мотивировать россиян пройти обучение цифровым навыкам тоже не так просто и на это способно, в основном, повышение заработной платы — 43%, против 9% — больше уверенности в использовании цифровых сервисов (банки, госуслуги и др.)³⁵.

³⁰ Старшее поколение: отношение, проблемы, возможности // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/starshee-pokolenie-otnoshenie-problemy-vozmozhnosti>

³¹ Всероссийский опрос проведен Аналитическим центром НАФИ в августе 2023 г. Опрошены 1600 человек старше 18 лет из всех федеральных округов. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,1%.

³² Богомякова Е. “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278.

³³ Телемедицина в России: спрос и предложение // Сайт ВЦИОМ. 2025. 17 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-spros-i-predlozhenie> (дата обращения: 11.06.2025).

³⁴ Орех Е.А. Указ. соч.

³⁵ Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд // Сайт Аналитического центра НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyy-god-podryad/> (дата обращения: 11.06.2025).

**Приемлемость консультации врача по телефону/через интернет,
по возрастным группам, в %**

(Ответ на вопросы: Для себя Вы скорее допускаете или не допускаете, что в будущем можете обратиться за такой консультацией врача по телефону/через интернет, а не при личном визите?)

		Поколение цифры (зумеры) (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
По телефону	Скорее допускаю	73	79	68	64	53	50
	Скорее не допускаю	27	21	31	32	41	46
Через интернет	Скорее допускаю	79	79	69	63	53	44
	Скорее не допускаю	21	21	29	36	45	48

Построено по данным: Телемедицина в России: спрос и предложение // ВЦИОМ. 2025. 17 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-spros-i-predlozhenie>

Помимо сложностей связанных с цифровой грамотностью нельзя игнорировать мнения скептиков, которые выдвигают на передний план явные ошибки, риски и трудности, возникающие в ходе развертывания “цифровой революции” в здравоохранении. Приведем лишь некоторые из них. Врачи все чаще бьют тревогу по поводу агрессивного маркетинга фитнес-гаджетов, позиционируемых как медицинские устройства. Особую опасность представляют ошибки в измерениях — например, некорректные показатели глюкозы у диабетиков³⁶. Исследования также показывают, что при телемедицинских консультациях врачи, из-за ограниченных диагностических возможностей дистанционного формата, перестраховываются и на 30% чаще назначают антибиотики широкого спектра действия по сравнению с очными приемами, что не только увеличивает стоимость лечения, но и способствует развитию антибиотико-

³⁶ Hamel M.B., Cortez N.G., Cohen I.G., Kesselheim A.S. FDA regulation of mobile health technologies // The New England Journal of Medicine. 2014. N 371(4). P. 372–379.

резистентности³⁷. Использование электронных устройств контроля здоровья помимо воодушевления по поводу их новых возможностей воспринимается пациентами как серьезная работа, вызывает у них массу эмоций, нередко негативных, например повышенную нервозность — они заикливаются на показателях, постоянно проверяют их и в итоге доводят себя до невроза³⁸.

Так или иначе, новый технологический уклад в здравоохранении, обусловленный развитием современных технологий, ведет к цифровой трансформации отрасли — процессу, который диктуется глобальными изменениями в обществе. Во всем мире цифровизация здравоохранения набирает обороты, и если запрос на нее существовал и раньше, то пандемия COVID-19 резко ускорила эти процессы. Необходимость наладить оперативную массовую помощь больным, в том числе в дистанционном формате, привела к смягчению нормативных ограничений, регулирующих использование отдельных технологий³⁹. В период эпидемии телемедицина позволяла врачам оказывать помощь, избегая потенциального заражения других пациентов и себя. Например, в 2021 г. в США свыше 20% медицинских услуг перешли в виртуальный формат, а количество дистанционных амбулаторных консультаций после пандемии COVID-19 выросло в 38 раз по сравнению с допандемийным уровнем. Даже в Японии, где цифровизация здравоохранения идет медленнее, чем в Европе и Северной Америке, доля медучреждений, предлагающих телемедицину, увеличилась до 15% в том же году⁴⁰. Конечно, позже активность немного снизилась, но около 40% пациентов, в том числе многие люди старшего возраста, заявили, что продолжают пользоваться телездоровоохранением в будущем (до пандемии таких было лишь

³⁷ *Uscher-Pines L., Mulcahy A., Cowling D., et al. Antibiotic prescribing for acute respiratory infections in direct-to-consumer telemedicine visits // JAMA Internal Medicine. 2015. № 175(7). P. 1234–1235 (Цит. по: Березной А.В., Сайгуттов Р.Т. “Цифровая революция” и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии // Вестник Российской академии медицинских наук. 2016. Т. 71. № 3. С. 200–213).*

³⁸ *Ancker J.S., Witteman H.O., Hafeez B., et al. “You get reminded you’re a sick person”: personal data tracking and patients with multiple chronic conditions // Journal of Medical Internet Research. 2015. N 17(8) (Цит. по: Березной А.В., Сайгуттов Р.Т. “Цифровая революция” и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии // Вестник Российской академии медицинских наук. 2016. Т. 71. № 3. С. 200–213).*

³⁹ Топ-10 цифровых решений в медицине и здравоохранении // Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. URL: <https://issek.hse.ru/news/691544400.html> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴⁰ Цит по: Сизов Г.Г. Цифровая трансформация первичной медико-санитарной помощи в Москве // Национальное здравоохранение. 2024. № 3(5). С. 41–52.

11%)⁴¹. “Пандемия COVID-19 открыла возможности для ускорения процесса адаптации к цифровой трансформации, применения ее достижений для удовлетворения многих потребностей пожилых людей, включая укрепление здоровья”⁴² подтолкнув “пожилых людей к постепенному преодолению физиологических и психологических барьеров и привыканию к функционалу удаленного доступа”⁴³.

Этот тренд не обошел стороной и Россию, где цифровая трансформация здравоохранения также получила значительный импульс во время пандемии⁴⁴. Сегодня, на отмену коронавирусных ограничений, телемедицинский рынок демонстрирует устойчивую положительную динамику. По данным онлайн-сервиса “СберЗдоровье”, число консультаций в формате “врач — пациент” за последние четыре года выросло почти в 7,5 раз⁴⁵. Это коснулось и пожилых людей, которые, несмотря на изначальную технологическую настороженность и сложности, в Ковид были вынуждены активно осваивать цифровые сервисы — от видеоконсультаций с врачами до онлайн-заказа лекарств и получения электронных рецептов⁴⁶.

По итогам 2022 г. РФ вошла в топ-10 стран по уровню цифровизации в системе госуправления⁴⁷. По данным НАФИ здравоохранение и медицина лидируют в списке государственных услуг получаемых россиянами с использованием цифровых сервисов (58%)⁴⁸,

⁴¹ *Bestseny O., Gilbert G., Harris A., Rost J.* Telehealth: A quarter-trillion-dollar post-COVID-19 reality? // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/healthcare/our-insights/telehealth-a-quarter-trillion-dollar-post-covid-19-reality> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴² *Вдовина М.В., Нгуен Х.Х.* Использование пожилыми людьми цифровых технологий для здоровьесбережения: социологическое исследование в Хошимине // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105).

⁴³ Там же.

⁴⁴ См. например: *Мурашко М.А.* Первая пандемия цифровой эпохи: уроки для национального здравоохранения. Национальное здравоохранение. 2020. № 1(1). С. 4–8.

⁴⁵ Цит. по: Телемедицина в России: спрос и предложение // ВЦИОМ. 2025. 17 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-spros-i-predlozhenie> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴⁶ Например: *Girdhar R., Srivastava V., Sethi S.* Managing mental health issues among elderly during COVID-19 pandemic // Journal of Geriatric Care and Research. 2020. Vol. 7. N 1. P. 32–35.

⁴⁷ Всемирный банк признал Россию одним из лидеров в области цифровизации госуправления // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16348819> (дата обращения: 08.04.2025).

⁴⁸ Запись к врачу и оплата налогов: 40% россиян за последний год стали чаще использовать цифровые государственные сервисы // Сайт Аналитического центра НАФИ. 2023. 5 Сент. URL: <https://nafi.ru/analytics/zapis-k-vrachu-i-oplata-nalogov-40-rossiyan-za-posledniy-god-stali-chashche-ispolzovat-tsifrovye-gos/> (дата обращения: 11.06.2025).

и даже старшее поколение, как было сказано выше, все чаще осваивает онлайн-запись к врачу и телемедицину. Работа по цифровизации сферы здравоохранения достаточно активно ведется в нашей стране: широко внедряются телемедицинские сервисы, электронные медицинские карты, системы искусственного интеллекта для диагностики и поддержки принятия врачебных решений⁴⁹, а также носимые устройства для мониторинга здоровья, что особенно важно для возрастных пациентов с хроническими заболеваниями. Указом Президента России утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 г. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в российском здравоохранении является одним из ключевых направлений развития отрасли, в 2022 г. Минздрав России запустил собственную платформу ИИ в здравоохранении⁵⁰. Благодаря развитию цифровых технологий медицинские учреждения получили возможность переводить бумажную документацию в электронный формат, используя электронные медицинские карты (ЭМК): если в 2007 г. лишь 3,9% государственных больниц применяли подобные информационные системы, то к 2022 г. их доля выросла до 94%, лидером здесь является Москва, где внедрение ЭМК приближается к 100%⁵¹.

Цифровизация здравоохранения — процесс, который касается всех: государства, медицинских работников, разработчиков ИТ-решений и новых медицинских технологий, пациентов. Меняется не только образ медицины, способы взаимодействия с ней человека, привычные организационные связи “врач — пациент” и способы предоставления медицинской услуги, но и управленческие процессы. В рамках цифровизации отрасли появляются решения для повышения доступности, комфортности и результативности медицинских услуг — ключевые факторы для возрастных пациентов, реализуются программы по модернизации здравоохранения, более рациональному использованию ее ресурсов, как человеческих

⁴⁹ Сорокин Д.Ю., Труфанова Е.С., Реброва О.Ю., Безлепкина О.Б., Лантес Д.Н. Система поддержки принятия врачебных решений на основе искусственного интеллекта для коррекции параметров инсулиновой помпы у детей с сахарным диабетом 1 типа // Сахарный диабет. 2024. № 3.

⁵⁰ Об этом: Нейросеть в белом халате, или новая эра медицины? // Сайт ВЦИОМ. Здравоохранение. 2024. 24 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroset-v-belom-khalate-ili-novaja-ehra-mediciny> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵¹ Новые поликлиники, искусственный интеллект и цифровизация: как развивалось московское здравоохранение в 2024 году // Mos.ru. Новости. URL: <https://www.mos.ru/news/item/148581073/> (дата обращения: 11.03.2025).

(снижение нагрузки на врачей благодаря автоматизации рутинных процессов, сокращение времени постановки диагноза и т.д.), так и экономических⁵². Кроме того, технологии удаленного мониторинга и телемедицины должны несколько нивелировать региональное неравенство и расширить возможности для оказания своевременной помощи пациентам из отдаленных регионов, включая пожилых людей с ограниченной мобильностью.

Звучит прекрасно и хочется надеется на реальное воплощение этих стратегий развития, так как на практике внедрение этих инноваций сталкивается с рядом проблем — от технических сложностей и недостаточной цифровой грамотности пожилых пациентов, о которой упоминалось ранее, до неготовности части медицинских учреждений к полноценному переходу на цифровые рельсы, в том числе по причине необходимости параллельного ведения бумажной документации, сопротивления части врачей, воспринимающих цифровые системы как инструмент контроля, и недостаточной IT-подготовки медицинского персонала, а также неготовностью администраций лечебных учреждений инвестировать бюджеты и рабочее время в дополнительное обучение персонала⁵³.

Таким образом «эйфория первых шагов “цифровой революции” в настоящее время сменяется реалистичным анализом возможностей и условий реализации того действительно колоссального потенциала, который заложен в информационной трансформации здравоохранения»⁵⁴. Становится ясно, что реализация этого потенциала сталкивается с серьезными барьерами — социальными, экономическими и этическими. Из-за сложности этих процессов полная цифровая трансформация отрасли займет десятилетия и потребует вдумчивого поэтапного внедрения. Развитие цифрового здравоохранения, несмотря на все свои преимущества, порождает и серьезные риски. Участвовавшие случаи хакерских атак и утечек медицинских данных создают почву для шантажа, мошеннических схем и даже дискриминации на основе информации о состоянии

⁵² Клочков В.А. Сравнительный анализ различных моделей профилактики сердечнососудистых заболеваний // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 5. С. 149.

⁵³ Дайджест новостей цифрового здравоохранения 30 сентября — 7 октября 2021 // Центр компетенций. Цифровой трансформации сферы здравоохранения. URL: https://portal.egis.rosminzdrav.ru/files/Дайджест%20новостей%20цифрового%20здравоохранения_октябрь_1.pdf (дата обращения: 11.06.2025).

⁵⁴ Березной А.В., Сайгилов Р.Т. “Цифровая революция” и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии // Вестник РАМН. 2016. № 3(71). С. 200–213.

здоровья. Уязвимость больниц к кибератакам возросла по всему миру вместе с ростом зависимости от цифровых систем. Сказывается на ситуации использование электронных медицинских карт и телемедицины. “По мнению экспертов, в даркнете будет появляться всё больше объявлений о продаже медицинских данных, в том числе информации из медицинских карт или страховых полисов. Уже сейчас иногда они стоят даже дороже, чем данные банковских карт, поскольку являются ценным ресурсом для злоумышленников, помогая им входить в доверие к пользователям, обманывать их самих или их родственников”⁵⁵. По информации центра мониторинга внешних цифровых угроз Solar AURA ГК “Солар”, отрасль здравоохранения занимает четвертое место по количеству утекших строк данных. Так только за первую половину 2024 г. в России в открытый доступ попали конфиденциальные сведения 21 медицинской организации, в основном это персональные данные пациентов⁵⁶. Число утечек данных, уничтожения IT-инфраструктуры и приостановок работы клиник за первые полгода выросло на 32% (MTC-RED)⁵⁷. 74% кибер-атак (Positive Technologies)⁵⁸ привели к утечке конфиденциальной информации.

Еще одной угрозой является риск серьезных трудностей в работе клиник при сбоях серверов или ошибках программного обеспечения. Автоматизированные системы диагностики остаются несовершенными, ошибки алгоритмов ИИ могут приводить к некорректным решениям, особенно при отсутствии должного врачебного контроля. “Модели хороши лишь настолько, насколько хороши данные, на которых они обучаются. Неточные, неполные или предвзятые данные могут привести к ненадежным и потенциально вредным результатам”⁵⁹, проблема “мусор на входе — мусор

⁵⁵ Здравоохранение — новый черный для злоумышленников: данные медицинских карт стоят дороже банковских // Лаборатория Касперского. Пресс-релиз. 2019. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/zdravooohranenie-novy-chyornyy-dlya-zloumyshlennikov-dannye-medichinskih-kart-stoyat-dorozhe-bankovskih> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁶ Кибератаки на медучреждения стали более критическими // Медвестник. 2024.26.07. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kibertaki-na-meduchrejdeniya-stali-bolee-kritichesкими.html> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁷ Российские больницы под огнем. Число кибертак на медучреждения выросло на треть // Сетевое издание “CNews”. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-26_kibertaki_na_meditsinskie (дата обращения: 11.03.2025).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Gianfrancesco M., Tamang S., Yazdany J., Schmajuk G.* Potential Biases in Machine Learning Algorithms Using Electronic Health Record Data // JAMA Internal Medicine. 2018. N 178(11). P. 1544–1547.

на выходе”⁶⁰ не просто не решена, а лишь обострилась в условиях быстрого развития новых технологий. Системы искусственного интеллекта становятся все более сложными и взаимосвязанными, они в каком-то смысле напоминают карточный домик, когда сбой в одной части системы каскадно отражается на других частях вызывая цепную реакцию и, порой, полномасштабный системный отказ⁶¹. Кроме того, даже эффективные алгоритмы часто не могут объяснить свои выводы, они непрозрачны, что ставит под вопрос доверие им как пациентов, так и врачей⁶².

Эти технологические изменения порождают целый комплекс правовых и этических дилемм. До сих пор не решен ключевой вопрос ответственности при ошибках диагностики — должен ли отвечать создатель алгоритма, медицинское учреждение или врач, принявший решение на основе рекомендаций ИИ? В отсутствии четких нормативных рамок подобные ситуации создают риски как для пациентов, так и для медицинских организаций. Особую остроту проблеме придают социально-психологические аспекты цифровизации. Многие пациенты, особенно пожилые, испытывают дискомфорт от обезличенного онлайн-взаимодействия. Для них важен не только профессиональный осмотр, но и человеческое участие — возможность задать вопросы, получить эмоциональную поддержку, буквально почувствовать врачебное участие. Технологическое же неравенство усугубляет ситуацию: пока одни клиники внедряют инновации, другие (особенно в сельской местности) и многие возрастные пациенты остаются за бортом цифрового прогресса. При этом цифровизация создает новую нагрузку на медицинских работников, которые перегружены работой с электронными системами⁶³.

Тем не менее, применение цифровых технологий в системе здравоохранения является сегодняшней действительностью и необходимым элементом для будущего успешного развития, миро-

⁶⁰ От английского *garbage in, garbage out* (GIGO) — концепция в информатике, согласно которой некорректные, искаженные или некачественные (“мусорные”) данные ведут к неверным результатам, даже если сам применяемый при их обработке алгоритм правилен.

⁶¹ *Chen J, Zhang R., Han W., Jiang W., Hu J., Lu X., Liu X., Zhao P.* Path Planning for Autonomous Vehicle Based on a Two-Layered Planning Model in Complex Environment // *Journal of Advanced Transportation*. 2020. N 9. P. 1–14.

⁶² *Mittelstadt B., Allo P., Taddeo M., Wachter S., Floridi, L.* The ethics of algorithms: Mapping the debate // *Big Data & Society*. 2016. N 3(2).

⁶³ *Коррейя П.М.А.Р., Педро Р.Л.Д., Видейра С.* Искусственный интеллект в здравоохранении: баланс инноваций, этики и защиты прав человека // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025. N 1.

вым трендом, который, хочется верить, несет в себе больше плюсов, чем минусов. Цифровые технологии — действительно важный и перспективный инструмент повышения качества предоставления медицинской помощи, “поэтому правительствам и органам управления здравоохранением следует продвигать и поддерживать их внедрение в практику”⁶⁴.

Когда человек сталкивается с чем-то новым, у него возникает страх, недоверие, непонимание и тревожность, цифровые технологии в здравоохранении здесь не исключение. Особенно ярко эти опасения проявляются среди пожилых людей, чей консерватизм и отсутствие цифровых навыков зачастую превращают даже простые телемедицинские консультации в стрессовую ситуацию. Причем касается это как пациентов, так и врачей. И хотя нобелевский лауреат по экономике Кристофер Писсаридес включил здравоохранение в шесть областей, в которых роботы никогда не вытеснят человека, поскольку непосредственный контакт пациента с врачом и общение “глаза в глаза” — необходимый элемент успеха медицинской помощи⁶⁵, внедрение цифровых технологий в практическое здравоохранение предъявляет новые требования к профессиональной подготовке медицинских кадров.

Исследования цифровых навыков врачей, их мотивации к их улучшению весьма противоречивы, как и оценка готовности врачей к применению цифровых технологий в практической деятельности. По оценкам зарубежных ученых от 30 до 70% медицинских работников не обладают всеми навыками, необходимыми для использования цифровых технологий и полноценной работы с цифровой информацией⁶⁶. В нашей стране 31,3% врачей и 29,6% медсестер, использовавших компьютерную технику, заявляют о том, что испытывают нехватку знаний и навыков в данной сфере, т.е. их уровень цифровой квалификации ниже необходимого⁶⁷. При это восполне-

⁶⁴ Digital tools positively impact health workers' performance, new WHO study shows // Official website of the World Health Organization. URL: <https://www.who.int/europe/news/item/27-07-2023-digital-tools-positively-impact-health-workers--performance--new-who-study-shows> (accessed: 08.04.2025).

⁶⁵ Цит. по: Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В. Цифровизация здравоохранения РФ: миф или реальность? // Врач и информационные технологии. 2020. № 3.

⁶⁶ Socha-Dietrich K. Engaging and transforming the health workforce // Health in the 21st Century: Putting Data to Work for Stronger Health Systems. Paris: OECD Publishing. L., 2019. P. 120–145.

⁶⁷ Коленникова О.А. Владение медицинскими специалистами цифровыми технологиями // Народонаселение. 2022. № 3.

нием недостающих навыков и знаний медицинские специалисты занимаются в основном самостоятельно, а не путем специализированного обучения⁶⁸. Если говорить о цифровых технологиях коммуникации (различных мессенджерах и социальных сетях), здесь данные исследований часто расходятся. Так, исследование проведенное в Нижнем Новгороде говорит о том, что 88% уже используют их при общении с пациентами⁶⁹ и практически все поддерживают развитие технологий телемедицины и считают их внедрение целесообразным, но 37% готовы применить данные технологии только в формате “врач-врач”. А совместное исследование Центра развития здравоохранения Сколково с Международным медицинским кластером и РНИМУ им. Н.И. Пирогова посвященное выявлению закономерностей и тенденций, а также потенциальных пробелов в развитии навыков медицинских работников дает другие цифры согласно которым 45,7% медицинских работников никогда не взаимодействуете с пациентами в дистанционном формате⁷⁰.

Так или иначе, по расчетам специалистов, сектор телемедицинских консультаций будет развиваться, как по принципу “врач-врач” (10% консилиумов врачей к 2030 г.), так и по принципу “врач-пациент” (50% консультаций к 2030 г.)⁷¹. В действительности, рост происходит прямо в режиме реального времени — в первой половине 2024 г. спрос на онлайн-приемы вырос почти на 45% по сравнению с тем же периодом прошлого года (по данным “СберЗдоровье”)⁷².

Несмотря на стремительный рост телемедицины и оптимистичные прогнозы, как уже было сказано выше, внедрение цифровых технологий встречает неоднозначную реакцию среди медицинских работников. Только половина врачей считают, что им в работе существенно помогает цифровизация, следует из опроса, проведенного Ассоциацией развития медицинских информацион-

⁶⁸ Коленникова О.А. Владение медицинскими специалистами цифровыми технологиями.

⁶⁹ Романова Т.Е., Абаева О.П., Романов С.В., Родина А.А. Оценка готовности врача многопрофильного стационара к применению цифровых технологий в практической деятельности // Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8. № 3. С. 105–111.

⁷⁰ Цифровые компетенции медицинских сотрудников — ключевой фактор успеха цифровизации здравоохранения. Драйверы и барьеры их развития. Отчет о результатах исследования. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/cifrovye-kompetencii-meditsinskih-sotrudnikov-klyuchevoj-faktor-uspeha-cifrovizacii-zdravoohraneniya/>

⁷¹ Цифровая трансформация: ожидания и реальность // Доклад НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/603838492.pdf> (дата обращения: 08.04.2025).

⁷² Подборка российской ИКТ-аналитики. 2024. 13 авг. URL: <https://ict.dev.ict.moscow/news/analytics-13-08-2024/> (дата обращения: 08.04.2025).

ных технологий (АРМИТ) совместно с компанией “Медицинские информационные решения” (МИР) на платформе “Справочник врача”. Каждый четвертый (25%) считает, что помощь от цифровизации медицины есть, но незначительная, а каждому шестому (18%) нововведения только мешают. Около 7% врачей также заявили, что об информатизации они в основном “только слышат”⁷³. В целом, российским специалистам вторят врачи во всем мире, которые хотя и считают, что цифровые устройства улучшают доступ пациентов к медицинской помощи 72%, но при этом, говорят о том, что пациентам трудно точно описать свою ситуацию — 44%, и у них не всегда есть необходимое оборудование для использования телемедицины — 40%⁷⁴. При этом ряд исследований указывает, что цифровизация медицины может усугублять профессиональное выгорание врачей. Речь идет не только о традиционных стресс-факторах медицинской профессии, но и о дополнительной нагрузке, связанной с освоением и постоянным использованием цифровых технологий в практике⁷⁵.

Врачи старшего поколения сталкиваются с особыми вызовами в процессе цифровой трансформации здравоохранения. Для многих опытных специалистов внедрение новых технологий становится серьезным испытанием, поскольку требует не только освоения незнакомых инструментов, но и пересмотра устоявшихся профессиональных подходов. Ситуация усугубляется тем, что именно эти врачи нередко оказывают помощь пожилым пациентам, которые сами испытывают схожие трудности. В результате формируется “двойной цифровой разрыв”, ограничивающий доступ к современным формам медицинской помощи для наиболее уязвимых групп.

Цифровая трансформация здравоохранения представляет собой сложный процесс, где технологические изменения должны быть приняты как медицинскими работниками, так и пациентами. Для сегодняшних врачей освоение технологий это часть профессиональных обязанностей. Для пациентов это всегда добровольный выбор, и здесь возникает одна ключевая проблема — даже самые совершенные системы не дадут результата, если люди не готовы ими

⁷³ Шамардина Л. Каждый шестой врач сообщил об усложнении работы после внедрения цифровизации // Медвестник. URL: <https://medvestnik.ru/directory/persons/Shamardina-Lada.html> (дата обращения: 08.04.2025).

⁷⁴ Цифровой доктор 2023 // IPSOS. URL: <https://www.ipsos.ru/ru-ru/cifrovoy-doktor-2023> (дата обращения: 08.04.2025).

⁷⁵ Каминер Д.Д., Милушкина О.Ю., Шеина Н.И., Булацева М.Б., Гирина М.Д., Палеева М.Ф. Цифровизация здравоохранения и состояние здоровья медицинских работников // Медицина труда и промышленная экология. 2023. № 8(63).

пользоваться. Недоверие пациентов к электронным сервисам, нехватка цифровых навыков или просто нежелание менять привычки могут свести на нет все технологические преимущества. Поэтому успех цифровизации зависит не только от оснащенности клиник, но и от того, насколько простыми, безопасными и полезными новые инструменты окажутся для обычных людей.

В этой связи критически важной становится роль государства как координатора цифровых преобразований. Речь идет не просто о финансировании технологий, а о создании комплексной системы, включающей: образовательные программы (как для врачей, так и для населения); мотивирующие меры для населения (скидки на страхование, налоговые вычеты), финансовые и нефинансовые стимулы для врачей, гарантии безопасности и т.п. Именно государство должно создавать условия, когда преимущества технологий становятся очевидными и доступными. По-другому никак не преодолеть “цифровой раскол”⁷⁶ и не реализовать потенциал технологий для улучшения общественного здоровья.

Но цифровая грамотность населения, его способность безопасно и эффективно применять цифровые технологии в повседневной жизни, включая здравоохранение пока остается на довольно низком уровне. На сегодняшний день далеко не все люди просто хорошо владеют смартфонами, компьютерами или медицинскими приложениями, в частности, пожилые люди здесь в уязвимом положении. По данным ВЦИОМ на 2024 г. у 29% респондентов в возрасте старше 60 лет и 45% — 80 лет и старше вообще нет смартфонов⁷⁷, учитывая, что именно эта группа является основным потребителем пользователей медицинских услуг ввиду состояния своего здоровья, данную ситуацию нельзя сбрасывать со счетов.

Многие пациенты сомневаются в надежности дистанционных консультаций, точности телемедицинской диагностики или безопасности хранения медицинских данных. Люди (47%) обеспокоены получением некачественной медицинской помощи посредством

⁷⁶ Цифровой раскол — это социально-экономическое явление, характеризующееся неравным доступом к цифровым технологиям, интернету и информационно-коммуникационным технологиям между различными группами населения, регионами или странами. Также встречаются термины “цифровой барьер”, “цифровое неравенство”, “цифровое разделение”, “цифровой разрыв”, “цифровая пропасть”, “дигитальная яма”, “дигитальный разрыв”, “цифровой занавес”, так как в русскоязычной литературе отсутствует единый устоявшийся эквивалент английского термина digital divide.

⁷⁷ Есть ли жизнь без смартфона? // Сайт ВЦИОМ. 2024. 22 апр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (дата обращения: 08.04.2025).

телемедицинских технологий⁷⁸. Страхи также связаны с возможными утечками информации, ошибками алгоритмов искусственного интеллекта или потерей личного контакта с врачом. Присутствие искусственного интеллекта в здравоохранении все чаще вызывает у россиян скепсис: доля декларирующих позитивное отношение к его применению в этой сфере снизилась за последние два года (2022–2024 гг.) на 6 п.п. (с 64% до 58%)⁷⁹. Степень доверия к цифровым медицинским услугам существенно варьируется в зависимости от возраста пациентов. Особенно критично эта разница проявляется в восприятии ИИ-диагностики — если молодые пациенты чаще готовы доверять алгоритмам как дополнению к работе врача и чувствовали бы себя комфортно, если бы врач полагался на ИИ при диагностике и подготовке рекомендаций по лечению — 58%, то старшее поколение в большинстве случаев отвергает такую возможность и готово довериться ИИ — 28%⁸⁰. Ассоциированность с возрастом прослеживается и в готовности получать определенные виды медицинской помощи и советы по лечению через приложения, получать “напоминалки” о приеме лекарств, необходимости измерить давление, повышать свою медицинскую грамотность через приложения и т.п. — чем моложе пациент, тем выше готовность⁸¹.

Люди пожилого возраста демонстрируют не только скепсис, но и заметные трудности в понимании самой сути вопроса. Согласно уже упомянутому исследованию ВЦИОМ, 28% представителей поколения оттепели затрудняются с ответом на вопросы, связанные с ИИ в медицине. Это значительно выше, чем в среднем по выборке (18%) и тем более по сравнению с молодежью (2% среди зумеров)⁸². Такой высокий процент неопределенности говорит о том, что для

⁷⁸ *Одинцова О.В., Коршунов А.М., Котовская М.Г., Гурицкой Л.Д.* Развитие телемедицинских технологий и отношение пожилых граждан к их использованию // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30 (sl).

⁷⁹ Доверие к ИИ // Сайт ВЦИОМ. 24.12.24. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 08.04.2025).

⁸⁰ Нейросеть в белом халате, или новая эра медицины? // Сайт ВЦИОМ. Здравоохранение. 2024. 24 нояб. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroset-v-belom-khalate-ili-novaja-ehra-mediciny> (дата обращения: 08.04.2025).

⁸¹ *Османов Э.М., Решетников В.А., Гусейнова З.Г., Омаров М.А.* Цифровые технологии в медицине: мнение пациентов с артериальной гипертензией // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 1.

⁸² Нейросеть в белом халате, или новая эра медицины? // Сайт ВЦИОМ. Здравоохранение. 2024. 24 нояб. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroset-v-belom-khalate-ili-novaja-ehra-mediciny> (дата обращения: 08.06.2025).

многих пожилых людей сама концепция искусственного интеллекта остается абстрактной, а его применение в здравоохранении — непонятым. Преодоление этих возрастных различий требует дифференцированного подхода к внедрению цифровых сервисов. Стоит отметить, что несмотря на лояльность молодых групп населения и их готовность использовать цифровые технологии, даже среди них сохраняются опасения относительно безопасности персональных медицинских данных и точности алгоритмических решений.

Одним из ключевых барьеров цифровой трансформации здравоохранения является высокая стоимость внедрения новых технологий. Переход на электронные медицинские карты, внедрение телемедицинских платформ и систем поддержки принятия врачебных решений требует значительных инвестиций не только в программное обеспечение, но и в современное оборудование, защищенные каналы передачи данных, а также обучение персонала. Кроме того, многие медицинские учреждения, особенно в регионах, работают на устаревшей ИТ-инфраструктуре, что делает невозможным быстрое внедрение инновационных решений без предварительной масштабной модернизации. Если в Москве и крупных городах телемедицина и электронные сервисы работают стабильно, то в сельских районах и малых городах интернет-связь часто нестабильна, а у медицинских учреждений не всегда есть ресурс для внедрения современных технологий. Недостаточная техническая оснащенность отягощается недостаточной обеспеченностью кадрами, особенно имеющими навыки компьютерной грамотности⁸³. Это создает ситуацию, в которой жители мегаполисов получают передовые услуги, а пациенты из глубинки остаются с традиционными формами обслуживания.

Цифровизация здравоохранения — это не просто внедрение новых технологий, а фундаментальное преобразование медицинской практики, затрагивающее саму философию оказания помощи. С одной стороны, искусственный интеллект способен анализировать медицинские данные с недоступной человеку точностью⁸⁴, предсказывать траектории развития вспышки заболевания или пандемии, анализировать данные о контактах и поездках (важно в условиях эпидемий)⁸⁵, выявлять патологии на самых ранних стадиях, пре-

⁸³ Мишион Е.В. Цифровизация медицины и потенциальные угрозы региональному здравоохранению // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–2.

⁸⁴ Topol E. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // *Nature Medicine*. 2019. N 25(1). P. 44–56.

⁸⁵ Ferguson N., Cummings D., Fraser C., Cajka J., Cooley, P., Burke, D. Strategies for mitigating an influenza pandemic // *Nature*. 2006. N 442(7101). P. 448–452.

вращая профилактику в перманентный процесс цифрового мониторинга⁸⁶. Роль врача меняется: из эксперта и нередко интуита⁸⁷ он, по крайней мере частично, превращается в интерпретатора данных. Здесь кроется риск потери человеческого фактора — эмпатии, доверия, умения уловить неочевидные жалобы пациента. Особенно это важно для пожилых пациентов, которым зачастую сложнее адаптироваться к цифровым инструментам и которые больше нуждаются в личном контакте с врачом.

Еще одна проблема — чрезмерная зависимости от искусственного интеллекта⁸⁸ и здесь необходимо осознавать ограничения технологий и развивать их ответственно, сочетая с традиционными навыками клинического общения, тогда можно будет сохранить баланс между эффективностью и человечностью медицины.

Цифровизация здравоохранения ставит перед нами сложные вопросы. Как соединить холодную эффективность алгоритмов с теплом человеческого участия, которое особенно важно для возрастных пациентов? Произойдет ли в этой сфере гармоничный синтез человека и “цифры” или “человеку придется самому стать механизмом, управлять собою с помощью компьютерной программы, чтобы соответствовать всем условиям и ожиданиям электронно вооруженного общества”?⁸⁹ Где проходит граница между медицинской помощью и цифровым сервисом? Как сохранить доверие, когда решения принимают “черные ящики” нейросетей?⁹⁰ Как превратить поток медицинских данных не в инструмент контроля, а в средство расширения возможностей и сохранения самостоятельности пожилых людей? Ответ на эти сложные вопросы определит, станет ли цифровая медицина по-настоящему гуманистическим проектом или превратится в технократическую систему, где человек все лишь набор показателей, а пожилой человек — набор ухудшающихся с возрастом показателей.

Суть успешной цифровизации заключается в понимании фундаментальной истины: технологии — всего лишь средства, предна-

⁸⁶ Антонова А.А., Пальмов С.В. Особенности применения методов искусственного интеллекта в сфере медицины // *Индустриальная экономика*. 2024. № 1.

⁸⁷ Абаев Ю.К. Интуиция врача // *Клиническая медицина*. 2012. № 12.

⁸⁸ DeCamp M., Tilburt J. Why we cannot trust artificial intelligence in medicine // *The Lancet Digital health*. 2019. N 1(8); Wong F., de la Fuente-Nunez C., Collins J. Leveraging artificial intelligence in the fight against infectious diseases // *Science*. 2019. N 381(6654). P. 164–170.

⁸⁹ Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // *Знамя*. 2021. № 8. С. 159–162.

⁹⁰ Сычев А.А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // *Социальные нормы и практики*. 2023. № 3.

значенные не только для увеличения продолжительности жизни, но и для улучшения ее качества на всех этапах. Поэтому классические подходы к здравоохранению и цифровые решения должны стать взаимодополняющими элементами целостной медицинской системы. В каком-то смысле цифровая трансформация — это проверка нашей способности создавать технологии, которые будут служить не только молодым и технологически подкованным, но и тем, кто больше всего нуждается в медицинской помощи — пожилым людям с их особенностями и ограничениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулкина Н.Г., Замятин Н.В., Смирнов Г.В. Умный дом и телемедицина для пожилых людей // Успехи кибернетики. 2023. Т. 4. Вып. 2. С. 24–32.

Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. М., 2020.

Антонова А.А., Пальмов С.В. Особенности применения методов искусственного интеллекта в сфере медицины // Индустриальная экономика. 2024. № 1.

Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В. Цифровизация здравоохранения РФ: миф или реальность? // Врач и информационные технологии. 2020. № 3.

Березной А.В., Сайгитов Р.Т. “Цифровая революция” и инновационные бизнес-модели в здравоохранении: глобальные тренды и российские реалии // Вестник РАМН. 2016. № 3(71). С. 200–213.

Богомякова Е. “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278.

Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 2.

Васин С.А. Старение как повод для реформ // Spero. 2008. № 8. С. 215–218.

Вдовина М.В., Нгуен Х.Х. Использование пожилыми людьми цифровых технологий для здоровьесбережения: социологическое исследование в Хошимине // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1 (105).

Воронин Г.Л., Курячьева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3. С. 55–65.

Горбатов С.Ю., Аксенова Е.И., Бурковская Ю.В. и др. Глобальная демографическая проблема и активное старение (обзор литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 2 (спецвыпуск).

Горошко Н.В., Пацала С.В. “Серебряная экономика” как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2.

Каминер Д.Д., Милушкина О.Ю., Шеина Н.И., Булацева М.Б., Гирина М.Д., Палеева М.Ф. Цифровизация здравоохранения и состояние здоровья медицинских работников // Медицина труда и промышленная экология. 2023. № 8(63).

Канев А.Ф., Кобякова О.С., Куракова Н.Г., Шибалков И.П. Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик // Национальное здравоохранение. 2023. № 4(4). С. 5–13.

Клочков В.А. Сравнительный анализ различных моделей профилактики сердечнососудистых заболеваний // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 5.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. 2022. № 4(40).

Коленникова О.А. Владение медицинскими специалистами цифровыми технологиями // Народнонаселение. 2022. № 3.

Мишон Е.В. Цифровизация медицины и потенциальные угрозы региональному здравоохранению // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–2.

Мурашко М.А. Первая пандемия цифровой эпохи: уроки для национального здравоохранения. Национальное здравоохранение. 2020. № 1(1). С. 4–8.

Одинцова О.В., Коршунов А.М., Котовская М.Г., Гурицкой Л.Д. Развитие телемедицинских технологий и отношение пожилых граждан к их использованию // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30 (sl).

Орех Е.А. Между возрастом и цифровизацией: практики заботы о здоровье пожилых петербуржцев // Logos et Praxis. 2022. № 3.

Османов Э.М., Решетников В.А., Гусейнова З.Г., Омаров М.А. Цифровые технологии в медицине: мнение пациентов с артериальной гипертензией // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 1.

Попова Е.В. Гериатрические синдромы у пациентов старческого возраста // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 1.

Раскина Ю.В. Цифровой барьер и социально-экономическое неравенство в России: исследование по данным КОУЖ-2016 // Статистика в цифровой экономике: обучение и использование. 2018. № 3. С. 87–89.

Романова Т.Е., Абаева О.П., Романов С.В., Родина А.А. Оценка готовности врача многопрофильного стационара к применению цифровых технологий в практической деятельности // Вестник ВШОУЗ. 2022. Т. 8. № 3. С.105–111.

Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В., Некипелова Д.В., Шеожев Х.В. Ресурсно-кадровое обеспечение системы долговременного ухода в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. № 5.

Сизов Г.Г. Цифровая трансформация первичной медико-санитарной помощи в Москве // Национальное здравоохранение. 2024. № 3(5). С. 41–52.

Сорокин Д.Ю., Труфанова Е.С., Реброва О.Ю. и др. Система поддержки принятия врачебных решений на основе искусственного интеллекта для коррекции параметров инсулиновой помпы у детей с сахарным диабетом 1 типа // Сахарный диабет. 2024. № 3.

Сычев А.А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики. 2023. № 3.

Чулков С.С. Состояние здоровья как фактор цифрового неравенства среди пожилых людей // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 2.

Шеметова Г.Н., Красникова Н.В., Шебалова Е.М., Балашова М.Е. Организация паллиативной медицинской помощи на региональном уровне // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 3.

Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // Знамя. 2021. № 8. С. 159–162.

REFERENCES

Abdulkina N.G., Zamyatin N.V., Smirnov G.V. Umnyj dom i telemedicina dlya pozhilyh lyudej [Smart home and telemedicine for elderly people] // *Uspekhi kibernetiki*. 2023. T. 4. Vyp. 2. S. 24–32 (in Russian).

Ahamed F., Shahrestani S., Cheung H. Internet of Things and Machine Learning for Healthy Ageing: Identifying the Early Signs of Dementia // *Sensors (Basel)*. 2020. N 20(21).

Aksenova E.I., Gorbатов S.Yu. Cifrovizaciya zdavoohraneniya: opyt i primery transformacii v sistemah zdavoohraneniya v mire [Digitalization of healthcare: experience and examples of transformation in healthcare systems around the world]. M. 2020.

Ancker J.S., Witteman H.O., Hafeez B., et al. “You get reminded you’re a sick person”: personal data tracking and patients with multiple chronic conditions // *Journal of Medical Internet Research*. 2015. N 17(8).

Antonova A.A., Pal'mov S.V. Osobennosti primeneniya metodov iskusstvennogo intellekta v sfere mediciny [Features of artificial intelligence methods application in medicine] // *Industrial'naya ekonomika*. 2024. N 1.

Bacina E.A., Popsujko A.N., Artamonova G.V. Cifrovizaciya zdavoohraneniya RF: mif ili real'nost'? [Digitalization of Russian healthcare: myth or reality?] // *Vrach i informacionnye tekhnologii*. 2020. N 3 (in Russian).

Bereznoj A.V., Sajgitov R.T. “Cifrovaya revolyuciya” i innovacionnye biznes-modeli v zdavoohranenii: global'nye trendy i rossijskie realii [“Digital revolution” and innovative business models in healthcare: global trends and Russian realities] // *Vestnik RAMN*. 2016. N 3(71). S. 200–213 (in Russian).

Bloom D.E., Chatterji S., Kowal P., et al. Macroeconomic implications of population ageing and selected policy responses // *Lancet*. 2015. N 385(9968). P. 649–657.

Bogomyagkova E. “Doveraj, no proveraj”: praktiki zaboty o zdorov'e v usloviyah cifrovizacii zdavoohraneniya [“Trust but verify”: health care practices in the context of healthcare digitalization] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2022. T. 20. N 2. S. 263–278 (in Russian).

Chen J., Zhang R., Han W., Jiang W., Hu J., Lu X., Liu X., Zhao P. Path Planning for Autonomous Vehicle Based on a Two-Layered Planning Model in Complex Environment // *Journal of Advanced Transportation*. 2020. N 9. P. 1–14.

Chulkov S.S. Sostoyanie zdorov'ya kak faktor cifrovogo neravenstva sredi pozhilyh lyudej [Health status as a factor of digital inequality among elderly people] // *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya*. 2020. N 2 (in Russian).

Epshtejn M. Novaya etika ili staraya ideologiya? [New ethics or old ideology?] // Znamya. 2021. N 8. S. 159–162 (in Russian).

Girdhar R., Srivastava V., Sethi S. Managing mental health issues among elderly during COVID-19 pandemic // Journal of Geriatric Care and Research. 2020. Vol. 7. N 1. P. 32–35.

Gorbatov S.Yu., Aksenova E.I., Burkovskaya Yu.V. i dr. Global'naya demograficheskaya problema i aktivnoe starenie (obzor literatury) [Global demographic problem and active aging (literature review)] // Problemy social'noy gigieny, zdravooohraneniya i istorii mediciny. 2023. N 2 (specvypusk) (in Russian).

Goroshko N.V., Pacala S.V. “Serebryanaya ekonomika” kak novyy trend mirovogo razvitiya v usloviyah global'nogo stareniya naseleniya [“Silver economy” as a new trend of global development in the context of global population aging] // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2021. N 2 (in Russian).

Hamel M.B., Cortez N.G., Cohen I.G., Kesselheim A.S. FDA regulation of mobile health technologies // The New England Journal of Medicine. 2014. N 371(4). P. 372–379.

Kaminer D.D., Milushkina O.Yu., Shejna N.I., Bulaceva M.B., Girina M.D., Paleeva M.F. Cifrovizatsiya zdravooohraneniya i sostoyanie zdorov'ya medicinskih rabotnikov [Digitalization of healthcare and health status of medical workers] // Medicina truda i promyshlennaya ekologiya. 2023. N 8(63) (in Russian).

Kanev A.F., Kobyakova O.S., Kurakova N.G., Shibalkov I.P. Starenie naseleniya i ustojchivost' nacional'nyh sistem zdravooohraneniya. Obzor mirovyh praktik [Population aging and sustainability of national healthcare systems. Review of global practices] // Nacional'noe zdravooohranenie. 2023. N 4(4). S. 5–13 (in Russian).

Klochkov V.A. Sravnitel'nyj analiz razlichnyh modelej profilaktiki serdechnososudistykh zabolevanij [Comparative analysis of various models of cardiovascular disease prevention] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2020. N 5 (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Social'naya izolyatsiya i odinochestvo v pozhilom vozraste [Social isolation and loneliness in old age] // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2022. N 4(40) (in Russian).

Kolennikova O.A. Vkladenie medicinskimi specialistami cifrovymi tekhnologiyami [Medical professionals' digital technology skills] // Narodomaselenie. 2022. N 3 (in Russian).

Lelkes O. Happier and less isolated: Internet use in old age // Journal of Poverty and Social Justice. 2013. T. 21. N 1. P. 33–46.

Liu L., Stroulia E., Nikolaidis I., et al. Smart homes and home health monitoring technologies for older adults: A systematic review // International Journal of Medical Informatics. 2016. N 9. P. 44–59.

Mishon E.V. Cifrovizatsiya mediciny i potencial'nye ugrozy regional'nomu zdravooohraneniyu [Digitalization of medicine and potential threats to regional healthcare] // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. 2021. N 16–2 (in Russian).

Murashko M.A. Pervaya pandemiya cifrovoj epohi: uroki dlya nacional'nogo zdravooohraneniya [The first pandemic of the digital era: lessons for national healthcare] // Nacional'noe zdravooohranenie. 2020. N 1(1). S. 4–8 (in Russian).

Odicova O.V., Korshunov A.M., Kotovskaya M.G., Gurckoj L.D. Razvitie telemedicinskih tekhnologij i otnoshenie pozhilyh grazhdan k ih ispol'zovaniyu

[Development of telemedicine technologies and elderly citizens' attitude towards their use] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2022. N 30(sl) (in Russian).

Oreh E.A. Mezhdu vozrastom i cifrovizaciej: praktiki zaboty o zdorov'e pozhilyh peterburzhcev [Between age and digitalization: health care practices of elderly St. Petersburg residents] // Logos et Praxis. 2022. N 3 (in Russian).

Osmanov E.M., Reshetnikov V.A., Gusejnova Z.G., Omarov M.A. Cifrovye tekhnologii v medicine: mnenie pacientov s arterial'noj gipertenziej [Digital technologies in medicine: opinion of patients with arterial hypertension] // Sovremennye problemy zdravoohraneniya i medicinskoj statistiki. 2024. N 1 (in Russian).

Popescu D., Pitic D., Dragomir D. Elderly Training for Using Digital Technologies: A Literature Review and an Empirical Research in North Western Romania // Proceedings of the International management conference. Bucharest, 2020. P. 242–253.

Popova E.V. Geriatricheskie sindromy u pacientov starscheskogo vozrasta [Geriatric syndromes in elderly patients] // Sovremennye problemy zdravoohraneniya i medicinskoj statistiki. 2021. N 1 (in Russian).

Raskina Yu.V. Cifrovoy bar'er i social'no-ekonomicheskoe neravenstvo v Rossii: issledovanie po dannym KOUZh-2016 [Digital barrier and socio-economic inequality in Russia: research based on COUZh-2016 data] // Statistika v cifrovoj ekonomike: obuchenie i ispol'zovanie. 2018. N 3. S. 87–89 (in Russian).

Romanova T.E., Abaeva O.P., Romanov S.V., Rodina A.A. Ocenka gotovnosti vracha mnogoprofil'nogo statsionara k primeneniyu cifrovyyh tekhnologiy v prakticheskoy deyatelnosti [Assessment of readiness of multidisciplinary hospital doctors to use digital technologies in practice] // Vestnik VShOUZ. 2022. T. 8. N 3. S. 105–111 (in Russian).

Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V., Nekipelova D.V., Sheozhev H.V. Resursno-kadrovoe obespechenie sistemy dolgovremennogo uhoda v Rossijskoj Federacii [Resource and personnel support of the long-term care system in the Russian Federation] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2024. N 5 (in Russian).

Shemetova G.N., Krasnikova N.V., Shebalova E.M., Balashova M.E. Organizaciya palliativnoj medicinskoj pomoshchi na regional'nom urovne [Organization of palliative medical care at regional level] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2022. N 3 (in Russian).

Sizov G.G. Cifrovaya transformaciya pervichnoj mediko-sanitarnoj pomoshchi v Moskve [Digital transformation of primary health care in Moscow] // Nacional'noe zdravoohranenie. 2024. N 3(5). S. 41–52 (in Russian).

Sorokin D.Yu., Trufanova E.S., Rebrova O.Yu. i dr. Sistema podderzhki prinyatiya vrachebnyh reshenij na osnove iskusstvennogo intellekta dlya korrekcii parametrov insulinovoy pompy u detej s saharnym diabetom 1 tipa [Artificial intelligence-based clinical decision support system for insulin pump parameter adjustment in children with type 1 diabetes] // Saharnyj diabet. 2024. N 3 (in Russian).

Sychev A.A. Cennost' doveriya v epohu iskusstvennogo intellekta i novoj etiki: problemy i vyzovy [The value of trust in the era of artificial intelligence and new ethics: problems and challenges] // Social'nye normy i praktiki. 2023. N 3 (in Russian).

Topol E. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // Nature Medicine. 2019. N 25(1). P. 44–56.

Varlamova Yu.A. Mezhpokolencheskij cifrovoj razryv v Rossii [Intergenerational digital divide in Russia] // *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2022. N 2 (in Russian).

Vasin S.A. Starenie kak povod dlya reform [Aging as a reason for reforms] // *Spero*. 2008. N 8. S. 215–218 (in Russian).

Vdovina M.V., Nguyen H.H. Ispol'zovanie pozhilymi lyud'mi cifrovyyh tekhnologij dlya zdorov'esberezheniya: sociologicheskoe issledovanie v Hoshimine [Elderly people's use of digital technologies for health preservation: sociological research in Ho Chi Minh City] // *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2023. N 1 (105) (in Russian).

Voronin G.L., Kuryacheva M.M. Internet-prostranstvo starshego pokoleniya: analiz problemy vhozhdeniya v cifrovuyu epohu [Internet space of the older generation: analysis of the problem of entering the digital era] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*. 2018. N 3. S. 55–65 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-95-115

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.В. Карпова, канд. соц. наук, доц. кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В.С. Амелин, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена проблеме становления цифровой (электронной) демократии в современной России как механизма публичной политики и новой социально-политической практики, обусловленной процессами цифровизации. Рассматриваются вопросы, затрагивающие возможности внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий в сферу политического взаимодействия между обществом и государством, а также оцениваются перспективы развития и институционализации инновационных форм демократического участия граждан в принятии политических решений.

Авторами приведены распространенные на сегодняшний день в отечественной и зарубежной науке основные трактовки термина “цифровая (электронная) демократия”. Сам феномен цифровой демократии представляется технологическим механизмом, обеспечивающим включение процессов цифровизации в процедуры свободного политического выбора и политической активности граждан. Отмечается, что возможности цифровой демократии расширяют каналы влияния со стороны общества на реализацию политического процесса на различных стадиях функционирования социально-политической системы, способствуя развитию демократического плюрализма и возрождению элементов прямой демократии.

К числу действующих в настоящее время механизмов цифровой демократии в России авторы относят горизонтальную и вертикальную сетевую коммуникацию, формирование сетевых сообществ, общественное онлайн-управление, электронное голосование. Особое внимание уделено практике дистанционного электронного голосования (ДЭГ), примененной в региональном избирательном процессе и на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г. На основании анализа явки избирателей обосновано положительное влияние

* Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova_warden@mail.ru

** Амелин Вадим Сергеевич, e-mail: vadim-amelin2008@mail.ru

системы ДЭГ на электоральную активность российских граждан. В качестве актуальных проблем становления ДЭГ как элемента цифровой демократии в современной России указаны: наличие цифрового разрыва в стране и отсутствие достаточной уверенности граждан в анонимности данной процедуры. Вместе с тем авторы разделяют позицию, что становление цифровой демократии в России должно выступать фактором расширения возможностей гражданской активности, а не их полной альтернативой.

Ключевые слова: цифровая демократия, публичная политика, публичная власть, электронное участие, информационно-коммуникационные технологии, политическое участие, электронное правительство, дистанционное электронное голосование.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ELECTORAL PROCESS OF MODERN RUSSIA: FIRST STEPS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Karpova Nalalia V., Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: karpova_warden@mail.ru

Amelin Vadim S., Master's student at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vadim-amelin2008@mail.ru

The article is devoted to the problem of digital (electronic) democracy in modern Russia as a public policy mechanism and a new socio-political practice caused by the processes of digitalization. It examines the issues related to the possibilities of introducing the newest information and communication technologies into the sphere of political interaction between society and the state and also assesses the prospects for the development and institutionalization of innovative forms of democratic participation of citizens in making political decision.

The authors present the main interpretations of the term “digital (electronic) democracy” that are widespread today in domestic and foreign science. The phenomenon of digital democracy itself appears to be a technological mechanism that ensures the inclusion of digitalization processes in the procedures of free political choice and political activity of citizens. It is noted that the possibilities of digital democracy expand the channels of influence from society on the implementation of the political process at various stages of the political system functioning, contributing to the development of democratic pluralism and the revival of the direct democracy elements.

Among the mechanisms of digital democracy that are currently in effect in Russia the authors point out the horizontal and vertical network communication, the formation of network communities, public online governance, and electronic voting. Particular attention is paid to the practice of remote electronic voting applied in the regional electoral process and in the elections of the President of the Russian Federation in 2024. Based on

the analysis of voter turnout, the positive impact of the remote electronic voting on the electoral activity of Russian citizens is substantiated. The current problems of remote electronic voting as an element of digital democracy in modern Russia are the existence of a digital divide in the country and the lack of sufficient confidence of citizens in the anonymity of this procedure. At the same time, the authors share the position that the development of digital democracy in Russia should act as a factor in expanding opportunities for civic activity, and not as a complete alternative to it.

Key words: digital democracy, public policy, public power, electronic participation, information and communication technologies, political participation, electronic government, remote electronic voting.

Концептуализация и развитие теоретических оснований публичной политики как многомерного пространства взаимодействия и взаимовлияния государственных институтов и гражданских структур разного уровня неизбежно актуализируют вопросы, касающиеся формирования и функционирования публичной власти, а также воплощения принципов политического представительства в принятии политических решений. В то же время современный дискурс публичной политики характеризуется так называемым “партиципаторным поворотом”, направленным на поиски и расширение каналов и возможностей влияния со стороны граждан на содержание и выработку политических курсов органами публичной власти¹. На фоне цифровизации подобный поворот и вовлечение в политико-управленческий процесс общественных структур неизбежно связаны с развитием в политической практике механизмов “электронного (или цифрового) гражданского участия”, (e-participation) и соответственным внедрением различных электронных площадок для обеспечения цифровой связи с обществом.

В публичной политике возможности применения онлайн формата для достижения “цифровой зрелости” в отношении общества и государства довольно обширны, включая е-информацию, е-консультации и е-соучастие в принятии решений, в зависимости от уровня вовлечения граждан². Вместе с тем, исследовательский спектр проблемы развития и поддержки механизмов цифрового гражданского участия в сфере организации и функционирования публичной власти в той или иной степени пересекается с полем демократической теории и сложившимися в современных государствах демократическими практиками, представляющими, по сути,

¹ Аркатов Д.А. Проблемы электронного гражданского участия в публичной политике города: случай Санкт-Петербурга // Политическая наука. 2022. № 3. С. 296.

² См.: Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 87.

институциональную основу реализации публичной политики. Тесная взаимосвязь пространства публичной политики с демократическими процедурами очень верно обозначена российским исследователем А.Ю. Сунгуровым, который подчеркивал, что “публичная политика как политика надлежащего управления (good governance), с одной стороны, невозможна без демократии участия, а с другой — является ее основой”³.

В принципе само понятие “публичной власти”, которое в практике российской политики получило особое законодательное оформление в контексте принятия исторических поправок к Конституции РФ в 2020 г.⁴, по своей сути предопределяет ее открытость, характеризующуюся наличием потенциальной и реальной возможности участия граждан в обсуждении и принятии государственных решений. В данном отношении в основе различного рода форм организации и реализации публичной власти неизбежно лежит основной демократический принцип народовластия, легитимирующий осуществление властных полномочий в интересах граждан. Кроме этого, важно понимать, что в своем содержании понятие публичной власти предполагает наличие наряду с государственными органами власти и местным самоуправлением некой общественной власти, включающей наряду с гражданским участием и совещательно-консультативные органы общественного воздействия, которая осуществляется в интересах общества, под его контролем и по его запросу.

Вызовы цифровизации современной эпохи в контексте организации публичной власти, а также укрепления практик демократического участия и гражданского сектора публичной политики ставят перед исследователями задачи, связанные как с переоценкой применительно к текущим реалиям устоявшихся теорий демократии, так и с поиском новых концепций, направленных на включение инновационных возможностей современного общества, технологических и информационных, для реализации и воплощения классических идей демократии. В частности, одной из недавно появившихся в научном дискурсе теоретических конструктов в ракурсе развития механизмов публичной политики является концепция электронной, или цифровой, демократии, ориентированная

³ Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований. С. 92.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; с изм. от 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4207. Ст. 71, 80, 132.

на обоснование эффективности развития инновационных форм политического взаимодействия акторов гражданского общества и государства, порожденных процессами цифровизации и внедрением информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизни общества. Создание и разработка данной концепции в некотором роде наследует идеи прямой демократии, но в то же время ее представители разделяют позиции вариативности в совмещении процедур прямой и представительной демократии, поскольку новые технологии в потенциале способны предоставить весьма широкие возможности для участия граждан в выработке и принятии политических решений.

Понятие “электронная демократия” (впоследствии ставшее взаимозаменяемым синонимом “цифровой демократии”) **впервые появилось в США для обозначения возможности “приобщения граждан к более активному участию в делах общества посредством использования компьютеров и сетей телекоммуникации”⁵.** Как и в случае любой научной интерпретации и категоризации нового явления или процесса, оба этих термина пока нельзя назвать ни устоявшимися, ни однозначными. В самом общем смысле электронная демократия описывает государственное устройство, при котором информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) используются для реализации классического набора принципов демократического процесса: всеобщего избирательного права, выборности должностных лиц, осуществляемой посредством института свободных, честных и конкурентных выборов; обеспечения прав на выражение своего мнения и на получение, по словам классика политической науки Р. Даля⁶, “информированного” знания из альтернативных источников информации.

Однако проблема демократии в современных реалиях не связана только с состоянием макрополитических институтов, она определяется в том числе и возможностями поиска коллективных альтернатив для решения политических проблем. Особым образом это проявляется в отношении формирования действенного пространства публичной политики. В этом смысле применима позиция Р. Даля о том, что интерактивные системы телекоммуникаций должны прежде всего способствовать уменьшению разрыва между властью и обществом, позволяя гражданам участвовать в дискуссиях с экспертами, с принимающими политические решения ли-

⁵ Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 85.

⁶ Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 96.

цами и получать информацию о публичных проблемах в удобной форме.

Осмысление возможностей электронной демократии развивалось во многом в созвучии с недавно сложившейся теорией *“совещательной демократии”* (термин впервые использован Дж. Бассетом в 1980 г.), базовый принцип которой заключается в том, что процедуры демократии не сводятся исключительно “к избирательным урнам и правлению большинства как такового”, их ценность состоит также в “предоставлении убедительных доводов, и оценок для объяснительных решений”⁷. Потенциал цифровой демократии в данном отношении предлагает новые представления о возможных институциональных структурах в сфере публичной политики, дополняющих и обогащающих ее существующие процедуры, а также расширяющих контексты участия гражданского общества в выработке политических решений. Возможности цифровой демократии, включающие в себя совещательные онлайн-опросы, общественные онлайн форумы, инициативы электронного правительства, электронное голосование, с одной стороны, расширяют коммуникационное пространство для выражения общественного мнения и формирования ассоциативных структур гражданского общества, а с другой стороны, предоставляют новые возможности для реализации совещательных процедур в процессе принятия политических решений.

На развитие *концепции электронной демократии* оказали влияние идеи японского профессора Е. Масуды⁸ о формировании в будущем демократии участия, которая главным образом будет опираться на применение информационных технологий с использованием информационных ресурсов. По его убеждению, в будущем общество может строиться на принципах “компьютопии”, где электронные коммуникационные платформы займут место, аналогичное парламентским структурам. Данные возможности ИКТ, по мнению ученого, смогут открыть пути для непрерывного диалога общества с государством, который обеспечит возможность гибко адаптировать политические инициативы. При такой модели гражданского участия станет “возможным учитывать мнения всех слоев населения, имеющих доступ к информационным сетям, где обратная связь будет осуществляться до тех пор, пока не будет сформировано под-

⁷ Хэлд Д. Модели демократии. М., 2014. С. 391.

⁸ См.: Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество // Социокультурные утопии XX века. Вып. II. М., 1983. С. 193.

ходящее решение, что, в свою очередь, позволит удовлетворить интересы не только большинства, как в современных демократических странах, но и меньшинства”⁹.

Несмотря на свою новизну, проблема цифровой демократии уже получила заметное внимание в отечественной и зарубежной науке. Большую популярность приобрели идеи М. Кастельса о роли интернета как совокупности потоков циркулирующей информации в обществах сетевого типа в жизни общества. В своих многочисленных работах ученый указывал на существование “особой формы социальной организации, в которой создание информации, ее обработка и передача становятся фундаментальными источниками производительности и власти благодаря возникновению новых технологических условий”¹⁰.

Значительный вклад в разработку основ цифровой демократии внесли труды К. Хакера и Я. ван Дейка¹¹. Исследователи определяли цифровую демократию как механизм “использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и компьютерной коммуникации (СМС) во всех видах средств массовой информации (например, в интернете, интерактивном радиовещании и цифровой телефонии) в целях усиления политической демократии или участия граждан в демократической коммуникации”¹². Причем ученые отдавали предпочтение именно данному термину в отличие от “виртуальной демократии”, “теледемократии” или “электронной демократии”. Они характеризовали “цифровую демократию” как “совокупность возможностей практиковать демократию без ограничений времени, пространства и других физических условий, используя вместо этого ИКТ или СМС, как дополнение, а не замену традиционных “аналоговых” политических практик”. Следует подчеркнуть, что осуществление практики цифровой демократии К. Хакер и Я. ван Дейк рассматривали применительно как к онлайн, так к офлайн политической коммуникации. Поскольку в любом случае политическая деятельность происходит не только в интернете,

⁹ Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. С. 194.

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 608.

¹¹ См.: Digital democracy: issues of theory and practice / Ed. by K.L. Hacker, J.G.M. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 30–53; Van Dijk J. Digital democracy: vision and reality // Innovation and the Public Sector. 2012. N 19. P. 49–62.

¹² Цит. по: Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 344.

но и на физических встречах, где “участниками используются мобильные цифровые медиа”¹³.

Среди отечественных исследователей разработкой проблем электронной (цифровой) демократии занимались С.В. Бондаренко, И.Б. Борисов, И.А. Быков, Е.В. Былинкина, Н.С. Егоров, В.А. Гуторов, Е.Ю. Киреева, Н.В. Лаврик, А.С. Лолаева и др.¹⁴

В частности, А.С. Лолаева выделяет две сложившиеся на сегодняшний день трактовки цифровой демократии — широкую и узкую. В рамках узкого подхода цифровая демократия ограничивается цифровым воплощением традиционных средств демократического участия граждан в реализации отношений представительства, т.е. сюда входят преимущественно электронные референдумы и выборы¹⁵. Широкая же трактовка цифровой демократии включает в себя различные, традиционные (в цифровом воплощении) и инновационные, формы взаимодействия граждан с публичной властью, а именно: электронные опросы граждан, предоставление электронных государственных услуг, электронные петиции, электронные консультации, электронное взаимодействие граждан с местным самоуправлением на уровне системы умного города и т.д.¹⁶

Среди отечественных дефиниций цифровой (электронной) демократии наиболее объективной представляется трактовка российского политолога Н.В. Лаврик, которая определяет ее, как “форму демократии, характеризующуюся использованием ИКТ как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия со-

¹³ См.: Van Dijk J. Digital democracy: vision and reality. P. 49.

¹⁴ См.: Бондаренко С.В. Особенности создания и функционирования площадок “электронной демократии” // Полис. 2011. № 5. С. 164–178; Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 124–139; Быков И.А. “Электронная демократия” vs “Электронное правительство”: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69–79; Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 4–10; Егоров Н.С. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова “Облачная демократия” // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. № 2. С. 392–400; Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы; Дзидзов Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (2). С. 14–20 и др.

¹⁵ См.: Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 25.

¹⁶ См.: Там же. С. 24.

вместных решений — электронное голосование, контролирование исполнения решений и т.д.) на всех уровнях — начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным”¹⁷. Основной принцип электронной демократии здесь основывается на возможности подключения к сети любого пользователя, потенциально предполагая прямое волеизъявление участников, по сути являющихся равными обладателями “электронного права гражданина”.

В общем виде эта концепция представляется инновационным технологическим механизмом внедрения процессов цифровизации в процедуры, которые обеспечивают условия для свободного и конкурентного политического выбора, а также возможности политической активности для всех граждан политического сообщества. В результате инновационные информационно-коммуникативные технологии способствуют формированию новой демократической парадигмы, обеспечивающей возникновение и поддержание демократического плюрализма, потребностей и процедур, обеспечивая открытость и публичность политического процесса.

По сути, понятие “цифровая демократия” в большей степени относится к обозначению процесса расширения существующих политических практик посредством “технологических приложений и экспериментов, направленных на совершенствование существующих представительных демократических институтов. Увеличение количества веб-сайтов местных, региональных и государственных органов власти обычно приветствуется как попытка улучшить “интерфейс” между гражданами и властями”¹⁸. **Важно, что концепция “цифровой демократии” никак не привязана к конкретным моделям демократии** (таким как прямая демократия, либеральная и представительная демократия или демократия участия). Она концентрируется преимущественно на технически опосредованных практиках участия граждан в оказании влияния на власти и принятии политических решений и укреплении тем самым механизмов взаимодействия между социальными и политическими акторами в пространстве публичной политики.

С позиций политического участия граждан, или низовых основ демократии, существуют два ключевых аспекта цифровой демо-

¹⁷ Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. № 12(115). 2014. С. 75.

¹⁸ Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы. С. 347.

кратии, обеспечивающие закрепление демократических институтов, это:

- 1) электронное участие в принятии определенных политических решений (например, референдум по принятию поправок в Конституцию РФ в 2020 г.);
- 2) электронное голосование (выборы представителей в органы публичной власти)¹⁹. И хотя при исследовании электронной демократии часто упоминается концепция “электронного правительства”, эти термины по своей сути не являются тождественными.

Система электронного правительства выражается прежде всего во внедрении и предоставлении “в государственных структурах информационно-телекоммуникационных технологий”²⁰, направленных на обеспечение формальных отношений и практик в системе организации политической власти (электронные приемные, электронный оборот официальных документов). Цифровая (электронная) демократия главным образом раскрывает возможности действия социальных механизмов влияния со стороны общества на реализацию политического процесса на различных стадиях функционирования социально-политической системы. Однако, конечно, в контексте цифровой демократии формирование электронного правительства играет решающую роль, поскольку обеспечивает открытый доступ общественности к информации государственной власти и способствует возникновению механизмов интернет-контроля за действиями правительства.

Участие граждан в политическом процессе через цифровые платформы способно стимулировать возникновение двух моделей взаимодействия между обществом и властными структурами. В рамках первого типа взаимодействий выстраиваются вертикальные отношения, по типу “управления-давления”, когда власти используют возможности информационных каналов для сбора мнений граждан по ключевым вопросам государственной политики, включая онлайн выборы представителей в органы власти. Вторая модель социальных взаимодействий в рамках электронной демократии включает в себя формирование социальных интеракций в рамках “совещательных” процессов при обсуждении конкретных

¹⁹ См.: Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Сиб-Скрипт. 2014. № 1(57). С. 87.

²⁰ Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственно-го управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 23.

политических решений, используя различные сетевые платформы или онлайн-форумы, чтобы оказать давление на Правительство для принятия общественно важных решений²¹. Последнее может проявляться в различных формах, в том числе участие в разработке и реализации различных электронных инициатив, которые могут быть выступать в качестве мощного инструмента выражения общественного мнения и организации публичной дискуссии.

Основные направления развития цифровой (электронной) демократии в России сложились в “Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г.”²². Данная Концепция провозглашала “развитие гражданского общества, которое должно ускориться за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему общественно-политических отношений”²³. К числу действующих механизмов в системе функционирования цифровой демократии в настоящее время можно отнести:

1) *горизонтальную сетевую коммуникацию*, предоставляющую гражданам возможности коллективного обсуждения социально и политически значимых проблем в онлайн режиме (массовые онлайн-дискуссии с множеством независимых участников, проводимые на специализированных веб-платформах и в блогах). Например, сюда относятся технологии краудсорсинга, которые фактически находят свое применение по самому широкому спектру направлений: от обсуждения законопроектов до принятия решений по обращениям граждан²⁴. Так, в российской практике одной из востребованных краудсорсинговых платформ является сайт “Российская общественная инициатива”²⁵, нормативной основой которого стал Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 138 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская обще-

²¹ Омеличкин О.В. Указ. соч. С. 88.

²² См.: Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. URL: <https://studylib.ru/doc/3992081/konceptsiya-razvitiya-mehanizmov-e-lektronnoj-demokratii#> (дата обращения: 20.01.2025).

²³ Там же.

²⁴ См.: Ваховский А.М. Интернет-пространство: эволюция форм политического участия // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 17.

²⁵ См.: Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).

ственная инициатива»²⁶, где каждый гражданин может составить свою петицию или проголосовать за понравившуюся. С набором определенного количества голосов петиция подлежит к обязательному рассмотрению государственными органами власти;

2) *формирование сетевых сообществ* (онлайн-комьюнити), касающихся выражения гражданских инициатив и “проектов коллективных действий”²⁷, что фактически переводит классические формы гражданских ассоциаций и собраний в цифровой формат;

3) *вертикальную сетевую коммуникацию*, включающую в себя электронные каналы общения с органами государственной власти (коллективные электронные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления). В частности сюда можно отнести московский проект “Активный гражданин”, который запустили в 2014 г. в рамках другого проекта “Умный город”, позволяющий жителям столицы вступать в прямой диалог с властями и участвовать в принятии общегородских решений. Еще одним подобным проектом является интернет-портал “Добродел”, созданный для взаимодействия жителей Подмосковья с местными органами власти в 2015 г.;

4) *общественное онлайн-управление*, осуществляемое с помощью ресурсов городских интернет-форумов, социальных сетей и более узких специализированных сайтов. Нормативной основой данного механизма является Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления”²⁸, который закрепляет за органами власти обязанность публично размещать информацию о своей деятельности, а также предоставлять ее гражданам и организациям по запросу. В 2022 г. ГД РФ приняла законопроект, в рамках которого каждый государственный орган власти обязан создать и использовать официальные страницы в социальных сетях для размещения актуальной информации по своей деятельности²⁹;

²⁶ Указ Президента Российской Федерации “О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» от 04.03.2013. № 183 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019 с изм. и допол. в ред. от 17.09.2020.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” от 09.02.2009 № 8–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776 с изм. и допол. в ред. от 01.12.2022.

²⁹ См.: Федорова Д. С 1 декабря 2022 года госорганы должны будут вести официальные аккаунты в “ВКонтакте” и “Одноклассниках” // Гарант.РУ. 2022. URL: <https://www.garant.ru/news/1564104/> (дата обращения: 20.02.2025).

5) *электронное голосование* (голосование по мобильному телефону, интернет выборы и т.д.), являющиеся одним из центральных элементов и институализированных практик цифровой демократии и позволяющие гражданам принимать участие в избирательном процессе удаленно. В нормативных документах данная форма демократического волеизъявления определяется как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации “ГАС Выборы”. Электронным называется “бюллетень, подготовленный программно-техническими средствами в электронном виде, применяемый при проведении электронного голосования”³⁰.

Российские исследователи рассматривают электронное голосование в зависимости от применения технических средств или программного обеспечения³¹. Отсюда выделяют, во-первых, *электронное голосование в контролируемой среде*, включающее стационарное голосование в помещении для голосования, и удаленное (выездное) голосование вне помещения для голосования, но под контролем представителей избирательных комиссий с использованием переносных электронных терминалов с прямой записью, сканнеров избирательных бюллетеней)³². Экспериментальное использование подобных сканеров в России состоялось на президентских выборах в 1996 г. на 15 избирательных участках³³.

А, во-вторых, *электронное голосование в неконтролируемой среде*, получившее название дистанционное электронное голосование (ДЭГ), позволяющее технически принимать участие в голосовании из любой точки страны при наличии доступа к интернету. Активное внедрение ДЭГ в избирательный процесс в нашей стране, как наиболее удобной и доступной формы голосования, является одним из важных социально-технологических аспектов становления цифровой демократии, и предоставляет условия как по повышению

³⁰ См.: Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” от 12.06.2002 № 67–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253 с изм. и допол. в ред. от 01.01.2024.

³¹ См.: Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 434–435.

³² См.: Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 7.

³³ См.: Федоров В.И. Электронное голосование в России: шаг вперед, два шага назад // Pro nunc. 2017. № 2 (18). С. 74.

уровня политической активности граждан, так и по отношению к развитию в стране демократических процессов и практик.

Интенсификация процессов внедрения информационно-коммуникативных технологий при решении государственных задач, включающих в том числе формирование представительных органов власти, получила свое нормативное оформление в Указе Президента РФ “О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.”³⁴ Чуть позже, в 2019 г., в паспорте федеральной программы “Цифровое государственное управление”, были обозначены конкретные позиции, касающиеся предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса, направленных, как на обеспечение доступности процедуры голосования для избирателей вне зависимости от места их нахождения, так и на организацию деятельности избирательных комиссий на основе цифровых данных об избирателях и других участниках избирательного процесса³⁵.

Первым экспериментом по проведению дистанционного электронного голосования считается электронный опрос избирателей, проведенный на выборах Собрания депутатов в г. Новомосковске Тульской области, в ходе которого избиратели могли получить специальное программное обеспечение и отдать свой голос дистанционно. Однако фактически старт практики дистанционного электронного голосования в РФ (ДЭГ) был дан выборами депутатов в Московскую городскую Думу, состоявшимися в единый день голосования 8 сентября в 2019 г. И хотя первое голосование на выборах с использованием новых технологий было проведено на территории всего трех избирательных округов, как альтернативный вариант очного голосования, и фактически имело тестовый статус, но вместе с тем в ходе его проведения были проработаны технологические и алгоритмические процедуры, а также создан нормативный формат их реализации, что определилось принятием специального Федерального закона “О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва”³⁶.

³⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 “О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 27.01.2025).

³⁵ См.: Паспорт федерального проекта “Цифровое государственное управление”. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/03/pasport_cgu_dec2019.pdf (дата обращения: 27.01.2025).

³⁶ Федеральный закон “О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов

Платформой для проведения голосования стал Портал государственных и муниципальных услуг (функций) г. Москвы.

При этом законодательно в практике организации российских выборов и референдумов дистанционное электронное голосование как голосование “без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения” было определено в ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Федерации” от 23.05.2020 г. № 154-ФЗ (пп.62.1), вносящим поправки в ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” от 12.06. 2002 г. В марте 2022 г. были установлены нормативные основания голосования, проводимого в дистанционной электронной форме на федеральной и региональных платформах, а в апреле 2022 г. Центризбирком России утвердил единые правила использования систем ДЭГ относительно составления списков участников, электронных бюллетеней, процедуры онлайн-голосования.

В последующей российской электоральной практике система ДЭГ и использовалась на голосовании по поправкам в Конституцию РФ в Москве и Нижнем Новгороде, на дополнительных выборах депутатов в Государственную Думу РФ в Курской и Ярославской областях. В сентябре 2021 г. применение ДЭГ было организовано на выборах уже в семи субъектах РФ, включающих Москву и Севастополь, Нижегородскую, Мурманскую, Ростовскую, Курскую и Ярославскую области, в котором приняло участие чуть больше 2,5 млн избирателей. В ходе единого дня голосования в сентябре 2022 г. система ДЭГ применялась в восьми регионах: на федеральной платформе ДЭГ было организовано на выборах в Калининградской, Новгородской, Томской и Ярославской областях, в Калуге, Курске и Пскове; а на региональной платформе онлайн-голосование на выборах депутатов муниципальных образований прошло в Москве.

Наиболее совершенной на текущий момент времени и самой массовой системой электронного голосования не только в РФ, но и в мире стало использование ДЭГ на президентских выборах 15–17 марта 2024 г. Онлайн-голосование на выборах Президента РФ проводилось в 28 регионах на федеральной платформе (в голосовании приняли участие 4 413 884 чел.), и на региональной платформе ДЭГ в Москве (число граждан, проголосовавших через ДЭГ, составило

Московской городской Думы седьмого созыва” от 29.05.2019 № 103–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 22. Ст. 2659.

около 3,7 млн чел), реально охватив около 8,2 млн чел. Принять участие в ДЭГ имел право гражданин РФ, достигший возраста 18 лет и имеющий верифицированный аккаунт на Едином портале государственных и муниципальных услуг. Выборы 2024 г. примечательны еще тем, что впервые по числу проголосовавших московскую федеральная платформа ДЭГ обогнала Московскую.

Несмотря на ряд технологических проблем, с позиций вовлеченности граждан в политический процесс, система ДЭГ оказывает очевидное воздействие на электоральную активность граждан, постепенно предопределяя институционализацию новой формы политического участия как одного из элементов формирования цифровой демократии в стране. Так, например, после введения ДЭГ на выборах в ГД РФ в Москве 2021 г. явка в каждом из одномандатных избирательных округов по сравнению с предыдущими аналогичными выборами повысилась приблизительно на 13,3%, и если явка в Москве на выборах в ГД 2016 г. составила 34,22%, то в 2021 г. ее средний показатель составил 47,53%. При том, что в 10-ти из 15-ти избирательных округов Москвы доля электронных избирателей составила более 50%.

Понятно, что в силу региональной разнородности российского общества и географической неравномерности процессов цифровизации в стране, интенсивность включенности граждан в ДЭГ может существенно отличаться. Это в частности подтвердило исследование, проведенное А.В. Штерле о влиянии ДЭГ на явку российского электората³⁷. Результаты данного кросс-темпорального анализа показали, что в г. Москве по сравнению с другими регионами корреляция между дистанционным электронным голосованием и итоговым показателем явки является более существенной. Что вполне закономерно определяется, как широтой использования москвичами портала Mos.ru, так и наличием опыта использования системы ДЭГ на ранее проходивших региональных выборах. Немалую роль в вовлечении московских избирателей в голосование при помощи системы ДЭГ играют информационные кампании со стороны московских властей (акция “Миллион призов — #Выбираем вместе”).

Однако процессы институционализации системы ДЭГ как элемента демократического развития не могут рассматриваться вне субъективных, или социально-психологических, факторов, предопределяющих вовлеченность избирателей в онлайн-голосование и соответственно развитие новых форм политического участия,

³⁷ См.: Штерле А.В. Влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей в России // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 8. С. 32–39.

а также уровень доверия к внедрению данной процедуры. Так, по данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, мнение россиян по относительно использования ДЭГ с 2020 г. остается весьма устойчивым и осторожным: чуть больше 50% потенциальных избирателей скорее одобряют предложение разрешить электронное голосование, четверо из десяти настороженно относятся к подобной инициативе (2020 г. — 43%, 2024 г. — 40%)³⁸. И хотя очевидно, что в силу включенности в цифровое пространство дистанционные технологии больше принимаются молодым поколением (66% в группе до 24 лет vs. 45% в старшей когорте 60+ лет), тем не менее трети молодых избирателей сохраняет скептицизм в отношении данной процедуры.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в российском обществе сохраняется и отсутствие единства относительно прозрачности результатов электронного избирательного процесса. Треть россиян убеждены, что онлайн-голосование никак не повлияет на эту сторону избирательного процесса, но чуть меньше трети российских граждан критически оценивают влияние подобных новаций, полагая, что ДЭГ сделает выборы менее прозрачными. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что «развитие информационных технологий опережает массовое сознание», а процедура проведения ДЭГ сложна для понимания части избирателей, далекими от современных технологий³⁹.

Таким образом, на сегодняшний день можно сказать, что система ДЭГ внесла немалый вклад в процессы становления цифровой демократии в РФ и соответственно в расширение пространства публичной политики. Доступность электронного голосования стала огромным преимуществом, поскольку в тех регионах, где оно применялось, все категории граждан действительно получили возможность легко и удалено принять участие в выборах из любого места. Но в то же время в отношении данного института остается немало вопросов. Основными проблемами ДЭГ как основы развития механизмов электронной демократии в России прежде всего являются наличие цифрового разрыва как среди поколений, так между регионами страны, а также недоверие граждан к данной процедуре,

³⁸ См.: Дистанционное электронное голосование: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (дата обращения: 27.01.2025).

³⁹ См.: Подзоров Р.А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // РСЭУ. 2023. № 2 (61). С. 156.

связанное с новизной механизмов электронной демократии и представлениями об их полной закрытости. Так, например, если для получения государственных и муниципальных услуг в Москве, Тыве, Сахалинской и Астраханской областях используют интернет более 90% населения, то в Тверской области — лишь 55,6%⁴⁰.

Конечно, большую роль во внедрении образа ДЭГ в массовое сознание граждан как эффективного и надежного инструмента демократии играет проработанная информационная стратегия со стороны государственных структур и разъяснительная работа с населением, направленная на популяризацию этих механизмов электронной демократии. В частности, ярким примером стала информационная политика на президентских выборах РФ 2024 г. Однако, важным условием эффективной реализации принципов цифровой демократии является обеспечение того, что она служит дополнением, а не альтернативой устоявшимся методам политической и гражданской активности. При грамотном внедрении цифровая демократия может способствовать расширению прав и возможностей граждан, повышению прозрачности и эффективности правительства.

Перспектива внедрения ДЭГ в развитие цифровой демократии будет во многом зависеть от уверенности избирателя в том, что его голос правильно будет учтен, а голосование станет действительно анонимной процедурой. Доверие граждан политическими институтами является основой поддержания только электронной версии демократии, но и все всей социально-политической системе. При том, что развитие информационно-коммуникативных технологий может действительно являться эффективным способом укрепления и легитимации институтов публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркатов Д.А. Проблемы электронного гражданского участия в публичной политике города: случай Санкт-Петербурга // Политическая наука. 2022. № 3. С. 296–316.

Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446.

Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 124–139.

⁴⁰ См.: *Дудочников А.И.* Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 10.

Быков И.А. “Электронная демократия” vs “Электронное правительство”: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69–79.

Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 4–10.

Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 341–350.

Даль Р. О демократии. М., 2000.

Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета 2022. № 14 (2). С. 14–20.

Дудочников А. И. Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 8–12.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. 2014. № 12(115). С. 74–82.

Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 19–29.

Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.

Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество // Социокультурные утопии XX века. Выпуск II. М., 1983.

Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Сиб-Скрипт. 2014. № 1 (57). С. 86–89.

Подзоров Р.А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // РСЭУ. 2023. № 2(61). С. 154–160.

Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 80–99.

Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 84–96.

Штерле А.В. Влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей в России // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 8. С. 32–39.

Хэлд Д. Модели демократии. М., 2014.

REFERENCES

Arkotov D.A. Problemy elektronnoego grazhdanskogo uchastiya v publichnoy politike goroda: sluchaj Sankt-Peterburga [Problems of electronic civil participation in public policy of the city: the case of St. Petersburg] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3. S. 296–316 (in Russian).

Baranov N.A. Ot nedoveriya — k legitimacii: trudnyj put' cifrovyyh elektoral'nyh tekhnologij na primere Rossii [From distrust to legitimization: the difficult path of digital electoral technologies on the example of Russia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2022. Vol. 24. N 3. S. 433–446 (in Russian).

Borisov I.B. Konec docifrovoj epohi politicheskikh processov [The End of the Pre-Digital Era of Political Processes] // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2021. N 1. S. 124–139 (in Russian).

Bykov I.A. “Elektronnaya demokratiya” vs “Elektronnnoe pravitel'stvo”: konceptual'noe protivostoyanie? [“Electronic Democracy” vs. “Electronic Government”: Conceptual Confrontation?] // *Politeks*. 2005. N 3. S. 69–79 (in Russian).

Dal' R. O demokratii [On democracy]. M., 2000 (in Russian).

Digital Democracy: Issues of Theory and Practice / Ed. by K.L. Hacker, J.G.M. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000.

Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. Cifrovaya (elektronnaya) demokratiya v Rossii: ponyatie i predely [Digital (electronic) democracy in Russia: concept and limits] // *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* 2022. N 14 (2). S. 14–20 (in Russian).

Dudochnikov A.I. Uroven' zainteresovannosti naseleniya k vnedreniyu distancionnogo elektronnogo golosovaniya na politicheskikh vyborah v Rossii [Level of interest of the population in the introduction of remote electronic voting in political elections in Russia] // *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*. 2023. N 2 (59). S. 8–12 (in Russian).

Gutorov V. A. Fenomen cifrovoj demokratii: sovremennye teoreticheskie dilemmy [Phenomenon of digital democracy: modern theoretical dilemmas] // *POLITEKS*. 2024. T. 20. N 2. S. 341–350 (in Russian).

Held D. Modeli demokratii [Models of democracy]. M., 2014 (in Russian).

Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).

Lavrik N.V. Elektronnaya demokratiya: teoreticheskie osnovy issledovaniya [Electronic Democracy: Theoretical Foundations of Research] // *Vestnik ZabGU*. N 12(115). 2014. S. 74–82 (in Russian).

Lolaeva A.S. Mesto elektronnogo pravitel'stva v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [The Place of Electronic Government in the Public Administration System] // *Pravo i politika*. 2022. N 2. S. 19–29 (in Russian).

Lolaeva A.S. Cifrovaya (elektronnaya) i tradicionnaya demokratiya: voprosy sootnosheniya [Digital (electronic) and traditional democracy: issues of correlation] // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2021. N 4. S. 23–26 (in Russian).

Masuda E. Informacionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo [Information society as a post-industrial society // *Sociocultural utopias of the 20th century*] // *Sociokul'turnye utopii XX veka. Vyp. II*. M., 1983 (in Russian).

Omelichkin O.V. Elektronnaya demokratiya: ponyatie, problemy [Electronic democracy: concept, problems] // *SibSkript*. 2014. N 1 (57). S. 86–89 (in Russian).

Podzorov R.A. Analiz praktiki primeneniya distancionnogo elektronnogo golosovaniya v izbiratel'nom processe Rossijskoj Federacii [Analysis of the practice of using remote electronic voting in the electoral process of the Russian Federation] // *RSEU*. 2023. N 2 (61). S. 154–160 (in Russian).

Rovinskaya T.L. Elektronnaya demokratiya v teorii i na praktike [Electronic democracy in theory and practice] // *World Economy and International Relations* // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. N 12. S. 84–96 (in Russian).

Shterle A. V. Vliyanie distancionnogo elektronnoy golosovaniya na yavku izbiratelej v Rossii [The impact of remote electronic voting on voter turnout in Russia] // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2023. N 8. S. 32–39 (in Russian).

Sungurov A. Yu. Publichnaya politika: razvitie zarubezhnyh i rossijskih issledovanij [Public policy: development of foreign and Russian studies] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3. S. 80–99.

Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // Innovation and the Public Sector. 2012. N 19. P. 49–62.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-116-134

**МОЛОДАЯ СЕМЬЯ С ДЕТЬМИ В ЖИЛОЙ СРЕДЕ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ СРЕДЫ
И АКТИВНОСТИ СЕМЬИ**

В.С. Бурцева, асп. факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, директор АНО “Научно-исследовательский институт устойчивого развития в строительстве”, ассоциированный научный сотрудник Лаборатории исследования социокультурной активности молодежи Социологического института ФНИСЦ РА, 7-я Красноармейская ул., 25, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005*

Представлены результаты исследования взаимосвязи активности молодой семьи с детьми и функциональности жилой среды. В рамках системного, системно-деятельностного и деятельностно-функционального подходов автором рассматривается система “жилая среда и молодая семья”, причем молодая семья является активным элементом этой системы. В основе исследования — материалы экспертного опроса и интервью с представителями молодых семей. По результатам экспертного опроса выявлены объективные характеристики, позволяющие идентифицировать территорию жилой среды как функциональную или дисфункциональную для жизнедеятельности семьи. Опрос представителей молодых семей, проживающих в функциональной и дисфункциональной средах позволил выявить виды активности молодой семьи, значимость тех или иных видов и конкретные проблемы, с которыми сталкиваются родители в этих жилых средах. Выявлена взаимосвязь функциональности среды и активности молодой семьи. В функциональной жилой среде эта активность более разнообразна и, помимо реализации базовых функций, создает возможности реализации социальных и экзистенциальных функций семьи. В дисфункциональной среде активность молодой семьи сосредоточена на жизнебережении, включая нормализацию и приспособление. Самоорганизация деятельности представлена в обеих средах, однако имеет разные источники и направленность. В любом случае, самоорганизация это проявление субъектности жителей и способ преобразования среды. В результате исследования конкретизировано представление об активности молодой семьи с детьми во взаимосвязи с объективными характеристиками территорий жилых сред. Эмпирически обобщенные виды деятельности создают основу для их дальнейшей

* Бурцева Вера Сергеевна, e-mail: Burtseva_vs@niiurs.ru

типологии. Практическое значение имеет вывод об эквивалентности создания функциональной жилой среды, когда одна и та же задача (безопасность, развитая инфраструктура или комфортность проживания) может быть решена разными техническими и организационными способами. Главное, чтобы смыслом создания жилой среды была ее человекоориентированность.

Ключевые слова: молодая семья, жилая среда, система “жилая среда и молодая семья”, активность молодой семьи, виды активности молодой семьи, функциональность / дисфункциональность жилой среды.

A YOUNG FAMILY WITH CHILDREN IN THE RESIDENTIAL ENVIRONMENT: THE INTERRELATION BETWEEN ENVIRONMENTAL FUNCTIONALITY AND FAMILY ACTIVITY

Burtseva Vera S., PhD student at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Director of the Autonomous Nonprofit Organization “Research Institute for Sustainable Development in Construction”, Associate Research Fellow at the Laboratory for the Study of Sociocultural Activity of Youth, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, Russian Federation, 190005, e-mail: Burtseva_vs@nikurs.ru

The article presents the results of a study of the relationship between the activity of a young family with children and the functionality of the living environment. Within the framework of the systemic, systemic-activity and activity-functional approaches, the author examines the system of “living environment and young family”, with the young family being an active element of this system. The study is based on the materials of an expert survey and interviews with representatives of young families. Based on the results of the expert survey, objective characteristics were identified that allow identifying the territory of the living environment as functional or dysfunctional for the life of the family. A survey of representatives of young families living in functional and dysfunctional environments allowed us to identify the types of activity of a young family, the significance of certain types and specific problems that parents face in these living environments. A relationship between the functionality of the environment and the activity of a young family was identified. In a functional living environment, this activity is more diverse and, in addition to implementing basic functions, creates opportunities for implementing social and existential functions of the family. In a dysfunctional environment, the activity of a young family is focused on life-saving, including normalization and adaptation. Self-organization of activity is presented in both environments, but has different sources and directions. In any case, self-organization is a manifestation of the subjectivity of residents and a way of transforming the environment. As a result of the study, the idea of the activity of a young family with children in relation to the objective characteristics of the territories of residential environments was specified. Empirically generalized types of activity create the basis for their further typology. Of practical importance is the conclusion about the equifinality of creating a functional residential

environment, when the same task (safety, developed infrastructure or comfortable living) can be solved by different technical and organizational methods. The main thing is that the meaning of creating a residential environment is its human-oriented nature.

Key words: *young family, living environment, “living environment and young family” system, activity of a young family, types of activity of a young family, functionality / dysfunctionality of the living environment.*

Успешное решение задач российской демографической политики предполагает взаимосвязь экономической и социальной поддержки семей и качественных характеристик их локальной жилой среды. Жилая среда, выступающая одновременно физическим пространством и носителем социокультурных ценностей, не только важный фактор активности молодой семьи с детьми, но также и предмет этой семейной активности.

Важность жилой среды для молодой семьи с детьми определяется тем, что это сложная система, которая объединяет материальный каркас территории и ценностные смыслы, формирующие социальные взаимодействия, соседство. Для молодой семьи это пространство может стать как стимулом для активности, так и барьером, ограничивающим её возможности. Например, доступность детских учреждений, благоустроенные дворы и безопасные прогулочные зоны способны облегчить повседневную жизнь родителей, а также укрепить их стремление к социальной и профессиональной самореализации.

Семья выступает не пассивным потребителем, а субъектом жилой среды, активно выбирающим и осмысляющим объекты¹, наполняющим обезличенное пространство функциями конкретных жителей². Жилая среда одновременно и социальная система, и социокультурная среда, где требуется формировать жизненное пространство человека как единый социокультурный комплекс³, ориентированный на запросы субъекта, включенного в создание среды⁴.

¹ Раундсеп М. Субъект и поддерживающая среда // Срезовые условия развития социальных общностей. Таллинн, 1989. С. 60.

² Линевиц И.Е. Социокультурная концепция формирования индивидуальной жизненной среды: дисс. ... канд. соц. наук: 24.00.01. М., 2004. С. 166.

³ Преликова Е.А. Социологические принципы создания комфортной и благоприятной среды обитания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 2. С. 217–229.

⁴ Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Ситуационный анализ образа жизни при прогнозировании и проектировании социокультурных процессов. Пущино, 1986; Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 722.

Если семья живет в пространстве, где ценности многодетности и совместного времяпрепровождения укреплены не только инфраструктурой, но и социальной атмосферой, это сказывается на демографическом поведении будущих поколений. Как показывают исследования, образ родителя, активно вовлечённого в уход за детьми и домашние дела, стал распространённой ролевой моделью, соответствующей современным нормам⁵. Но каково содержание активности молодой семьи с детьми? Всегда ли эта активность имеет субъектный характер?

Цель исследования — выявление видов и динамики активности семьи в зависимости от объективных характеристик локальной жилой среды.

Методология исследования: 1) системный подход в отечественной традиции “организмической”⁶ трактовки социальных систем; 2) системно-деятельностный подход, рассматривающий молодую семью и жилую среду как сложную открытую систему, где молодая семья является активным элементом, субъектом деятельности; 3) подход “деятельностного функционализма” в социологии семьи⁷, согласно которому молодая семья это субъект, организующий деятельность в жилой среде для реализации своих функций.

На основе этих подходов автором введено понятие “жилая среда и молодая семья”: сложная, открытая, целостная, динамичная (поэтапно развивающаяся, а в идеале самовоспроизводящаяся) система, сочетающая физическое и социальное пространства⁸. Активность молодой семьи в жилой среде — это реализация функций семьи через действия в трудовой, социокультурной и бытовой сферах, направленные на адаптацию и преобразование среды. Молодая семья организует деятельность в жилой среде, адаптируясь к ее объективным условиям, а при их отсутствии (дисфункциональности среды) — преобразует или создает их. В данной статье активность семьи рассмотрена как ее функционирование в связи с объективными характеристиками жилых сред.

⁵ Карпова В.М., Ляликowa С.В., Антонов А.И. Времени в обрез: факторы, влияющие на заботу о детях, сквозь призму бюджетов времени // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 179–191

⁶ Бурцева В.С. Жилая среда будущего: средовой или системный подход? // Урбанистика. 2023. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40373 (дата обращения: 10.11.2014).

⁷ Саралиева З.Х. и др. Жизненные миры современной российской семьи. Н. Новгород, 2015. С. 23.

⁸ Бурцева В.С. Жилая среда как сложная открытая система с активным элементом (на примере жилой среды для молодой семьи) // Социология города. 2024. № 1. С. 25–40.

Таблица 1

Взаимосвязь функционирования молодой семьи и функциональности жилой среды

Актив- ность молодой семьи в жилой среде	(типы дея- тельности молодой семьи, со- циальные связи)	Функции специфи- ческие	Функции молодой семьи	Цель системы “жилая среда и молодая семья” -> взаимодей- ствие молодой семьи с жилой средой и с дру- гими жителями в жилой среде / самовоспроиз- водство соци- альной системы / самоорганизация Подвижное равновесие между друже- ственностью жилой среды и активностью молодой семьи	Функции дружес- венной жилой среды	мотивирующая	Дружествен- ность жилой среды	Дружествен- ность территории (физического пространства) – характери- стики материаль- ной структуры жилой среды, условия дея- тельности
						побудительная		
		объединяющая						
		развивающая (в мат. и дух. планах)						
						располагающая к длительному пребыванию		Дружествен- ность пространства (социокультур- ного простран- ства) – характери- стики дея- тельности и ее субъектов, ценно- сти, культура
		Функции неспеци- фические		· минимизиру- ющая стресс				

Функциональность жилой среды для молодой семьи — это удовлетворение потребностей семьи, способствующее реализации функций семьи, т.е. соответствие функционированию семьи. Следуя подходу А.Г. Харчева, под специфическими функциями семьи мы понимаем неизменяемые со временем функции, такие как репродуктивная (рождение детей), экзистенциальная (содержание детей, организация детской жизни), функция социализации (воспитание детей). Неспецифические функции семьи связаны с накоплением и передачей собственности, статуса, организацией производства и потребления, домохозяйства, досуга, здоровьесбережения, микроклимата в семье и др.⁹ Авторское представление взаимосвязи активности молодой семьи и объективных характеристик жилой среды представлено на табл. 1.

Активность молодых семей во многом зависит от организации жилой среды, ее безопасности, доступности и наличия инфраструктуры, отвечающей потребностям семьи, а также от качества социальных связей. Социальная безопасность становится одним из ключевых факторов, влияющих на уровень доверия и социальной активности¹⁰, а наличие спортивной инфраструктуры в жилой среде через развитие массового спорта влияет на активность жителей¹¹.

Жилищные условия остаются важным фактором демографических процессов¹² в том числе рождения и воспитания детей¹³. Наличие и состояние собственного жилья остается важной проблемой молодых семей¹⁴. Фиксируется отсутствие семьеориентированного подхода в создании жилой среды в связи с недостатком разнообразия объектов сервиса и инфраструктуры, игровых пространств, спортивных, культурно-досуговых объектов для детей разных воз-

⁹ Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968. С. 16.

¹⁰ Конев И.В. Социальная безопасность города: аксиологический аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 3(165). С. 59–64.

¹¹ Куришева Е.Л. Формирование институциональной среды социальной инфраструктуры территории и условия ее модернизации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31(5). С. 134–138. DOI 10.24412/2309-4788-2020-10537.

¹² Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. Семья и демографические процессы в современной России: Монография / Под ред. Т.К. Ростовской. М., 2021. С. 260.

¹³ Бухтиярова И.Н., Куприяшкина Е.А. Дорога в школу: разнообразие миров детства (на материалах эмпирического исследования “Дети и пространства”) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3(54). С. 35–47.

¹⁴ Безрукова О.Н. Многодетные семьи: жизненная ситуация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 1. С. 100–114.

растов и др.¹⁵ Поэтому запросы молодых семей с детьми к жилой среде требуют системного изучения.

Эмпирическая основа исследования: материалы полуформализованных интервью с 56 экспертами (январь–февраль 2024 г.), кто создает среду (архитекторы, девелоперы, специалисты по устойчивому развитию, работники управляющих компаний и др.) и теми, кто взаимодействует с молодыми семьями (врачи, работники дошкольных учреждений и учреждений культуры, представители муниципальных органов и др.), также 52 полуформализованных интервью с представителями молодых семей (апрель–май 2024 г.)

Таблица 2

**Объективные характеристики функциональной
и дисфункциональной жилых сред**

Жилая среда А (объективная функциональность территории) в черте города	Жилая среда Б (объективная дисфункциональность территории) на окраине города
1	2
Инфраструктура	
Развита: 12 мин до метро пешком, 7 мин крупный торговый комплекс). Среднеэтажная застройка, на первых этажах объекты сервиса и инфраструктуры (аптеки, кафе, рестораны, точки доставки, детские развивающие центры)	Плохо развита: 20 мин пешком до остановки общественного транспорта по обочине дороги, 1,5 часа пешком до метро. Многоэтажная застройка
Территория двора	
Закрытая, двор без машин. Имеется пространство для активности разных возрастных групп: детские площадки для разных возрастов, спортивные и т.п., беговая дорожка. Во время посещения жилой среды (суббота, ~12:00) — помимо игр детей на детских площадках, подростки играли в футбол, молодые девушки занимались спортом и т.п.	Открыта для всех и заполнена машинами, приватное пространство отсутствует; безбарьерная среда частично реализована; имеются детские площадки, спортивная зона. На момент посещения объекта (суббота, ~12:00) на детских площадках играли дети. Спортивные зоны были пустынные. Жителей, занимающихся спортом, физической активностью, а также просто ходьбой — не отмечено

¹⁵ Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 63–69. DOI: 10.7868/S0132162518030066.

1	2
Выявленные признаки жилых сред	
1. Удобство, т.е. комфортность для жителей любого возраста	1. Неудобство, отсутствие инфраструктуры для определенных категорий жителей
2. Возможность контакта с природой, достаточность зеленых насаждений	2. Отсутствия возможности контакта с природой в жилой среде, зеленые насаждения представлены преимущественно газонами
3. Доступность, безбарьерная среда	3. Безбарьерная среда не везде реализована, на пути следования неудобны для передвижения с детьми или колясками
4. Пространство для людей, а не для машин	4. Машины на территории при наличии паркинга.
5. Соразмерность человеку, т.е. среднетажная застройка	5. Несоразмерность человеку, т.е. высотное многоэтажное строительство
6. Безопасность, которая выражается в закрытой территории, курсирующего охранника, камеры наблюдения, продуманная планировка территории, разводящая потоки людей и машин (нет угрозы, что ребенок выбежит на улицу)	6. Небезопасная открытая территория, проходные дворы, потоки машин и жителей (детей) пересекаются, отсутствие видеонаблюдения, охраны, посторонние со строительных площадок на территории
Человекоориентированность планировочных решений	
Учтены потребности разных возрастных групп, использованы природных материалах, достаточное количество урн, чистоте территории	Не продуманы пешеходные маршруты, вытаптываются газоны, зеленые насаждения не ухожены, территория замусорена, площадки для мусора плохо оборудованы

В результате экспертного опроса выявлены практические полезные и желательные (функциональные) объективные характеристики жилой среды, создающие возможности для проявления активности молодой семьи для реализации своих функций в локальной среде обитания. Наблюдение двух жилых сред (г. Санкт-Петербург, жилые дома комфорт-класса, 2019 г. постройки), позволило идентифицировать их как функциональную и дисфункциональную (табл. 2).

В апреле–мае 2024 г. проведены 52 полуструктуризованных интервью с представителями молодых семей жилой среды А (N=26) и жилой среды Б (N=26). Формирование выборочной совокупности информантов методом “снежного кома” было завершено после того, как информация в интервью стала повторяться. В ходе интервью

использован также метод свободных ассоциаций: предлагалось назвать пять слов или словосочетаний, характеризующих взаимодействие с жилой средой. С целью сохранения конфиденциальности данные об информантах в тексте статьи не приводятся.

Гайд интервью включал три тематических блока: 1) информационный — уточнение общего представления о жилой среде; 2) характеристики приемлемости жилой среды для молодых семей с детьми, проявления функциональности или дисфункциональности среды, общие и специфические требования к жилой среде, неудовлетворенность жилой средой и ее восприятие; 3) дополнительные исследовательские вопросы о повседневной жизни, актуальности соседства, общественных пространствах и возможности формирования желательной жилой среды.

Обработка материалов интервью проведена методом открытого кодирования.

В рамках настоящего исследования сравнительный анализ построен на последовательном рассмотрении двух типов жилой среды, принципиально различающихся по уровню функциональности — жилой среды А (функциональной) и жилой среды Б (дисфункциональной). Начнем с описания среды А, предоставляющей условия для удовлетворения широкого спектра потребностей молодой семьи. Исследование активности молодых семей показало, что функциональная жилая среда (среда А) предоставляет возможности для реализации их базовых и социальных потребностей. В такой среде создаются условия для семейного досуга, социализации и физической активности. Информанты отмечают, наличие доступа к инфраструктуре, паркам, кафе и магазинам позволяет семьям минимизировать необходимость выездов. В целом, молодые матери активно используют все то, что есть в жилой среде из объектов сервиса и инфраструктуры. Они отмечают, что все магазины доступны для посещения с коляской, т.е. оснащены пандусами, автоматически открывающимися дверьми. Все опрошенные редко посещают поликлинику, не жалуются на ее удаленное местоположение, анализы сдают в частных лабораториях, которые находятся в жилой среде. В этой жилой среде, по словам жителей, созданы условия для физической активности разных возрастных групп, подающий мотивирующие примеры. Для характеристики активности жителей важен и характер их межличностного взаимодействия. Из 26 опрошенных здороваются с жителями 7 человек, здороваются и общаются (обмен несколькими фразами, короткий разговор) — 8, дружат/поддерживают/взаимовыручка — 9, не общаются ни с кем только 2.

Приведем характерные примеры активности жителей, которые можно рассматривать как самоорганизацию. Одной из форм взаимодействия жителей стал обмена вещами: *“У нас круговорот этих детских вещей”*¹⁶. Выявлены также совместная закупка продуктов и участие в локальных мероприятиях. Большинство информантов поддерживают добрососедские отношения, что связано с особенностями застройки и замкнутыми дворами — *“Все друг другу примелькались, воспринимают как знакомых”*. У информантов наблюдается проявление чувства сопричастности к среде, так молодая мать говорит, что они стремятся пользоваться тем, что есть в жилой среде — *“Стараемся пользоваться тем, что тут есть <...> это свое, в нашем жилом комплексе”*.

Приведенные выше примеры и оценки соответствуют оценкам атмосферы жилой среды как домашней, пониманию того, что дом — это не только квартира, а сама жилая среда: *«...в кофейни приходишь, тебе рады, все тебя знают, уже готовы. Ты можешь не платить сразу, например, карточку забыла, говорят “ничего страшного, потом заплатите”»*. Управляющие компании и сотрудники жилых комплексов часто получают положительные отзывы: *“Оставляешь запрос, и тебе быстро отвечают. Всё решают заранее”*.

Итак, взаимодействие молодой семьи с жилой средой А разнообразно, и прежде всего это беспрепятственная реализация базовых потребностей, например “прогулка с ребенком”, “поход в магазин” и др. Помимо это в жилой среде А существуют возможности для реализации большинства социальных и экзистенциальных функций молодой семьи — социализация молодых матерей и отцов, занятие спортом и развитием физической культуры, отдых на свежем воздухе и т.п. — выезжать из жилой среды для удовлетворения базовых потребностей молодой семье не требуется. Это позволяет говорить о жилой среде как о функциональной, т.е. содействующей реализации функций семьи, поддерживающей ее активность. Последнее подтверждается многообразием видов деятельности молодых семей и их самоорганизацией.

После анализа среды А перейдем к рассмотрению среды Б, характеризующейся признаками дисфункциональности, выражающейся в отсутствии инфраструктуры. Большинство семей вынуждены выезжать за пределы жилой среды для удовлетворения как базовых, так и социальных потребностей. *“Здесь только жилье”*, отмечают информанты, подчеркивая ограниченность возможностей.

¹⁶ Курсивом в тексте приведены высказывания информантов.

Основная повседневная активность молодой матери в жилой среде заключаются в прогулках с ребенком — *“все ограничивается такими бытовыми скудными условиями, что до площадки и домой”*, причем прогулки осуществляются между домов — *“можно вот среди домов погулять”*, *“вот вокруг домов туда-сюда”*, информанты иногда не видят смысла в таких прогулках — *“идешь с ребенком, он пылью этой дышит. И ты идешь и думаешь, а какой смысл гулять?”*. Каждая пятый информант говорит о том, что скучно — *“очень скучно здесь, мне некуда пойти, не развеяться”*, в жилой среде отсутствуют досуговые, соседский центры, семейные кафе, получается, молодая мать может только зайти за кофе.

Каждый второй информант отмечает, что не хватает зеленых насаждений: парков, скверов, садов или просто зеленых благоустроенных зон, деревьев, природы. В связи с приходится выезжать на машине за пределы локальной среды обитания, ограниченной (условно) пятнадцатиминутной пешей доступностью — *“все равно и детям, и взрослым надо единение с природой. Поэтому мы вынуждены ездить там куда-то далеко, чтобы погулять”*. В магазины также приходится выезжать. Каждый третий информант говорил о необходимости торгово-развлекательного центра в жилой среде, который бы давал возможность выбор и разнообразие товаров, был бы подспорьем в организации отдыха, возможностью сменить обстановку.

Наиболее актуальны для информантов среды Б следующие проблемы:

- недостаточная инфраструктура досуга: отсутствуют зелёные зоны, семейные кафе и развивающие центры. Прогулки часто ограничиваются перемещениями между домами, а для встреч с друзьями и отдыха семьи выезжают за пределы района;
- недоступность медицинских услуг. Хотя имеется кабинет педиатра, но чтобы сдать анализы и сделать медицинские процедуры приходится преодолевать значительные расстояния, а это создает дополнительный стресс и временные затраты;
- низкая социальная активность. Взаимодействие с соседями ограничено бытовыми вопросами, такими как обмен вещами или просьбы о помощи. Так, из 26 опрошенных не общаются с соседями 6 человек, остальные 20 — в разных степенях взаимодействия (12 только здороваются с соседями, 5 — общаются, 3 — дружат). Тем не менее, некоторые информанты отмечают положительные примеры дружбы и взаимовыручки, например, обмен детским питанием. Помимо этого, жители

иногда обращаются к соседям на предмет оказания коммерческих услуг, например, заказ фотосессии — *“она (фотограф. — Прим. Автора) живет в нашем даже доме. Это было прикольно, нам повезло”*;

- неэффективная работа управляющих компаний, а именно некачественная работа и нехватка сотрудников часто вызывают недовольство. Информанты отмечают недостаток детских садов, развивающих центров и площадок ограничивает активность. Многие семьи жалуются на сложные условия для прогулок и отсутствие тротуаров.

Бытовые проблемы (неаккуратность соседей, плохая уборка территории) также могут стимулировать активность. Характерен пример молодой мамы, которая рассказала, что зачастую студенты не выносят за собой мусор. Однажды она увидела брошенный мусорный пакет с наклейкой адреса доставки и отнесла его по этому адресу: *“...я не поленилась, я этот пакет подняла и поднесла под дверь. Может быть это о чем-то заставит задуматься”*. Это свидетельствует о запросе на культуру жилой среды.

Итак, в жилой среде Б взаимодействие молодой семьи со средой ограничивается базовыми потребностями, такими как “прогулка с ребенком” и “поход в магазин”, без значительной активности в части социализации молодых матерей, совместного семейного досуга в жилой среде, без самоорганизации жителей для совместного досуга в связи с отсутствием условий (инфраструктуры) для его организации, что позволяет сделать вывод: дисфункциональная среда препятствует реализации социальных и экзистенциальных функций молодой семьи.

Активность молодых семей в жилой среде Б направлена на создание условий для жизнеобеспечения и жизнеспережения. Выявленная самоорганизация жителей имеет вынужденный характер, жители объединяются для решения вопросов, связанных с созданием условий для нормального жизнеобеспечения (например, истории информантов с требованиями организовать детские сады, борьба с шумовым воздействием и запахами от промышленными предприятиями и т.п.).

В результате исследования выявлены виды активности молодых семей в жилой среде, связанные с реализацией социальных и экзистенциальных функций семьи:

- 1) социально-бытовая деятельность: управление домашним хозяйством, уборка территории, посещение магазинов, пунктов доставки и других бытовых объектов;

- 2) образовательная деятельность: использование среды для наблюдений, занятий с детьми (например, сбор желудей для поделок);
- 3) социально-коммуникативная деятельность: взаимодействие с соседями, участие в общественных мероприятиях (праздники двора, семейные пикники);
- 4) рекреационная деятельность: отдых на свежем воздухе, игры на площадках, посещение парков;
- 5) культурно-досуговая деятельность: участие в мастер-классах, детских кружках, культурных акциях;
- 6) здоровьесберегающая деятельность: спортивные занятия, укрепление здоровья детей через активности;
- 7) социально-инициативная деятельность: участие в собраниях ТСЖ, добровольство для улучшения условий проживания;

Выявленные по материалам интервью виды деятельности в дальнейшем, в зависимости от их конкретных проявлений, позволят разработать их типологию и характеризовать не только как функциональные или дисфункциональные для жизнедеятельности семьи, но и, например, как инструментальные или экспрессивные, репродуктивные или творческие. Выделение видов активности семьи и их дальнейшая типология важны для решения практических задач организации жилой среды, а также для исследования молодых семей.

Среда А обеспечивает условия для разнообразной активности посредством доступных зеленых зон, объектов сервиса и инфраструктуры, безбарьерной среды. Это способствует позитивному восприятию среды и чувству сопричастности: “Спокойствие ощущаю. Это все мое, я часть этого”. Среда Б, напротив, характеризуется отсутствием необходимой инфраструктуры: зеленых зон, детских и досуговых центров, транспортной доступности. Это препятствует реализации функций семьи и ограничивает активность: “Прогулка с ребенком и в магазин. Вот и все взаимодействие тут”. При этом жители стремятся адаптироваться: “Меня не устраивает, но я просто принимаю это”.

Активность молодой семьи тесно связана с ее функциями, однако это нелинейная связь. Например, с репродуктивной функцией связаны пребывание на свежем воздухе (положительно влияющее на здоровье), посещение женской консультации, поликлиники или бассейна (оздоровительная активность). Одновременно “пребывание на свежем воздухе” может соотноситься как с репродуктивной, но и с

экзистенциальной функцией семьи или процессами социализации. Таким образом, можно утверждать, что все выявленные виды активности молодой семьи в жилой среде необходимы для реализации ее функций.

Активность молодой семьи подразумевает ее субъектность и наличие соответствующих условий. В табл. 3 на примере социально-бытовой и трудовой деятельности представлена выявленная взаимосвязь активности молодой семьи в жилой среде, интенсивности этой активности этой активности и объективных характеристик жилой среды. Столь же сложны подобные взаимосвязи и для образовательной, социально-коммуникативной, рекреационной, культурно-досуговой, здоровьесберегающей и социально-инициативной деятельности.

Таблица 3

Взаимосвязь видов активности молодой семьи и объективных характеристик функциональной (А) и дисфункциональной (Б) жилых сред на примере социально-бытовой и трудовой деятельности

Вид активности молодой семьи	А	Б	Объективные характеристики жилых сред	А	Б
	Активность (“+” — низкая, “+++” — высокая)			Наличие условий (“-” — нет, “+” — есть, “+++” — есть в разнообразии)	
1	2		3	4	
Социально-бытовая и трудовая деятельность					
Поход за продуктами, детскими товарами, посещение пунктов доставки, аптек	+++	++	Магазины продуктов, детских товаров, пунктов доставки	+++	—
Посещение детских магазинов и т.п.	+	—	Детские магазины	+	—
Поддержание чистоты, участие в уходе за территорией	+++	+	Человекоориентированность среды, в.ч. культура поддержания чистоты	+	—
Встречи с соседями и присмотр за детьми	+	—	Соседская поддержка молодых родителей (присмотр за ребенком, кооперация и т.п.)	+	—

1	2		3	4	
Трудовая активность	+++	+++	Коворкинги для удаленной работы	+	–
Использование общественного транспорта	++	+	Транспортная доступ- ность	+	–
Использование служ- бы доставки продук- тов и товаров	+++	+++	Пункты доставки	+	+
Хранение автомобиля в паркинге	++	–	Крытые паркинги	+	–
Взаимодействие с жителями (соседями) (например, взаимо- выручка, совместная закупка продуктов и т.п.)	+++	+	Соседство	+	–
Посещение космети- ческих центров	++	+	Парикмахерские, салоны красоты, космето- логические центры	+++	+

Анализ активности молодых семей в функциональной и дисфункциональной жилых средах показывает, что наличие инфраструктуры, зеленых зон и социальной ориентированности среды значительно влияет на реализацию социальных и экзистенциальных функций семьи.

В среде А семьи демонстрируют интенсивную и разнообразную активность благодаря безбарьерной среде, доступности сервисов и культурно-досуговых объектов. Это способствует формированию крепких социальных связей и улучшению качества жизни. В среде Б активность семей ограничивается выполнением базовых бытовых задач, что определено отсутствием необходимых условий для досуга, социализации и здоровья. Выявленные различия не только подчеркивают важность объективно приемлемых условий среды для нормального функционирования молодой семьи, но и демонстрируют влияние на характер этого функционирования.

Результаты исследования указывают на нелинейную взаимосвязь отдельных видов активности и объективных характеристик жилой среды. Функциональность жилой среды стимулирует активность молодой семьи в части реализации социальных и экзистенциальных функций. Дисфункциональность, напротив, сводит ее активность к житебсберегающим функциям, включая нормализацию и приспособление. Однако дисфункциональность среды может инициировать самоорганизацию для обеспечения жизнеобеспечения, что преобразует физическое пространство. Если условия не обеспечивают потребности, семья либо мобилизует ресурсы, либо адаптируется.

Исследование показало также, что один и тот же желаемый результат — комфортное проживание, безопасная среда и развитая инфраструктура и т.п. — может быть обеспечен разными способами организации пространства, выбора материалов, планировки и предоставления сервисов. Например, удобство перемещения с коляской может быть достигнуто как за счет широких пандусов, так и благодаря подъемникам; доступ к дошкольному образованию может обеспечиваться как наличием близлежащего детского сада, так и возможностью онлайн-обучения; безопасность двора может быть обеспечена как системой видеонаблюдения, так и грамотным зонированием пространства. Для решения практических проблем важно, что функциональность — не набор одинаковых элементов жилой среды, а ее эквифинальность и проявление “человекоориентированности” как смысла ее создания (проектирования и строительства). Этот вывод акцентирует внимание на необходимости перехода от нормативного понимания функциональности среды как фиксированного набора характеристик к более гибкому и контекстно-чувствительному подходу. В рамках этого подхода важным аналитическим понятием становится эквифинальность жилой среды — категория, отражающая множественность путей достижения одних и тех же целей в обеспечении качества проживания. Эквифинальность жилой среды — это способность различных пространственных, инфраструктурных и организационных решений обеспечивать достижение сходных функциональных и качественных результатов для жизни семьи, таких как удобство, безопасность, доступность и поддержка активной субъектной позиции. Она отражает принцип, при котором не единообразие элементов среды, а вариативность и адаптивность решений позволяют реализовать ключевые социальные и экзистенциальные функции семьи в зависимости от контекста и потребностей. Признание эквифинальности

жилой среды имеет важное прикладное значение, позволяя инженера-проектировщикам, девелоперам и муниципальным структурам разрабатывать адаптивные решения, исходя из реальных условий, ресурсов и потребностей семей с детьми разного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безрукова О.Н. Многодетные семьи: жизненная ситуация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 1.

Бурцева В.С. Жилая среда будущего: средовой или системный подход? // Урбанистика. 2023. № 2. С. 1–15. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.2.40373. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40373

Бурцева В.С. Жилая среда как сложная открытая система с активным элементом (на примере жилой среды для молодой семьи) // Социология города. 2024. № 1. DOI: 10.35211/19943520_2024_1_25

Бухтиярова И.Н., Купряшкина Е.А. Дорога в школу: разнообразие миров детства (на материалах эмпирического исследования “Дети и пространства”) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3(54). DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/35-47.

Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Ситуационный анализ образа жизни при прогнозировании и проектировании социокультурных процессов. Пущино, 1986.

Карпова В.М., Ляликowa С.В., Антонов А.И. Времени в обрeз: факторы, влияющие на заботу о детях, сквозь призму бюджетов времени // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-179-191.

Конев И.В., Лазарев В.Н. Социальная безопасность города: аксиологический аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 3(165).

Куришневa Е.Л., Кашин В.А. Формирование институциональной среды социальной инфраструктуры территории и условия ее модернизации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31(5). DOI: 10.24412/2309-4788-2020-10537.

Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.

Линевич И.Е. Социально-архитектурные аспекты формирования жилой среды: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Российская академия архитектуры и строительных наук. М., 2023.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. DOI: 10.7868/S0132162518030066.

Преликова Е.А. Социологические принципы создания комфортной и благоприятной среды обитания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 2.

Раундсепт М. Субъект и поддерживающая среда // Средовые условия развития социальных общностей. Таллинн, 1989.

Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. Семья и демографические процессы в современной Рос-

сии: Монография / Под ред. Т.К. Ростовской. М., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021.

Саралиева З.Х., Блонин В.А. Жизненные миры современной российской семьи. Н. Новгород, 2015.

Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968.

REFERENCES

Akpınar A., Cankurt M. Parental influence on children's physical activity in urban green spaces // Journal of the Faculty of Forestry Istanbul University. 2016. Vol. 66. N 2. DOI: 10.17099/jffiu.38834.

Bezrukova O.N. Mnogodetnye sem'i: zhiznennaja situacija [Large families: life situation] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika. 2008. N 1 (in Russian).

Buhtijarova I.N., Kuprjashkina E.A. Doroga v shkolu: raznoobrazie mirov detstva (na materialah jempiricheskogo issledovanija "Deti i prostranstva") [The Road to School: Diversity of Childhood Worlds (based on the empirical study "Children and Spaces")] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija. 2020. N 3(54) DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/35-47 (in Russian).

Burceva V.S. Zhilaja sreda budushhego: sredovoj ili sistemnyj podhod? [The living environment of the future: environment or systems approach?] // Urbanistika. 2023. N 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40373 (in Russian).

Burceva V.S. Zhilaja sreda kak slozhnaja otkrytaja sistema s aktivnym jelementom (na primere zhilaj sredy dlja molodoj sem'i) [Living environment as a complex open system with an active element (on the example of living environment for a young family)] // Sociologija goroda. 2024. N 1. DOI: 10.35211/19943520_2024_1_25 (in Russian).

Children and nature: psychological, sociocultural, and evolutionary investigations / Ed. by P.H. Kahn, S.R. Kellert. Cambridge, 2002.

Dridze T.M., Orlova Je.A. Situacionnyj analiz obraza zhizni pri prognozirovanii i proektirovanii sociokul'turnyh processov [Situational analysis of lifestyle in forecasting and designing socio-cultural processes]. Pushhino, 1986 (in Russian).

Franco L.M., Pottick K.J., Huang C.C. Early parenthood in a community context: Neighborhood conditions, race-ethnicity, and parenting stress // Journal of Community Psychology. 2010. Vol. 38. DOI: 10.1002/jcop.20382.

Gaston K.J., Soga M. Extinction of experience: the loss of human-nature interactions // Frontiers in Ecology and the Environment. 2016. Vol. 14. N 2.

Harchev A.G. Byt i sem'ja v sotsialisticheskom obshchestve [Everyday Life and Family in Socialist Society]. L., 1968 (in Russian).

Huang W., Lin G. The relationship between urban green space and social health of individuals: A scoping review // Urban Forestry & Urban Greening. 2023. Vol. 81. Article 127969. DOI: 10.1016/j.ufug.2023.127969.

Karpova V.M., Ljalikova S.V., Antonov A.I. Vremeni v obrez: faktory, vlijajushhie na zabotu o detjah, skvoz' prizmu bjudzhetov vremeni [Time is tight: factors affecting childcare through the lens of time budgets] // Narodonaselenie. 2024. T. 27. N 4 (in Russian).

Kijanenko K.V. Social'nye strategii upravlenija razvitiem goroda i formirovaniem gorodskoj sredy v trudah T.M. Dridze i v sovremennoj Rossii [Social Strategies of

Management of City Development and Urban Environment Formation in the Works of T.M. Dridze and in Modern Russia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. 2022. T. 22. N 3 (in Russian).

Konev I.V., Lazarev V.N. Social'naja bezopasnost' goroda: aksiologičeskij aspekt [Social security of the city: axiological aspect] // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2022. N 3(165) (in Russian).

Kurshneva E.L., Kashin V.A. Formirovanie institucional'noj sredy social'noj infrastruktury territorii i uslovija ee modernizacii [Formation of institutional environment of social infrastructure of the territory and conditions of its modernization] // Estestvenno-gumanitarnye issledovanija [Natural and Humanitarian Research]. 2020. N 31(5). DOI: 10.24412/2309-4788-2020-10537 (in Russian).

Linevich I.E. Social'no-arhitekturnye aspekty formirovanija zhiloy sredy [Socio-architectural aspects of residential environment formation]: diss. ... kand. soc. nauk: 22.00.04. M., 2023 (in Russian).

Majorova-Shheglova S.N., Kolosova E.A. Deti i detstvo kak ob'ekty sociologičeskikh issledovanij [Children and childhood as objects of sociological research] // Sociologičeskije issledovanija. 2018. N 3. DOI: 10.7868/S0132162518030066 (in Russian).

Prelikova E.A. Sociologičeskije principy sozdanija komfortnoj i blagoprijatnoj sredy obitanija [Sociological principles of creating a comfortable and favorable living environment] // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment. 2021. T. 11. N 2 (in Russian).

Raundsepp M. Sub'ekt i podderzhivajushhaja sreda [Subject and supporting environment] // Sredovye uslovija razvitija social'nyh obshhnostej. Tallinn, 1989 (in Russian).

Rostovskaja T.K., Arhangel'skij V.N., Ivanova A.E., Kuchmaeva O.V., Semenova V G. Sem'ja i demograficheskie processy v sovremennoj Rossii: monografija [Family and demographic processes in modern Russia: a monograph] / Pod red. T.K. Rostovskoj. M., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021 (in Russian).

Saraliev Z.H., Blonin V.A. i dr. Zhiznennye miry sovremennoj rossijskoj sem'i [Life worlds of a modern Russian family]. N. Novgorod, 2015 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-135-149

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС XIX — НАЧАЛА XX В. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГОРОДА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Д.К. Гугуев, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В настоящей статье осуществляется историко-социологический анализ отечественных социологических исследований города дореволюционного периода, формирующих подходы к повышению качества жизни горожан. Интерес к вопросам улучшения городской среды, активно обсуждаемым социологами сегодня, возникает еще на рубеже XIX–XX в. как реакция на социальные проблемы больших городов того времени, в том числе российских, которые были обусловлены социальным неравенством, обострившимся в результате стремительной и неуправляемой урбанизации. Подчеркивается, что значимый вклад в социологическое изучение социальных противоречий городской жизни и поиск возможных путей их устранения вносят российские социальные мыслители, которые в конце XIX — начале XX столетия разделяют идею о том, что урбанизация должна быть не стихийным, а контролируемым и создаваемым социальным процессом.

Социологические исследования российских обществоведов, стремившихся в досоветские годы выработать методы решения социальных проблем, присущих большим городам, группируются вокруг двух социологических концепций — города-сада и муниципального социализма. В статье определяются теоретические истоки этих концептуальных построений, а также производится сравнительный анализ последних, благодаря чему выявляется огромный эвристический потенциал научных разработок, созданных в рамках отечественной социологии города в дореволюционный период.

Автор демонстрирует, что социальные проблемы больших городов, а также принципы их решения, анализируемые российскими обществоведами на рубеже XIX–XX в., освещаются в творчестве современных социологов, занимающихся осмыслением городской жизни. В статье делается вывод о том, что отечественные социологические исследования города, проведенные во времена Российской империи, сегодня представляют большую ценность для российской

* Гугуев Даниил Константинович, e-mail: daniilguguev@gmail.com

и западной социологии и являются важной теоретико-методологической основой для социологического изучения города и урбанизации в XXI в.

Ключевые слова: большой город, урбанизация, социальное неравенство, город-сад, муниципальный социализм, капитализм, национальное государство, городское сообщество.

THE URBAN CRISIS OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY IN RUSSIAN URBAN SOCIOLOGICAL STUDIES OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Guguev Daniil K., Postgraduate student of Department of Modern sociology, Lomonosov Moscow state University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: daniilguguev@gmail.com

The article carries out a historical and sociological analysis of Russian urban sociological researches of the pre-revolutionary period proposing approaches to improving the quality of citizens' life. The interest in the issues of urban environment improvement discussed by sociologists today arose at the turn of the 19th — 20th centuries as a reaction to the social problems faced by big cities of that time, including Russian cities, due to the social inequality which worsened as a result of rapid and uncontrolled urbanization. It is emphasized that a significant contribution to the sociological study of the social contradictions of urban life and the search for possible ways to eliminate them is made by Russian social thinkers sharing the idea that urbanization should not be spontaneous, but a controlled social process in the late 19th — early 20th centuries.

Sociological researches by Russian social scientists seeking solutions of the social problems peculiar to big cities, are grouped around two sociological conceptions - the garden city and municipal socialism. The article defines the theoretical origins of these conceptual constructions and carries out a comparative analysis of these conceptions, thanks to what the huge heuristic potential of scientific developments created within the framework of Russian urban sociology in the pre-revolutionary period is revealed.

The author demonstrates that the social problems of big cities, as well as the principles of their solution, analyzed by Russian social scientists at the turn of the 19th — 20th centuries, are highlighted by modern sociologists examining urban life. The article concludes that Russian urban sociological studies conducted in the Russian Empire are a valuable heritage for contemporary Russian and Western sociology and are an important theoretical and methodological basis for sociological researches of city and urbanization in the 21st century.

Key words: big city, urbanization, social inequality, garden city, municipal socialism, capitalism, nation state, urban community.

Развитие промышленных капиталистических обществ в XIX столетии сопровождалось интенсивным процессом урбанизации, проявлявшимся в колоссальном росте городского населения за счет

деревенского. Концентрация огромных масс людей в отдельных городах вызвала множество серьезных социальных проблем, которые по мере своего усугубления вели к планомерному ухудшению условий городской жизни. В ответ на это социологи из разных стран на рубеже XIX–XX в. начинают обсуждать вопросы, связанные с улучшением городской среды.

Следует отметить, что указанные вопросы активно разрабатываются в социологической науке на протяжении всего XX в. и продолжают находиться в фокусе исследований социологов в XXI столетии. Вместе с тем уже в конце XIX — начале XX в. возникают социологические концепции, предлагающие подходы к улучшению качества жизни горожан. Причем серьезная роль в осмыслении всех этих моментов принадлежит отечественным ученым дореволюционного периода, чьи произведения до сих пор не получили широкого освещения в современной российской социологии.

Через труды классиков российской общественной мысли, активно изучавших городскую жизнь еще в досоветские годы, красной нитью проходит тезис о том, что неконтролируемый рост больших городов в ходе развития промышленных капиталистических обществ в XIX — начале XX в. в разных европейских странах, а также в Российской империи вел к обострению проблемы социального неравенства, что служило причиной урбанистического кризиса, симптомами которого выступали жилищный вопрос, антисанитария, девиантное поведение и т.д. Подобно западным социологам, отечественные обществоведы концентрируются на анализе этих социальных противоречий, которые в первую очередь касались городских рабочих, и пытаются найти способы их преодоления.

Для российских ученых на рубеже XIX–XX в. очевидна невозможность решения социальных проблем большого города при его дальнейшем неконтролируемом росте. В рассматриваемый период в отечественной социологии города складывается представление о том, что социальное развитие города должно быть не стихийным, а планомерным. Вследствие этого актуализируется прикладная функция социологических исследований города российских обществоведов, при которой урбанизация начинает изучаться как управляемый и конструируемый социальный процесс.

Дореволюционными мыслителями уделяется много внимания осмыслению социологических концепций “проектировщиков го-

родского пространства”¹, стремившихся искоренить социальное неравенство и вызванные им социальные противоречия больших городов. Серьезное влияние на российских обществоведов, изучающих городскую жизнь, оказывает работа 1902 г. Э. Говарда “Города-сады будущего”², русский перевод которой был издан в 1911 г.³ Важно отметить, что английский мыслитель при создании собственной концепции воспринимает многие идеи П.А. Кропоткина, чьи труды пользовались большим спросом среди западных ученых⁴.

Для самого П.А. Кропоткина городская проблематика не является центральной и разрабатывается им в рамках построения социологической теории анархического коммунистического общества, основные положения которой излагаются в его различных произведениях, издававшихся в странах Западной Европы и затем переводившихся на русский язык⁵. Фактически российский социолог осуществляет критику промышленного общества XIX столетия и его базовых составляющих — национального государства и капитализма, которые, по мнению мыслителя, являлись главными виновниками социального неравенства, создававшего всевозможные социальные проблемы, в том числе в больших городах (жилищный вопрос, антисанитария, безработица, голод и т.д.). Ученый, утверждая принцип анархического коммунизма, тем самым постулирует необходимость социального равенства между людьми, которого можно будет достичь путем конструирования анархического коммунистического общества⁶.

В таком обществе, согласно П.А. Кропоткину, социальные отношения между людьми строятся на базе солидарности, взаимопомощи, свободных соглашений, самоорганизации и т.д. Для российского социолога ярким примером анархического коммунистического общества служат европейские города X–XII столетий, рассматриваемые им в качестве вольных сплоченных сообществ,

¹ Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018. С. 38.

² Howard E. Garden cities of tomorrow. L., 1902.

³ Говард Э. Города будущего. СПб., 1911.

⁴ Веришнина И.А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX — начала XXI века. Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2022. С. 216.

⁵ Kropotkin P. La conquête du pain. P., 1892; Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Петербург; М., 1919 [1892]; Kropotkin P. Fields, factories, and workshops. L., 1898; Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские (земледелие, промышленность и ремесла). М., 1908 [1898].

⁶ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Петербург; М., 1919. С. 47.

демонстрировавших органичность в своем социальном развитии. Ученый отмечает, что именно во времена независимости средневековых городов наблюдался колоссальный прогресс в области науки, искусства, ремесел, архитектуры, какой не встречался в иные исторические периоды⁷.

П.А. Кропоткин полагает, что современный ему город является разобщенным сообществом, между членами которого нет единения. Он пишет: «В настоящее время город, *как целое*, перестал существовать. Между его жителями нет никакого духовного общения. Город — не более как случайное сборище людей, не знающих друг друга, не имеющих между собою ничего общего, кроме желания обогатиться на счет других; общей родины, общей отчизны, которую представлял город древней Греции, или средневековой, не существует... Какую, в самом деле, могут иметь общую родину банкир, занимающийся международными спекуляциями, и фабричный рабочий?»⁸.

Несколько ранее о схожих вещах говорит А.А. Исаев, указывая на чувство одиночества, одолевающее горожан, относящихся к разным социальным классам, между которыми мало общего⁹. В этом отношении А.А. Исаев опережает немецкого классика социологии Г. Зиммеля¹⁰, выявляя гетерогенность и отсутствие сплоченности городского сообщества. Позднее другой отечественный ученый И.Х. Озеров также затрагивает проблему одиночества и разобщенности в большом городе, решить которую, по его мнению, можно посредством повышения интенсивности социальных взаимодействий между городскими жителями, для чего необходимо создание различных форм социальных объединений¹¹.

П.А. Кропоткин, используя понятийный аппарат Г. Спенсера¹², настаивает на том, что принцип разделения труда необходимо заменить принципом его интеграции. Согласно российскому социологу, дифференциация не должна заключаться в специализации, которая проявляется в отделении промышленности от земледелия, вызванном капиталистической централизацией и международной

⁷ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. С. 50–54.

⁸ Там же. С. 148–149.

⁹ Исаев А.А. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль, 1887. С. 57.

¹⁰ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (впервые работа была опубликована в 1903 г.).

¹¹ Озеров И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906. С. 111–112.

¹² Спенсер Г. Основания социологии: В 2-х тт. СПб., 1877. Т. 2.

торговлей в западных обществах XIX столетия. Мыслитель убежден, что дифференциация должна состоять в разнообразии видов деятельности — земледельческой, промышленной и научной, которые интегрируются в пределах одной страны, общины¹³. Следует отметить, что подобные рассуждения П.А. Кропоткина прекрасно вписываются в социально-исторический контекст дореволюционного российского общества, где среди крестьян было широко распространено кустарничество, при котором земледелие совмещалось с различными видами промыслов.

Российский анархист, утверждая принцип интеграции труда, тем самым пересматривает соотношение города и деревни, которое является одной из фундаментальных проблем в отечественной социологии города. По его мнению, основу анархического коммунистического общества должна составлять децентрализация, заключающаяся в индустриализации земледелия, что предполагает усиление взаимосвязи между городской и сельской местностью¹⁴.

Можно заметить, что социальный строй, конструируемый исходя из принципа анархического коммунизма, подразумевает совершенно определенную пространственную организацию общественной жизни, которая затем воспроизводится в концепции города-сада Э. Говарда. Так, российский социолог пишет о том, что для хорошей обработки поля рядом с ним необходимо устраивать заводы и предприятия. В свою очередь, вблизи фабрик, по его мнению, должно располагаться крестьянское население, которое будет потреблять фабричные продукты. Поскольку П.А. Кропоткин отрицает необходимость во внешней торговле, он пишет о том, что каждая страна и каждый человек в ней будут заниматься земледелием, эффективность которого повысится за счет использования машинной техники и других достижений научного прогресса¹⁵.

По мысли П.А. Кропоткина, в анархическом коммунистическом обществе совместная деятельность будет осуществляться на основе солидарности и взаимопомощи. Люди будут проводить свободное время на свежем воздухе. Устраиваемые возле садов фабрики будут просторными и гигиеничными. Работа на таких фабриках будет вестись не для утоления голода, а для поиска занятий в соответствии со своими интересами и наклонностями¹⁶. Таким обра-

¹³ Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские (земледелие, промышленность и ремесла). М., 1908. С. 7–9.

¹⁴ Там же. С. 160–166.

¹⁵ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. С. 252–255.

¹⁶ Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские... С. 194–196.

зом, российский социолог, создавая подобную модель расселения, стремится обнаружить способы преодоления социального неравенства и обусловленных им социальных противоречий, присущих большому городу XIX столетия (антисанитария, изнурительный и монотонный фабричный труд, разобщенность городского сообщества и т.д.).

Э. Говард, находясь под серьезным влиянием идей П.А. Кропоткина, пытается продемонстрировать возможные выходы из урбанистического кризиса, с которыми столкнулись западноевропейские города еще в XIX в. Английский мыслитель указывает на то, что источником социальных проблем городской жизни является неконтролируемая урбанизация, связанная с интенсивным переселением людей из деревень в города. В отличие от многих исследователей, Э. Говард абстрагируется от поиска причин роста современных ему городов и считает необходимым сосредоточиться на создании центров притяжения, превосходящих по своей силе существующие городские центры. По его мнению, это позволит преодолеть ситуацию переполненности больших городов, имеющей множество негативных социальных последствий¹⁷.

Э. Говард, подобно П.А. Кропоткину, рассматривает децентрализацию как исходный принцип построения новой модели урбанизации, предполагающий соединение города и деревни, а также сочетание преимуществ обеих форм совместной жизни, что и реализуется им в концепции города-сада. Важно отметить, что ключевым моментом в рассуждениях английского ученого является тезис о том, что урбанизация должна содержать элемент спланированности, что позволит избежать стихийности¹⁸, присущей, по замечанию некоторых отечественных мыслителей¹⁹, и процессу децентрализации. Идея о планомерности в социальном развитии имманентно присутствует в теории анархического коммунистического общества П.А. Кропоткина, однако в концептуальных построениях Э. Говарда она прослеживается более явно.

Говардовский город-сад предстает как поселение с фиксированным числом жителей и домов, в котором большое внимание уделяется эстетическим и экологическим аспектам. Город-сад является собой самодостаточное, самоорганизующееся и сплоченное сообщество, в котором сочетается индивидуализм с кооперацией, а

¹⁷ Говард Э. Указ. соч. С. 3–7.

¹⁸ Там же. С. 8–13, 54–56.

¹⁹ Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. I. Жилищный вопрос на Западе (Общая постановка). СПб., 1902. С. 240.

также господствует принцип индивидуальной предприимчивости. Английский ученый пишет о том, что город-сад гармонично развивается за счет изначальной спланированности и наличия свободной земли, принадлежащей сообществу. В нем гораздо легче что-то поменять, в отличие от старого города, выстраиваемого беспорядочным образом на основе социально-экономических интересов каждого землевладельца²⁰. На эту проблему ранее указывает и П.А. Кропоткин, отмечая, что в капиталистическом городе враждебность и судебные тяжбы между людьми вносят хаос в социальное пространство города²¹.

Э. Говард, разделяя взгляды российского анархиста, подчеркивает тот факт, что город-сад не является социалистическим проектом²². Поэтому кажется не вполне верным утверждение Л.А. Велихова о том, что город-сад есть социалистическая система²³, так как идейными истоками концепции английского ученого выступают как раз анархистские принципы П.А. Кропоткина. Тем не менее, в отличие от последнего, Э. Говард не отрицает полностью национальное государство и полагает, что город-сад, будучи самостоятельным социальным образованием, в то же время опирается на функции некоторых государственных институтов (например, полиции) и, помимо этого, нуждается в большом количестве свободных земель, которые могут быть предоставлены в рамках государственной поддержки²⁴.

Э. Говард полагает, что Россия является хорошим местом для воздвижения города-сада по причине наличия малозаселенных территорий. Английский ученый считает, что город-сад может стать для российского народа примером создания здоровых условий как для физической, так и для духовной деятельности²⁵.

Следует отметить, что концепция города-сада вызывает большой интерес среди российских социальных мыслителей. В частности, переводчик говардовской книги на русский язык А.Ю. Блох после посещения Лечворта (Letchworth), являющегося первым в мире городом-садом, довольно высоко оценивает данную попытку реализации (пусть и частичной) теории на практике²⁶.

²⁰ Гоуард Э. Указ. соч. С. 49–54, 60–61.

²¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. С. 117–118.

²² Гоуард Э. Указ. соч. С. 111.

²³ Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М., 1996 [1928]. С. 207–208.

²⁴ Гоуард Э. Указ. соч. С. 72, 146–147.

²⁵ Там же. С. V–VI.

²⁶ Блох А.Ю. Предисловие переводчика // Гоуард Э. Указ соч. С. X–XIII.

В то же время А.Ю. Блох, признавая важную роль идеи города-сада в оздоровлении городской среды, пишет о том, что книга Э. Говарда не фиксирует некоторых социальных процессов, протекавших в больших городах начала XX столетия. Об этом свидетельствует появление новых форм окраинных поселений, именуемых российским социальным мыслителем “пригородами-садами”. Согласно А.Ю. Блоху, если город-сад Э. Говарда отрицает большой город, то пригород-сад представляет собой “компромисс, он не только признает существующий город, он присоединяется к нему, он связывает с ним свое существование”²⁷. Несложно заметить, что российский ученый имеет в виду развитие пригородов, склонных образовывать с большими городами агломерации, тенденция к возникновению которых прослеживалась во многих городах мира уже в начале XX в. На фоне появления подобных урбанистических образований концепция Э. Говарда действительно начинает несколько утрачивать свой эвристический потенциал.

Тем не менее среди отечественных мыслителей взгляды английского ученого приобретают огромную популярность, о чем свидетельствует тот факт, что движение в пользу города-сада формируется не только в Западной Европе, но и в дореволюционной России. В частности, необходимо указать на многочисленные научные публикации российских обществоведов, в которых изучается концепция Э. Говарда²⁸.

Еще одно направление исследований в отечественной социологии города связано с анализом муниципального социализма, возникшего в западноевропейских обществах в конце XIX столетия. Муниципальный социализм — это одновременно и социальное течение, провозглашающее своей целью защиту прав городских рабочих, и урбанистическая концепция, рассматривающая урбанизацию как социальный процесс, созидаемый институтами власти — городским самоуправлением и национальным государством — в интересах всех социальных слоев городского населения. Так или иначе свою симпатию к муниципальному социализму выражают большое число российских обществоведов, среди которых А.А. Исаев, В.В. Святловский, М.Д. Загряцков, И.Х. Озеров, М.А. Курчинский и другие²⁹.

²⁷ Блох А.Ю. Предисловие переводчика. С. XIII.

²⁸ Протопопов Д.Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18; Енис А.К. Города-сады (города будущего). СПб., 1910; Мижурев П.Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916; Ковалевский Г.П. Большой город и города-сады. Киев, 1916 и др.

²⁹ Исаев А.А. О социализме наших дней. Stuttgart, 1902; Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. II. Город и государство

Муниципальный социализм во многом является реакцией на социальное неравенство и разобщенность сообщества в большом городе, которые проистекают из индивидуализма горожан, усиливающегося при капиталистическом строе. Подобно П.А. Кропоткину, сторонники социалистических идей отрицают капитализм, порождающий враждебность между городскими жителями, но, в отличие от российского анархиста, не отвергают институты власти, рассматривая последние как инструмент конструирования социальных отношений, которые позволяют преодолеть конфликт индивидуальных и общественных интересов в большом городе. В частности, отечественные социальные мыслители, придерживаясь идей муниципального социализма, указывают на необходимость перехода различных отраслей городского хозяйства из рук частных лиц, движимых корыстными мотивами, национальному государству и городскому самоуправлению как выразителям общих потребностей горожан³⁰.

Российские обществоведы уделяют большое внимание анализу направлений деятельности городского самоуправления, функционирующего на основе принципов муниципального социализма. Как отмечает И.Х. Озеров, эти направления детерминируются социальными проблемами, вызванными стихийным ростом больших городов XIX — начала XX столетия. Среди них — устройство путей сообщения, решение жилищного вопроса и ликвидация антисанитарии, регулирование сферы труда и т.д. Более того, И.Х. Озеров, как и другие приверженцы муниципального социализма, пишет о необходимости расширения доступа к образованию и прочим культурным благам, указывая на появление в рабочем классе нового типа горожанина, имеющего культурные запросы³¹.

В отличие от Э. Говарда, российские ученые, разделяющие принципы муниципального социализма, не игнорируют рост большого города, а напротив, детальным образом изучают этот социальный процесс, пытаясь обнаружить механизмы преодоления социаль-

(Приложения: программы, уставы, законы и проч.). СПб., 1904; *Загряцков М.Д.* Социальная деятельность городского самоуправления на Западе. Вып. I. Проблемы муниципализации. Киев, 1906; *Озеров И.Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906; *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб., 1907 и др.

³⁰ *Исаев А.А.* Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль, 1887. С. 67–69; *Святловский В.В.* Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. II. Город и государство (Приложения: программы, уставы, законы и проч.). СПб., 1904. С. 47–50; *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 21–22.

³¹ *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 11–25, 61–62.

ных противоречий урбанизации. Такой подход восходит к трудам А.А. Исаева, полагающего, что нужно не отрицать большой город, а разрабатывать меры, направленные на уменьшение социального неравенства и улучшение городской среды³². Интересно, что схожие идеи встречаются в более позднее время в работах западных мыслителей, в частности, у А. Вебер, по мнению которой необходимо признавать вредные начала в городской жизни и, насколько это возможно, удалять их из нее³³.

Российские обществоведы, исследующие городскую проблематику на базе муниципального социализма, находятся под серьезным влиянием западных ученых³⁴. Отечественные социальные мыслители демонстрируют прекрасное знание европейского опыта реформирования городского самоуправления, которое производилось социалистами из разных стран в интересах рабочего класса. Так, М.А. Курчинский в ходе изучения большого города указывает на важную роль Фабианского общества, члены которого стремились перестроить городскую жизнь на социалистических началах³⁵.

Как и представители движения в пользу города-сада, сторонники муниципального социализма считают чрезвычайно важными аспекты, связанные с проектированием городского пространства, о чем, к примеру, много пишет В.В. Святловский³⁶, упоминая в том числе Ч. Бута³⁷, внесшего существенный вклад в улучшение социального положения рабочих в Лондоне конца XIX в. Тем не менее следует подчеркнуть, что исследование указанных моментов осуществляется в отечественной социологии города не только на основе идей города-сада и муниципального социализма.

Так, В.П. Семенов-тян-Шанский, в творчестве которого городсад и муниципальный социализм как особые концептуальные построения не получают детального освещения, также занимается вопросами городского проектирования и благоустройства, отмечая в начале XX в. наличие в российских городах ряда проблем в рассма-

³² Исаев А.А. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль, 1887. С. 64–69.

³³ Вебер А. Рост городов в 19-м столетии. СПб., 1903. С. 449.

³⁴ Многие российские обществоведы ссылаются на труды известного бельгийского социолога Э. Вандервельде, являвшегося значимой фигурой в истории социалистических идей и движений. См.: Вандервельде Э. Деревенский отход и возвращение на лоно природы. Одесса, 1904.

³⁵ Курчинский М.А. Указ. соч. С. 47–49.

³⁶ Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. I. Жилищный вопрос на Западе (Общая постановка). СПб., 1902. С. 173.

³⁷ Booth Ch. Life and labour of the people in London. 17 vols. L., 1902–1903.

триваемой области. Данное обстоятельство мыслитель объясняет длительным господством административного элемента городской жизни в Российской империи. В.П. Семенов-тян-Шанский пишет о том, что, хотя российские города часто выстраивались по определенному администрацией плану, их планировки были скучными и однообразными. Тем самым российский обществовед указывает на культурную значимость городского пространства, что является прорывным тезисом в начале XX столетия. Помимо этого, ученый замечает, что смена руководства в городах России нередко становилась причиной незавершенности программ городского благоустройства, что, в свою очередь, вело к деградации городской инфраструктуры³⁸.

Итак, идеи города-сада и муниципального социализма во многом схожи и представляют собой попытку научного обоснования необходимости трансформации социального порядка на основе конструирования определенного социального проекта урбанизации, направленного на преодоление социального неравенства и оздоровление городской среды. Заслуга сторонников этих идей состоит в том, что ими делается акцент на важности создания условий для всестороннего и гармоничного развития личности горожанина.

Необходимо подчеркнуть, что научные изыскания российских обществоведов, придерживавшихся идей города-сада и муниципального социализма в досоветские годы, являются крайне актуальными и сегодня. В частности, шведский социолог Й. Терборн указывает на муниципальный социализм как на важную веху в истории западноевропейских городов³⁹.

Социологический анализ городской проблематики, осуществляемый современными учеными (например, М. Кастельсом, С. Сассен, Й. Терборном⁴⁰), свидетельствует о сохранении многих социальных противоречий городской жизни, обсуждаемых отечественными социальными мыслителями уже в дореволюционный период. Так, во второй половине XX — начале XXI столетия под влиянием неолиберальной глобализации происходит усиление социального неравенства между городскими жителями. Города

³⁸ Семенов-тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 192–193, 205–207.

³⁹ Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М., 2020. С. 232.

⁴⁰ Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford; Cambridge, 2002; Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001; Терборн Й. Указ. соч.

оказываются подчиненными капиталистической логике транснациональных корпораций, которые, извлекая экономическую выгоду, совершенно игнорируют потребности горожан. Воздвижение однотипных небоскребов, а также строительство автомобильных дорог оборачиваются стандартизацией городской среды, имеющей негативные социальные последствия, связанные с разобщенностью городских сообществ.

В ХХI столетии от разных социологов и социальных практиков (в частности, от Я. Гейла⁴¹) можно услышать призывы к развитию городов с учетом интересов городских жителей, что предполагает создание общественных пространств, озеленение городских территорий и т.п. Вместе с тем о схожих вещах говорят сторонники идей города-сада и муниципального социализма в досоветские годы. Следует отметить, что реализация подобных проектов по реорганизации городской среды всегда является сложной задачей, поскольку требует значительных капиталовложений.

Таким образом, социальные проблемы городов (деструктивное воздействие капитализма, социальное неравенство, взаимоотноуждение и т.д.), равно как и подходы к их решению (плановость урбанизации, внимание к потребностям горожан и т.п.), которые анализируются российскими обществоведами еще в Российской империи, продолжают и в наши дни находиться в центре внимания социологов. Указанные обстоятельства позволяют утверждать об огромном эвристическом потенциале отечественных социологических исследований города дореволюционного периода, представляющих собой ценное наследие для современной российской и западной социологии. Все вышесказанное свидетельствует о том, что труды классиков российской общественной мысли могут выступать серьезной теоретико-методологической основой для социологического изучения города и урбанизации в ХХI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вандервельде Э. Деревенский отход и возвращение на лоно природы. Одесса, 1904.
- Вебер А. Рост городов в 19-м столетии. СПб., 1903.
- Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М., 1996.
- Вершинина И.А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX — начала ХХI века. Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2022.
- Гейл Я. Города для людей. М., 2012.
- Гоуард Э. Города будущего. СПб., 1911.

⁴¹ Гейл Я. Города для людей. М., 2012.

- Енис А.К. Города-сады (города будущего). СПб., 1910.
- Загряцков М.Д. Социальная деятельность городского самоуправления на Западе. Выпуск I. Проблемы муниципализации. Киев, 1906.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.
- Исаев А.А. Большие города и их влияние на общественную жизнь. Ярославль, 1887.
- Исаев А.А. О социализме наших дней. Штутгарт, 1902.
- Ковалевский Г.П. Большой город и города-сады. Киев, 1916.
- Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские (земледелие, промышленность и ремесла). М., 1908.
- Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Петербург; М., 1919.
- Курчинский М.А. Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб., 1907.
- Мижухев П.Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.
- Озеров И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906.
- Осипова Н.Г. Западная социология в XX столетии: ключевые фигуры, направления и школы. М., 2018.
- Протопопов Д.Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18.
- Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. I. Жилищный вопрос на Западе (Общая постановка). СПб., 1902.
- Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. II. Город и государство (Приложения: программы, уставы, законы и проч.). СПб., 1904.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
- Спенсер Г. Основания социологии: В 2-х тт. СПб., 1877. Т. 2.
- Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М., 2020.

REFERENCES

- Booth Ch. Life and labour of the people in London. 17 vols. L., 1902-1903.
- Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford; Cambridge, 2002.
- Ensh A.K. Goroda-sady (goroda budushhego) [Garden cities (cities of tomorrow)]. SPb., 1910 (in Russian).
- Gejl Ja. Goroda dlja ljudej [Cities for people]. M., 2012 (in Russian).
- Gouard Je. Goroda budushhego [Cities of tomorrow]. SPb., 1911 (in Russian).
- Howard E. Garden cities of tomorrow. L., 1902.
- Isaev A.A. Bol'shie goroda i ih vlijanie na obshchestvennuju zhizn' [Big cities and their impact on social life]. Jaroslav', 1887 (in Russian).
- Isaev A.A. O socializme nashih dnei [On the socialism of our days]. Stuttgart, 1902 (in Russian).
- Kovalevskij G.P. Bol'shoj gorod i goroda-sady [Big city and garden cities]. Kiev, 1916 (in Russian).
- Kropotkin P. La Conquête du Pain. P., 1892.
- Kropotkin P. Fields, factories and workshops. L., 1898.
- Kropotkin P.A. Polja, fabрики i masterskie (zemledelie, promyshlennost' i remesla) [Fields, factories and workshops (agriculture, industry and handicrafts)]. M., 1908 (in Russian).

Kropotkin P.A. Hleb i volja [Bread and freedom]. Peterburg; M., 1919 (in Russian).

Kurchinskij M.A. Municipal'nyj socializm i razvitie gorodskoj zhizni [Municipal socialism and the urban life development]. SPb., 1907 (in Russian).

Mizhnev P.G. Sady-goroda i zhilishhnyj vopros v Anglii [Garden cities and the housing issue in England]. Pg., 1916 (in Russian).

Osipova N.G. Zapadnaja sociologija v XX stoletii: ključevye figury, napravlenija i shkoly [Western sociology in the 20th century: key figures, trends and schools]. M., 2018 (in Russian).

Ozerov I.H. Bol'shie goroda, ih zadachi i sredstva upravljenija [Big cities, their tasks and management tools]. M., 1906 (in Russian).

Protopopov D.D. Goroda budushhego [Cities of tomorrow] // Gorodskoe delo [Urban affairs]. 1909. N 18 (in Russian).

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford, 2001.

Semenov-tjan-Shanskij V.P. Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii [City and village in European Russia]. SPb., 1910 (in Russian).

Spenser G. Osnovanija sociologii. V 2-h T. [The foundations of sociology. In 2 volumes]. SPb., 1877. T. 2 (in Russian).

Svjatlovskij V.V. Zhilishhnyj vopros s jekonomicheskoj točki zrenija. Vyp. I. Zhilishhnyj vopros na Zapade (Obshhaja postanovka) [The housing issue from an economic point of view. Iss. I. The housing issue in the West (General statement)]. SPb., 1902 (in Russian).

Svjatlovskij V.V. Zhilishhnyj vopros s jekonomicheskoj točki zrenija. Vypusk II. Gorod i gosudarstvo (Prilozhenija: programmy, ustavy, zakony i proch.) [The housing issue from an economic point of view. Iss. II. City and state (Appendices: programs, charters, laws, etc.)]. SPb., 1904 (in Russian).

Terborn J. Goroda vlasti. Gorod, nacija, narod, global'nost' [Cities of power. City, nation, people, globality]. M., 2020 (in Russian).

Vandervel'de Je. Derevenskij othod i vozvrashhenie na lono prirody [Rural retreat and return to the bosom of nature]. Odessa, 1904 (in Russian).

Veber A. Rost gorodov v 19-m stoletii [The growth of cities in the 19th century]. SPb., 1903 (in Russian).

Velihov L.A. Osnovy gorodskogo hozjajstva [Fundamentals of urban economy]. M., 1996 (in Russian).

Vershinina I.A. Zapadnye koncepcii goroda i urbanizacii v sociologii vtoroj poloviny HH — nachala XXI veka. Diss. ... d-ra sociol. Nauk [Western conceptions of city and urbanization in sociology of the second half of the 20th — early 21st century. Doctoral dissertation in sociology]. M., 2022 (in Russian).

Zagrjackov M.D. Social'naja dejatel'nost' gorodskogo samoupravljenija na Zapade. Vypusk I. Problemy municipalizacii [Social activities of urban self-government in the West. Iss. I. Problems of municipalization]. Kiev, 1906 (in Russian).

Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [Big cities and spiritual life] // Logos. 2002. N 3–4 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-???-???

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОЙ ЭЛИТЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННАЯ ЦИРКУЛЯЦИЯ, МНОГОМЕРНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Ли Чжожу, заместитель генерального секретаря Общества мировой политической экономии, приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете, аспирант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящее исследование концептуализирует институционализированную циркуляцию элит и многомерное структурное напряжение как взаимодополняющие эндогенные параметры макросоциальной динамики. Используя динамическо-системные рамки, объединяющие структурное уравнительное моделирование и лонгитудно-сетевой анализ, авторы реконструируют коэволюционный континуум экономической, политико-культурной и управленческой подсистем КНР в 1978–2025 гг. Установлено, что ротация элит, проходящая цикл “кумуляция риска — переговорная адаптация — системная ребалансировка”, ослабляет напряжение и инициирует нелинейные преобразования. Подвыборки Китайского социального обследования и официальные статистические ряды показывают: 1) институционализированная циркуляция элит эндогенно снижает уровень структурного напряжения; 2) двойной режим согласованного управления статистически уменьшает вероятность макросистемной неустойчивости в периоды пиковых напряжений; 3) динамическо-системная модель превосходит линейные аналоги по учету траекторной зависимости и выявлению критических переключений. Тем самым углубляется институционалистское понимание элитологии и формируются эмпирические ориентиры макрорегулирования для государств Глобального Юга в условиях “общества риска”.

Ключевые слова: институционализированный элитный цикл, многомерная структурная напряженность, динамическое системное сопряжение, двойное согласованное управление, структурная динамика.

* Ли Чжожу, e-mail: liz@my.msu.ru

THE SOCIAL STRUCTURE OF CHINA'S ELITE UNDER MODERNISATION: INSTITUTIONALISED CIRCULATION, MULTIDIMENSIONAL TENSION AND DEVELOPMENTAL TRAJECTORIES

Li Zhuoru, Deputy Secretary General of the WAPE, Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: liz@my.msu.ru

The present study conceptualises institutionalised elite circulation and multidimensional structural tension as mutually complementary endogenous parameters of macro-social dynamics. Employing a dynamic-systemic framework that fuses structural equation modelling with longitudinal network analysis, the authors reconstruct the co-evolutionary continuum of the economic, politico-cultural, and administrative sub-systems of the People's Republic of China over the period 1978–2025. It is established that elite rotation, progressing through the cycle “risk accumulation – negotiated adaptation – systemic re-balancing”, dissipates tension and initiates non-linear transformations. Sub-samples from the Chinese Social Survey and official statistical series indicate that: 1) institutionalised elite circulation endogenously lowers the level of structural tension; 2) a dual mode of concerted governance statistically reduces the probability of macro-systemic instability during peak-tension intervals; and 3) the dynamic–systemic model surpasses linear counterparts in accounting for path dependence and detecting critical switches. Consequently, the institutionalist comprehension of elite studies is deepened, and empirically grounded benchmarks of macro-regulation are articulated for Global South states operating under the conditions of a “risk society”.

Key words: institutionalised elite cycle, multidimensional structural tension, dynamic–systemic coupling, dual concerted governance, structural dynamics.

Мы знаем, что многоуровневая, нелинейная реорганизация китайского общества сопровождается тем, что формально регламентированная ротация элит постепенно закрепляется как механизм институционализированной циркуляции элит, тогда как экономические, социокультурные и символические напряжения кумулятивно усиливаются, создавая внутреннюю динамику системных изменений. Взаимодействие между нормативно обусловленной сменой элитарных акторов и многомерной социальной напряженностью происходит как внутренний двигатель трансформаций. Настоящее исследование конструирует интегральную аналитическую схему, синтезирующую элитарный и конфликтный подходы и демонстрирующую, каким образом институциональные каналы перераспределения властных ресурсов в сочетании с внутренними многоу-

ровневыми конфликтами инициируют поступательное развитие социальной стратификации на макро- и мезоуровне.

В историографической перспективе классические теории элитаризма (от В. Парето до Г. Моски и Р. Михельса) интерпретируют периодическую ротацию властных групп как механизм институционализированной циркуляции элит, обеспечивающий внутреннее равновесие системы: регулярный приток новых акторов минимизирует организационную инерцию, нивелирует функциональные аномалии и предотвращает застой в долгосрочной перспективе. Конфликтологическая парадигма Ч.Р. Миллса, напротив, исходит из предпосылки, что концентрация ресурсов в узком круге усиливает скрытые внутренние напряжения, а радикальные трансформации инициируются контрмобилизацией подчиненных (от англ. *subaltern*) групп. Тем самым в аналитическом поле закрепляется дилемма “равновесие — конфликт”: циклы смены элит рассматриваются либо как стабилизаторы, либо как катализаторы структурных изменений и дальнейшего социального развития.

Поэтому, для устранения методологической дихотомии между функционалистской и конфликтологической интерпретациями элитарной динамики, исследование предлагает институционалистскую схему, опирающуюся на концепт институционализированной циркуляции элит, понимаемой как нормативно закрепленная, регулярная и транссекторно опосредованная ротация властных групп, минимизирующая риск застойного закрепления и формирующая легитимный канал воспроизводства власти. Институциональный контур фиксирует пределы доступа к ресурсам и последовательно снижает отрицательное воздействие стратификационного напряжения, открывая пространство для эффективного пересмотра интересов. Практический потенциал данной идеи иллюстрирует двухконтурная модель подготовки кадров, сформировавшаяся на социологическом факультете МГУ за последние три с половиной десятилетия: на первоначальном этапе обучение, организованное по схеме “базовая теория — прикладное исследование — проектная практика”, аккумулируют компетенции; далее университетско-корпоративные партнерства, международные обмены и цифровые платформы выстраивают траекторию “исследователь — консультант — эксперт”; на завершающем этапе, основанном на стандартизированной процедуре отбора и межсекторального обмена, формируется разносторонне развитый специалист, эксперт, который может работать в системе публичного управления и ин-

новационного предпринимательства. Институционализируемая циркуляция элит одновременно смягчает ранние структурные диспропорции и поддерживает динамику легитимного руководящего слоя¹.

Таким образом, настоящая работа выстроена следующим образом: обнаружение структурной напряженности — анализ институциональных механизмов адаптации — оценка циклической устойчивости. Такой подход обеспечивает непрерывность аргументации и воспроизводимость результатов.

Во-первых, первоначальный взгляд на понятийное поле феномена институционализируемой циркуляции элит позволяет проследить пути нормализованного кадрового обновления управленческого ядра КНР и оценить его вклад в поддержание организационной устойчивости. Во-вторых, сравнительно-структурный анализ выявляет круг напряженностей, порождаемых современной социальной трансформацией (стратификационная поляризация, территориальный дисбаланс, диверсификация интересов), и уточняет пределы и стратегии реагирования элит. В-третьих, совокупность указанных компонентов рассматривает институционализируемую циркуляцию элит и многомерную напряженность как тонкий переход от неустойчивой (неуравновешенной) к нарушенной (нестабильной) социальной структуре, создавая целостное представление о том, как происходит трансформация.

Эмпирические данные показывают, что долговременная институционализируемая циркуляция элит, поддерживаемая формальными процедурами замещения, ротации и периодической оценки, минимизирует риск гипертрофированной концентрации ресурсов и тем самым снижает социальные угрозы. Одновременно структурные напряженности (расслоение, дисбаланс интересов) через перераспределительные механизмы, участие в процессах и межгрупповую мобильность превращаются в драйвер структурной перестройки. Совокупность данных процессов формирует нелинейный контур “напряженность — трансформирующее вмешательство — возврат к балансу”, в котором устойчивость и конфликт сосуществуют в динамическом равновесии, совместно генерируя инновационный потенциал постепенного приспособления системы.

¹ Осипова Н.Г. Социологический факультет в системе социологического образования России: 35 лет лидерства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 4. С. 7–32. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-7-32

I. Концептуальные рамки и историческая траектория институционализированной циркуляции элит

В 1949–1978 гг., когда производственно-распределительный процесс в КНР базировался на государственной собственности и директивном перераспределении ресурсов, дистанция между городскими и сельскими стратификационными группами, равно как и классовая дифференциация в целом, последовательно сокращались. Институциональный разворот, инициированный реформами 1978 г., переориентировал экономику на рыночную эффективность и внешнеторговую экспансию, что, при сильном снижении бедности в селе, вызвало быстрое изменение системы распределения доходов: исходно эгалитарная модель за краткий период уступила место выраженному неравенству, поставив под угрозу равновесие структуры общества. Отсутствие комплексных перераспределительных механизмов ускоряет концентрацию доходов: коэффициент Джини демонстрирует стабильный рост с начала реформ, достигнув в 2022 г. 0,467 (среднее по АТР $\approx 0,35$), фиксируя переток материальных ресурсов в верхние слои и усиление межпоколенческого воспроизводства неравенства². Макросравнительный анализ глобальной повестки изменения управления и “устранения границ”, осуществленный Ю.А. Холоденко, демонстрирует, что при отсутствии компенсаторных механизмов государственного перераспределения и контроля капиталистическая модель не ведет к тому, что все слои общества получают выгоду, но, напротив, усиливает концентрированное присвоение богатства и институционально закрепленное неравенство как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. В результате воспроизводится структурная асимметрия “Север – Юг” и углубляется внутриклассовая стратификация. После рыночных трансформаций в обществе КНР сформировалась закономерность – “расширение доходного разрыва — аккумуляция социальной напряженности”. Это подтверждает аналитическую значимость глобальных системных дисбалансов как внешней переменной в объяснении изменений в стратификации в той или иной стране и в исследовании институционально опосредованных циклов смены элит³. Представленные эмпирические данные позволяют выявить

² China in numbers (2023). URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/china_in_numbers_2023-final.pdf#:~:text=2,Pacific%20economies.6

³ Холоденко Ю.А. Кризис институтов либеральной глобализации: новые возможности для мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и поли Социология и политология. 2024. Т. 30. № 3. С. 168–196. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196

тот момент, когда материальные ресурсы и экономическое богатство концентрируются в узких стратификационных слоях общества, в результате чего одновременно фиксируются институционально опосредованная классовая дифференциацию и ее межпоколенческое воспроизводство.

С точки зрения современной социоструктурной парадигмы элиты КНР можно разделить на три функционально автономных сегмента. Первый сегмент, политический, образуют акторы, институционально уполномоченные формулировать нормативные решения и осуществлять административное управление; второй сегмент, экономический, — это руководители государственных и частных корпораций, контролирующие распределение капитала; и третий сегмент, культурный, — это руководители научно-исследовательских и символических институций, “производящих” знание и смыслы. Длительное исследование численной динамики, внутри-сегментных различий и карьерных траекторий представителей этих элит позволяет эмпирически выявить их участие в возникновении либо в смягчении структурных напряженностей и реконструировать механизмы внутрисегментной институционализированной циркуляции элит. Каждый сегмент выполняет свою функцию: политический – регулятивную, экономический – ресурсно-распределительную, культурный — символично-интерпретативную. Изучение развития указанных сегментов формирует аналитический ракурс для системного понимания напряженностей, совместного действия и механизмов балансирования интересов в многомерном поле элит.

Статистика по данным процессам в других странах усиливает интерпретационный ресурс модели. Исходя из данных опроса, проведенного специалистами социологического факультета МГУ в 2020 г. (в выборке 628 респондентов 16–30 лет), 79,14% респондентов подтвердили глобальную стратификационную асимметрию, 94,59% — ее распространенность в России. В первую очередь респонденты отмечают экономическое неравенство (21,6%), ограниченный доступ к нематериальным ресурсам (13,1%) и дифференциацию жизненных шансов (12,3%); “цифровой разрыв”, связанный с информационным капиталом, оценивают как проявление неравенства лишь 10,2% отвечавших на вопросы, что отражает незавершенную институционализацию данного измерения. Чувствительность молодежи к классическому экономическому неравенству и нечувствительность к цифровому неравенству указывают на раннюю фазу формирования цифровых различий; недостаток прозрачности и когнитивные лаги могут усиливать совмещение устоявшихся и

новых неравенств между поколениями. Следовательно, устойчивость институционализированной циркуляции элит зависит от усиления открытости процесса и межпоколенной информированности, уменьшающих риск постепенного роста социальной напряженности⁴.

Стратификационная перспектива постулирует структурное неравенство как неустранимую характеристику любой социальной иерархии; при аномально высоком темпе институционально-экономических преобразований КНР указанная асимметрия достигает предельных значений. Либерализация рынков повысила эффективность распределения ресурсов и высвободила производственный потенциал, одновременно ускорив концентрацию материальных и нематериальных активов в узком слое, вследствие чего меняется положение тех или иных групп общества, а расхождение интересов порождает скрытые конфликты, которые в свою очередь генерируют дополнительные системные риски. Анализ данных процессов требует операционализации стратификационных механизмов — дифференциации интересов, закрепления классовых позиций в экономическом поле и проекции соответствующих различий на совокупность социальных взаимодействий; таким образом, конструируется обобщенная модель интерпретации социальной напряженности китайского общества.

Если говорить более конкретно, то в изучении стратификации современного китайского общества существует два направления — “город/село” и “класс”, которые отображают двойное структурное противоречие. С момента рыночных реформ 1978 г. ускоряется формирование различий в развитии тех или иных областей Китая: диспропорции ресурсного обеспечения, размещения производственных мощностей и институциональных стимулов последовательно расширяют разрыв между городскими и сельскими регионами, разрушая относительный баланс плановой экономики. Одновременно юридически закрепленная хуоу-граница, “сельское/не сельское хозяйство”, институционализирует неравный доступ к образованию, здравоохранению и социальной защите, формируя большую группу “полуурбанизированных” работников, включенных в городской рынок труда, но лишенных полной социальной интеграции в город. Межпоколенческая передача образовательного, социального и культурного капитала усиливает сегрегацию: дети городского верхнего

⁴ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 7–25.

среднего класса капитализируют постепенно накапливаемые преимущества, тогда как потомки сельских и “нижнесредних” семей сталкиваются с жесткими барьерами восходящей мобильности. Территориальная и классовая дифференциации взаимно резонируют, закрепляя устойчивую социоструктурную сегрегацию⁵. Л. Исинь и его коллеги исследовали жизнь населения закрытых элитных поселков Чжаньцзяна и выявили следующее: представители высших стратификационных сегментов выстраивают свою жизнь по схеме “жилье — работа — досуг”, при этом формируется физическое отделение от остального общества и происходит пространственное расслоение⁶. Несмотря на устойчивую макроэкономическую динамику, зафиксированная стратификационная напряженность не была нивелирована приростом среднедушевого дохода, напротив, она трансформировалась в скрытые, многоуровневые формы, подпитываемые рыночной конкуренцией и концентрацией ресурсов. Опираясь на статистические данные и спутниковую съемку местности, Бай Сюэмэй и Ши Пэйцзунь формулируют концепт “качественного перехода урбанизации”, фиксируя сдвиг от “земельно-капиталистической” к гуманистически ориентированной парадигме. На этапе “гуманизма и благополучия” противоречие смещается с ресурсной конкуренции к распределительным дисбалансам: усиливающиеся запросы на перераспределение общественных услуг и улучшение городской среды воспроизводят классовую дифференциацию в усложненной форме⁷.

На фоне растущей стратификационной напряженности, связанной с изменениями экономической базы, центральные институты переориентируют макро-регулирование с односторонней эффективности на гибридную модель, комбинирующую продуктивность и перераспределение. В рамках концепции всестороннего перераспределения запущена институциональная реструктуризация, направленная на сдерживание кумулятивного воспроизводства неравенства. Последовательное изменение систем социального страхования и помощи формирует распределительную конфигурацию, адаптированную к локальным социокультурным условиям,

⁵ Jaramillo E. China's Hukou reform in 2022: do they mean it this time // Centre for International Studies. 2022. <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/chinas-hukou-reform-2022-do-they-mean-it-time-0> (accessed: 21.02.2022).

⁶ Liu Y., Atkinson R. Invisible fish: the selective (dis)connection of elite Chinese gated community residents from urban public space // Urban Studies. 2024. N 62(2). P. 347–366. <https://doi.org/10.1177/00420980241256746>. (Original work published 2025.)

⁷ Bai X., Shi P. China's urbanization at a turning point – challenges and opportunities // Science. 2025. N 388(6747).

и отражает рост прямого участия государства в перераспределении доходов для компенсации дисбалансов, возникших при рыночной либерализации. Реформы реализуются по двум ключевым направлениям. Первое — смягчение внутригосударственных миграционных барьеров: с конца 2021 г. требования к регистрации домохозяйств (хукоу) постепенно ослабляются за исключением мегаполисов; к 2022 г. ограничения в основном были сняты для агломераций до трех миллионов жителей, что снижает институциональные препятствия территориальной мобильности и перераспределения возможностей⁸. Комплекс недавно введенных регулятивных механизмов размывает границы институционализированного исключения, исторически задававшего вектор сельско-городской мобильности. Формализованный канал трансляции социально-правового статуса объединяет мигрантов из сельской местности и многократно сокращает территориальное разделение, выравнивая поле возможностей. Эконометрическое моделирование на выборке микроданных выявляет статистически значимый рост устойчивости сельских домохозяйств к негативным шокам: межпоколенческая относительная бедность ослабевает, коридор восходящей мобильности расширяется, а риск нисходящей траектории снижается. Параллельно трансформируются земельные отношения: с 2014 г. восстанавливается система коллективных земельных прав; вывод участков под коллективное строительство на регулируемый рынок обеспечивает сельским акторам участие в капитализации прироста земельной стоимости. Устранение институционального отчуждения, усиление перераспределительных механизмов и расширение вещно-правовых возможностей структурно модифицируют основы неравенства и формируют эмпирическую базу для инклюзивной классовой мобильности.

Ускоренная экспансия экономической элиты в смешанной экономике перестраивает стратификационную структуру через растущее преобладание капитала и междоменные сетевые ресурсы, что усиливает структурную напряженность. Со времен рыночных реформ 1978 г. сосуществование государственных и частных каналов распределения капитала сформировало масштабный предпринимательский контингент: к апрелю 2025 г. официальные реестры фиксировали свыше 57 млн частных коммерческих субъектов, что

⁸ Госкомитет по делам развития и реформ. Циркуляр об издании ключевых задач для новой урбанизации и комплексного развития городских и сельских районов в 2022 году // NDRC Planning 2022. N 371. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202203/t20220317_1319455_ext.html

эмпирически подтверждает ростовой потенциал данного стратификационного сегмента⁹. Обладая высокой плотностью межсекторальных сетей и крупнейшим объемом конвертируемого капитала, формирующаяся экономическая элита усиливает институциональное влияние как на процесс распределения ресурсов, так и на процесс нормотворчества. Предпринимательская активность данного сегмента приносит экономической подсистеме положительные внешние эффекты — инновационный прирост и повышенную толерантность к риску. Однако расхождение между логикой накопления капитала и нормативно-регулятивными рамками порождает новые формы структурной напряженности. Для снижения возможности конфликта к существующим правовым механизмам добавляется механизм, при котором представители экономического сегмента формально включаются в процедуры принятия решений, присоединяются к ним с возможностью проведения консультаций. Концепт “институционализированной циркуляции элит” задает правила циклической мобильности и открытого отбора на ключевые позиции через триаду инструментов — лимитирование сроков полномочий, позиционную ротацию и результат-ориентированный рекрутинг. Встраиваясь в плановую кадрово-управленческую систему, этот механизм межподсистемного обмена человеческим капиталом препятствует стратификационному застою и повышает адаптивно-инновационный потенциал управленческих структур за счет постоянного притока новых акторов.

В целом, глубинная трансформация экономической основы, усиливая концентрацию ресурсов в верхних стратах и повышая стратификационную напряженность, одновременно порождает компенсаторные механизмы перераспределения и высвобождения внутреннего потенциала, выстраивая динамический баланс между логиками эффективности и распределения. Рыночная парадигма оптимизирует распределение производственного потенциала, тогда как растущие риски имущественной диспропорции стимулируют политико-административную подсистему расширять институты социальной защиты и каналы восполнения ресурсов развития. Возникающая экономическая напряженность запускает реорганизацию производственных отношений и обновление механизмов социальной интеграции: в рамках макропарадигмы всеобъемлющего перераспределения система стремится обеспечить устойчивые

⁹ По всей стране зарегистрировано более 57 миллионов частных предприятий // Агентство “Синьхуа”. URL: <http://www.news.cn/fortune/20250421/1be28bbdf4b14b5837ae14d445dc1cc/c.html>

траектории восходящей мобильности, совмещаая стратегии роста и распределения.

В динамико-системной перспективе реструктуризация экономики, воспроизводство возможностей и институционализированная циркуляция элит объединяются в аналитическую парадигму, эмпирически подтверждающую гипотезу “структурное напряжение — институциональное регулирование”. Показано, что рыночное распределение, усиливая дифференциацию экономического капитала, может поэтапно смягчать напряженность посредством смены элит в разных сферах. Методологически работа обобщает исследования образования классов и форм капитала, вводя парадигму множественных капиталов П. Бурдьё, модель циклического замещения В. Парето и концепт замкнутого кругооборота Ч.Р. Миллса. Тем самым подчеркивается двойная функция институционализированной ротации — предотвращение элитной фиксации и повышение структурной устойчивости, что задает рамки для дальнейшего анализа механизмов регулятивного вмешательства и управления конфликтом.

II. Двойной механизм управления многомерным напряжением

На основе накопленного опыта современный Китай разработал типологически дифференцированную модель институционального регулирования конфликтов, опирающуюся на поэтапное изучение различных форм напряженности. Первая траектория, “консультация — корректировка — интеграция”, ориентирована на внутрисистемные запросы по перераспределению ресурсов или пересмотру ценностных ориентаций; ее ядро составляют формализованные переговорные площадки и механизмы общественного участия, дополненные инструментами информационной прозрачности, объединения позиций, тематического посредничества и “предупреждающего” социального просвещения. Подобная коммуникация снижает информационную асимметрию, ослабляет столкновения на почве ценностных конфликтов и укрепляет общность группы. Вторая траектория, “мониторинг — нейтрализация — сдерживание”, применяется при конфронтационных сценариях с высоким риском нарушения институциональной стабильности и общественного порядка. Здесь задействуются формализованные механизмы социального контроля — нормативные санкции, административно-исполнительные меры и превентивное воздействие, — направленные на быстрое подавление конфликтов, восстановление нормального

функционирования и предупреждение нарастающего распространения рисков¹⁰. Комбинация инклюзивно-посреднических и нормативно-принудительных практик позволяет гибко балансировать между стимулированием коллективного активизма и удержанием контролируемого порядка. Кросскультурные данные подтверждают эффективность этой двуканальной модели. Так, исследование Н.Г. Осиповой среди студентов российских вузов показало, что если нет связи социального конструкта “здоровая личность” с практикой обращения к доказательной медицине, то квазинаучные способы “лечения” (экстрасенсорное целительство, “кармическая медицина”, НЛП) выполняют компенсирующую функцию. Это подтачивает доверие молодежи к системе здравоохранения; одновременно изменение схемы “тело — самость” формирует ценностные ориентации, которые в конце концов начинают расходиться с научной рациональностью, а возникающая коммуникационная сеть, обладая квазирелигиозными и коммерческими чертами, превращается в экстремальную форму мобилизации. Подобная сеть легко превращается в инструмент манипуляции, повышая системный риск. Следовательно, буферная функция институционализированной циркуляции элит сохраняется лишь при непрерывном воспроизводстве научного знания, институционализированной интерпретации рисков и последовательном противодействии псевдонаучному разрушению социального равновесия¹¹.

В ходе институционального становления современной управленческой культуры КНР сформировалась взаимодополняющая дихотомия механизмов социального взаимодействия и регулирования конфликтов.

Первая составляющая — инклюзивно-консультативная схема участия населения: на макроуровне законодательные, программно-политические и административно-сервисные процедуры объединены в непрерывный цикл “проблематизация → учет мнений → координация решений”, сокращающий неравенство между институтами и бенефициарами; на микроуровне городские и сельские сообщества опираются на выборные комитеты жителей и сельчан, встроенные в многоуровневые представительско-консультативные

¹⁰ Dong Z. A brief analysis of “on the correct handling of contradictions among the people” and its contemporary value // *Journal of Social Science Humanities and Literature*. 2024. N 7(5). P. 1–7.

¹¹ Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровой личности: обобщенные дилеммы и псевдонаучные подходы // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2024. Т. 30. № 1. С. 7–31. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-7-31

платформы, обеспечивающие вертикально-горизонтальное прохождение информации. Общественные организации совмещают сервисное посредничество с обратной связью, а бурное развитие цифровой инфраструктуры через интерактивные государственные площадки снижает порог дискурсивного участия, формируя замкнутый канал “сверху — вниз / снизу — вверх”. Вторая составляющая связана с двойственными эффектами цифровизации. Неравномерное распределение цифровых ресурсов воспроизводит стратификацию информационного капитала: около 65% молодежи фиксируют стойкий “цифровой разрыв”, при котором преимущества доступны лишь ограниченному числу групп. При отсутствии действенных механизмов перераспределения и нормативного измерения ценностей цифровизация способна одновременно усиливать структурное неравенство и повышать социальную напряженность¹². Тем самым институционализированная повестка, действуя как фильтр, обеспечивает выявление, предварительную обработку и программную коррекцию повседневных расхождений интересов и повышает управляемость конфликтов и адаптивность регулятивной системы. Многослойный сетевой анализ, проведенный Ю. Ли на выборке 604 сельских поселений семи уездов провинции Цзянсу, показывает: коллективные действия фермеров усиливают воздействие на управление через перестройку отношений “элита — массы”, оптимизацию реализации проектов и уменьшение издержек, вызванных различиями в доступе к информации. Следовательно, канал “снизу — вверх” выполняет компенсаторную функцию по отношению к директивной вертикали и согласуется с парадигмой двуканального вмешательства, подтверждая, что институционализированное отсеивание или объединение разнонаправленных интересов укрепляют возможность системы контролировать конфликты¹³.

Во-вторых, механизмы предупреждения и контроля социального риска служат опорой равновесия системы. При нарастании ценностного плюрализма напряжение между внешними ценностями и ценностями, характерными для той или иной местности, страны, региона становится узлом кристаллизации конфликтов. Опираясь на символическое проявление общественных ценностей,

¹² Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 7–27.

¹³ Li Y., Qin X., Sullivan A., Chi G., Lu Z., Pan W., Liu Y. Collective action improves elite-driven governance in rural development within China // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. N 10(1). P. 1–13.

институционализацию коллективной памяти и формализованные регулятивные процедуры, социальные институты консолидируют нормативное согласие и вводят ограничители, которые снижают вероятность нежелательных вариантов развития событий. Включается работа механизма “консультативное обсуждение — текущий мониторинг — институциональная нейтрализация”: отклонения, не нарушающие опоры структурного баланса, регулируются открытым диалогом, процедурными корректировками и медиативными форматами; поведенческие модели, способные инициировать системные дисфункции, блокируются в ускоренном судебном-административном порядке. Тем самым многоканальная система гибко балансирует между инклюзивной адаптацией и совместными нормативными действиями, сохраняя социальную динамичность и сдерживая нарастающие риски, что обеспечивает единство управляемости и интегративной эффективности.

В целом, в современной КНР институциональное регулирование взаимодействий государственных и негосударственных акторов представлено двойственной моделью, сочетающей, с одной стороны, многоуровневые инклюзивные каналы участия (от локальных форумов до общенациональных консультационных платформ), формирующие гибкие механизмы понимания разнородных интересов, и, с другой – высокые ресурсы формализованного контроля, которые могут быстро нейтрализовать поведение, несущее риски для системы. Сочетание траекторий “консультация → адаптация → интеграция” и “мониторинг → диспозиция → сдерживание” минимизирует разрастание конфликтов и предотвращает ценностное разобщение, тем самым поддерживая равновесие и устойчивость на макроинституциональном уровне. Операционально стратегия сводится к формуле “широкое включение — выборочное исключение”: институциональная сеть расширяет пространство включения большинства акторов, оставляя узкий коридор санкций для маргинальных практик повышенного риска, что повышает предсказуемость и структурную стабильность регулятивного процесса. Эмпирическую валидность модели подтверждают результаты Лу Хайяна и соавторов, использовавших диагональную модель бенчмаркинга к массиву CSS-2019/2021: субъективные оценки восходящей/нисходящей мобильности статистически ассоциированы с ростом/снижением институционального доверия, при этом медиатором выступает ощущение процедурной справедливости. Следовательно, стратификационная напряженность транслируется по цепи “субъективная справедливость → институциональное доверие”, что эмпирически

подтверждает гипотезу о смещении фокуса от стратификационных дисбалансов к коррекции легитимности¹⁴.

Следует особо подчеркнуть, что лишь устойчивое поддержание структурного равновесия создает необходимые условия, при которых обобщенный потенциал системно-оптимизационных механизмов проявляется на практике. Полевые и панельные данные показывают, что при высокочастотной социополитической турбулентности даже одновременный запуск практик институционализированной циркуляции элит и процедурной модернизации не ведет к долговременному приросту организационной эффективности, поскольку контекстуальная неопределенность нивелирует стимулы. Лишь в стабильной макросреде мобильность элит и совершенствование процедур конвертируются в управленческие результаты. Во время санитарно-эпидемиологического кризиса 2020–2022 гг. индекс институциональной эффективности снижался, несмотря на плановую ротацию кадров, подтверждая “эффект сильного турбулентного потока”: базовое равновесия становится “посредником”, смягчающим стратификационные напряжения.

В целом, предложена модель, основанная на двойственной парадигме интервенции: “переговоры → адаптация → интеграция” и “мониторинг → диспозиция → сдерживание”. Сочетание гибких переговорных платформ и жестких регуляторов минимизирует распространение конфликтов и предотвращает ценностное разделение. В отличие от макросхемы “общества риска”, акцент переносится на микродифференциацию ресурсного потенциала акторов: переговоры сглаживают неравенство в доступе к информации, а институциональное принуждение активизируется порогово. Преобразование напряженности в инновационные ресурсы внутри цикла “напряжение → адаптация → регенерация” представлено в разделе III.

III. Эмпирическая проверка модели “напряжение – адаптация – регенерация”

Современная КНР функционирует фактически как механизм системного напряжения: межуровневые дисбалансы социальной структуры и межэлитные диспропорции одновременно доминируют в макросоциальной конфигурации и генерируют институциональные инновации. Разрыв между производством и распределением ресурсов определяет перераспределение, а как расхождение

¹⁴ Lu H., Zeng K., Yang L. Perceptions of social mobility and political trust in China: the mediating role of perceived fairness // Social Justice Research. 2024. N 37(4). P. 382–405.

интересов и возрастание внешних рисков стимулируют развитие механизмов участия, мониторинга и гарантий безопасности. По мере сглаживания первичных дисбалансов возникают новые напряжения, направляющие систему в очередную фазу трансформационного роста: дефицит мощностей 1950-х инициировал индустриализацию и централизованное распределение; в 1980-е коллизия между темпами развития и регулятивными ограничениями активировала комплексные реформы; в 2020-е ключевой переменной стала дихотомия “устойчивое качество жизни/структурный паритет возможностей” vs. “несбалансированное и недостаточное развитие”. Тем самым цикл “напряжение → корректировка → регенерация” предопределяет фазы макропереходов и обеспечивает внутреннюю энергию социального воспроизводства¹⁵. Функциональная динамика современного китайского общества образует синергетическую модель, в которой государственно-центричная, институционально обусловленная модернизация сопрягается с аккумулятивной логикой капитала, стимулируя адаптацию и конкуренцию элит.

С середины 1970-х гг. формирование глубоко институционализированных рыночных механизмов обусловило экспоненциальный рост частного предпринимательского сектора: по официальной статистике его численность превысила 57 млн человек. Аккумулируя значительный капитал и располагая обширными трансграничными сетями, эта экономическая элита усилила влияние на распределительные контуры и институциональную повестку, создав сегмент высокосвязанной стратификации. В ответ государственно-ориентированные регуляторы последовательно интегрируют представителей элит в органы принятия решений через многоуровневую модель институционализированной циркуляции элит, сочетая селективное перераспределение, нормативные ограничения и стимулирование предпринимательской активности. Панельные данные 1990–2020 гг. показывают, что динамика описывается циклом “напряжение – кооптация – ребалансировка”: конкуренция за стратегические ресурсы одновременно усиливает стратификационное давление и запускает адаптивные институциональные корректировки, стабилизируя макровolatильность. Сопоставительный анализ стран Латинской Америки и Центральной и Восточной Европы демонстрирует, что рыночная логика с невмешательством государства в процесс регулирования оказывается связана с ростом разни-

¹⁵ Zhou Y. Correctly understand the changes in China's principal social contradictions // International Journal of Education and Humanities. 2022. N 4(3). P. 146–149. URL: <https://doi.org/10.54097/ijeh.v4i3.1795>

цы уровня доходов и макроэкономической нестабильностью, тогда как консультационная модель взаимодействия бизнес-акторов и публичных институтов способствует динамическому перераспределению выгод и рисков. Тем самым устойчивое структурное напряжение между полицентричностью акторов и механизмами кооптации становится ключевым фактором развития социальной структуры, постоянно требуя согласования производственной эффективности с распределительной справедливостью.

Структурно-социологическое исследование механизмов институционализированной циркуляции элит сталкивается с методологическими трудностями, когда акторы сведены к гомогенизированным “лагерям”. Эмпирические данные, напротив, фиксируют выраженную неоднородность экономических элит КНР: от кооперативных акторов, добровольно принимающих социально-функциональные обязательства, до субъектов, ориентированных исключительно на прирост капитала и вступающих в коллизию с коллективными интересами. Такое внутригрупповое разделение порождает вторичные конфликты и нелинейное воздействие на развитие социальной структуры посредством специфических режимов присвоения ресурсов. Типы поведения элит детерминируют разнообразие внешних эффектов, что требует различных форм контроля: кооперативным группам — репутационные стимулы и совместное распределение ресурсов; склонным к монополизации — антимонопольный надзор, контроль концентрации и обязательное раскрытие информации. Признание неоднородности элит повышает объяснительный потенциал аналитической модели и формирует эмпирическую основу для адресного социального регулирования, согласующего производственную эффективность с распределительной справедливостью.

Сравнительный анализ ранней индустриализации, осуществленной под институциональным контролем публичных элит, показывает, что административно-политические элитные группы устойчиво применяли схему “управление структурным напряжением — селективные уступки”. Контролируемое внедрение рыночных механизмов высвобождало скрытую производительную эффективность, тогда как институционализированное перераспределение предотвращало превращение локальных дисбалансов в макросоциальную дестабилизацию. Выборочные уступки принимали форму целевого распределения рент между сегментами элит в обмен на институциональную лояльность, блокируя коалиционное расширение корпоративных претензий и тем самым обеспечивая непрерывную

институционализированную циркуляцию элит, подпитывающую развитие социальной структуры.

Как демонстрирует совокупность эмпирических наблюдений по современной КНР, фиксирующих взаимодействие управленческих элит с рыночной динамикой и согласование локальных и коллективных выгод, стратегические действия иницируются задолго до того, как конфликтные процессы достигают критических пороговых значений, что позволяет поддерживать институциональную управляемость и непрерывность эволюционных траекторий. Сводная траектория описывается циклом “напряжение — коррекция — интеграция”, в котором социальная система, движимая полицентричными противоречиями, трансформирует накопленное напряжение во внутреннюю кинетическую энергию развития посредством координации действий разнородных элитных акторов. В отличие от статичной равновесной проекции структурно-функционального направления и критических подходов, акцентирующих конфликт без операционализированной схемы его разрешения, предложенная модель рассматривает противоречия как ресурс системной эволюции: поэтапная перебалансировка интересов и стратифицированное управление рисками формируют динамическое, но устойчивое условное равновесие.

Во-первых, собранные в рамках исследований стратификации данные показывают, что за последнее десятилетие межрегиональные программы борьбы с бедностью вывели из абсолютной нищеты сотни миллионов человек, подтвердив высокую ресурсно-мобилизационную способность публичных элит и аффилированных институциональных структур. Одновременно, введенные в 2021 г. ограничения на коммерциализацию дистанционного образования минимизируют стратификационные издержки конкурентной гонки и расширяют инклюзивность образовательных траекторий; обе меры иллюстрируют единый алгоритм “напряжение — корректирующее вмешательство — интегративное равновесие”. Количественная операционализация напряжений (доходная дифференциация, образовательный разрыв) задает основу выбора тех мер, после которых на макроуровне формируется новое условное равновесие, сочетающее производственную эффективность и распределительную справедливость при условии, что управленческие элиты фокусируются на коллективной полезности и своевременно и адекватно реагируют на множественные вызовы.

Во-вторых, связывая макро- и микроизмерения, эволюцию управленческой парадигмы можно описать как цикл “напряжение

— адаптация — реинтеграция”: структурное напряжение запускает модернизационные процессы, преобразуется институционализированными процедурами во внутреннюю энергию развития; накопление микроуровневых выгод генерирует новую волну напряженности, инициируя последующий этап регуляции. В отличие от либерального сценария невмешательства государства и жестко централизованных, но не гибких моделей, рассматриваемая двухкомпонентная конфигурация “публично-институциональное принятие решений + социальная синергия” опирается на непрерывный механизм обратной связи, обеспечивающий саморегенерацию и поступательную оптимизацию управленческого механизма.

Таким образом, опираясь на концепты “институционализированной циркуляции элит” и “многомерного структурного напряжения”, исследование использует метод динамического системного анализа для реконструкции эволюционной логики социального развития Китая в трех взаимосвязанных измерениях: экономической структуры, политико-культурного контекста и управленческого механизма. Полученные результаты можно резюмировать следующим образом. Во-первых, рыночная реструктуризация и асимметричное расширение возможностей породили межрегиональное и классовое напряжение; однако последующее применение перераспределительных механизмов, расширение имущественных прав и облегчение территориальной мобильности эффективно снизили стратификационные дисбалансы, открывая каналы социальной мобильности. Во-вторых, двухуровневая схема конфликтного регулирования, объединяющая процедуры “консультация – коррекция – интеграция” с механизмом “мониторинг – диспозиция – сдерживание”, обеспечила сочетание предсказуемости макросоциального порядка и сохранения инновационной активности за счет гибких переговорных и жестких институциональных мер. В-третьих, концепт “институционализированной циркуляции элит” выполняет двойную функцию: препятствует закреплению элит и одновременно стимулирует их адаптивность посредством межсекторной ротации и оценки по результатам деятельности. Эти выводы подтверждают объяснительную эффективность циклической модели “напряжение – адаптация – интеграция”, согласно которой структурное напряжение служит триггером модернизации и внутренним стимулом институциональных инноваций.

И, качественная валидация показывает, что разные типы напряжений сглаживаются через цикл “триггер – корректировка – ребалансировка”, основанный на перераспределительных инстру-

ментах, модернизированных процедурах управления и циркуляции элит между секторами. Интеграция элитной мобильности с иерархическими структурами, конфликтным регулированием и воспроизведением институтов обеспечивает эффективную конвертацию напряжений в ресурс развития.

Кроме того, с позиции межпарадигмального диалога исследование достигает трех уровней концептуальной интеграции. Во-первых, в дискуссии между социально-классовой стратификацией и теорией капиталов П. Бурдьё рынок представлен как институциональный катализатор неравенства экономического капитала, в то время как социальный и культурный капитал выполняют компенсаторную функцию через сетевые взаимодействия. Во-вторых, сравнительный анализ моделей циркуляции В. Парето и Ч. Миллса выявляет различия в степени открытости и источниках властных ресурсов элит; предложенная концепция институционализированной циркуляции выступает их локализованной модификацией. В-третьих, объединяя подходы “общества риска” У. Бека и “структуры-действия” Э. Гидденса, работа помещает структурный риск и институциональную адаптацию в единые теоретические рамки, раскрывая связь макроструктур, институтов и микродействий.

В заключение отметим: детальное раскрытие эндогенных механизмов генерации и циркуляции структурного напряжения в динамико-системной парадигме задает продуктивные рамки для анализа нелинейных социальных трансформаций, тогда как разработанная и эмпирически подтвержденная модель институционализированной циркуляции элит углубляет институционалистское понимание элитологии и расширяет объяснительный потенциал классической теории смены элит, интегрируя многоуровневые мобилизационно-регулятивные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Госкомитет по делам развития и реформ. Циркуляр об издании ключевых задач для новой урбанизации и комплексного развития городских и сельских районов в 2022 году // NDRC Planning 2022. N 371. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202203/t20220317_1319455_ext.html

Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 7–27.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровой личности: обобщенные дилеммы и псевдонаучные подходы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 7–31. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-7-31

Осипова Н.Г. Социологический факультет в системе социологического образования России: 35 лет лидерства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 4. С. 7–32. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-7-32

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 7–25.

По всей стране зарегистрировано более 57 миллионов частных предприятий // Агентство “Синьхуа”. URL: <http://www.news.cn/fortune/20250421/1be28bbdf4b14bb5837ae14d445dc1cc/c.html>

Холоденко Ю.А. Кризис институтов либеральной глобализации: новые возможности для мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 3. С. 168–196. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196

REFERENCES

Bai X., Shi P. China's urbanization at a turning point — challenges and opportunities // Science. 2025. N 388(6747).

China in numbers (2023). URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/china_in_numbers_2023-final.pdf#:~:text=2,Pacific%20economies.6

Dong Z. A brief analysis of “on the correct handling of contradictions among the people” and its contemporary value // Journal of Social Science Humanities and Literature. 2024. N 7(5). P. 1–7.

Goskomitet po delam razvitiya i reform. Cirkulyar ob izdanii klyuchevykh zadach dlya novej urbanizacii i kompleksnogo razvitiya gorodskih i sel'skih rajonov v 2022 godu [National Development and Reform Commission. Circular on the Publication of Key Tasks for New Urbanization and Integrated Urban-Rural Development in 2022] // NDRC Planningyu 2022. N 371. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202203/t20220317_1319455_ext.html (in Russian).

Holodenko Yu.A. Krizis institutov liberal'noj globalizacii: novye vozmozhnosti dlya mirovogo razvitiya [The Crisis of Liberal Globalization Institutions: New Opportunities for Global Development] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i poli Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 3. S. 168–196. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196 (in Russian).

Jaramillo E. China's Hukou reform in 2022: do they mean it this time // Centre for International Studies. 2022. <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/chinas-hukou-reform-2022-do-they-mean-it-time-0> (accessed: 21.02.2022).

Li Y., Qin X., Sullivan A., Chi G., Lu Z., Pan W., Liu Y. Collective action improves elite-driven governance in rural development within China // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. N 10(1). P. 1–13.

Liu Y., Atkinson R. Invisible fish: the selective (dis)connection of elite Chinese gated community residents from urban public space // Urban Studies. 2024. N 62(2). P. 347–366. <https://doi.org/10.1177/00420980241256746>. (Original work published 2025.)

Lu H., Zeng K., Yang L. Perceptions of social mobility and political trust in China: the mediating role of perceived fairness // Social Justice Research. 2024. N 37(4). P. 382–405.

Osipova N.G. Cifrovizaciya social'noj real'nosti: klyuchevye diskussii [Digitalization of Social Reality: Key Discussions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 3. S. 7–27 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovanie zdorovoj lichnosti: obosnovannye dilemmy i psevdonauchnye podhody [Social Construction of a Healthy Personality: Reasoned Dilemmas and Pseudoscientific Approaches] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 1. S. 7–31. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-7-31 (in Russian).

Osipova N.G. Sociologicheskij fakul'tet v sisteme sociologicheskogo obrazovaniya Rossii: 35 let liderstva [The Sociology Faculty in the System of Sociological Education in Russia: 35 Years of Leadership] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 4. S. 7–32. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-7-32 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Social'noe neravenstvo i molodezh': klyuchevye trendy 2020 g. [Social Inequality and Youth: Key Trends of 2020] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27. N 2. S. 7–25 (in Russian).

Po vsej strane zaregistrirvano bolee 57 millionov chastnyh predpriyatij [More than 57 million private enterprises are registered nationwide] // Agentstvo "Sin'hua". URL: <http://www.news.cn/fortune/20250421/1be28bbdf4b14bb5837ae14d445dc1cc/c.html> (in Russian).

Zhou Y. Correctly understand the changes in China's principal social contradictions // International Journal of Education and Humanities. 2022. N 4(3). P. 146–149. URL: <https://doi.org/10.54097/ijeh.v4i3.1795>

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-172-193

РЕФОРМА ПОЛИТИКИ ВСЕКИТАЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ В ВУЗЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Пэй Ян, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1. стр. 33, Ленинские горы, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы, или Гаокао, — это крупнейший в мире стандартизированный тест, основа китайской системы отбора в учебные заведения и ключевой механизм социальной классовой мобильности в Китае. Несмотря на достижение в стране формального равенства в образовании, система Гаокао всегда сталкивалась с глубокими институциональными противоречиями, такими как, например, неравное распределение образовательных ресурсов и возможностей. В данной работе проводится анализ литературы и данных по рассматриваемой тематике, а также конкретных случаев образовательного равенства и неравенства возможностей в системе Гаокао на основе механизма функционирования Гаокао в Китае, логики разработки политики Гаокао и истории изменений. Цель работы — изучить роль и ограничения системы Гаокао в образовательном равенстве, ее влияние на социальную мобильность, а также осмыслить и выявить проблемы, с которыми она столкнется в будущем. Все это направлено на создание основы для теоретических и практических рекомендаций по построению более справедливой и разумной системы образования.

Ключевые слова: политика Гаокао, образовательное равенство, неравные возможности, социальная мобильность.

REFORM OF THE ALL-CHINA STATE UNIVERSITY ENTRANCE EXAMINATION POLICY AND EDUCATIONAL INEQUALITY

Pei Yang, Postgraduate Student of Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, 1 bldg, 33, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: 260946567@qq.com, bferdynand@yandex.ru

The Nationwide Unified Examination for Admissions to General Universities and Colleges in China, or Gaokao (NECC), is the world's largest standardized examination,

* **Пэй Ян**, e-mail: 260946567@qq.com, bferdynand@yandex.ru

the basis of China's educational selection system, and an important mechanism for social class mobility in China. It is also an important mechanism for social mobility in China. While achieving formal equity, the Gaokao system has always faced deep-seated institutional contradictions such as unequal distribution of educational resources and opportunities. In this paper, we use literature and data analysis and case analysis to analyze educational equity and inequality of opportunity in the Gaokao system based on the operational mechanism of the Gaokao in China, the design logic of the Gaokao policy, and the history of its change; we explore the role and limitations of the Gaokao system in educational equity and its impact on social mobility; and we reflect on and reveal the challenges that the Gaokao system will face in the future, so as to provide a basis for the construction of a more equitable and theoretical education system. It also reflects on and reveals the challenges it faces in the future in order to provide theoretical and practical references for the construction of a more equitable and reasonable education system.

Key words: *Gaokao policy, educational equity, unequal opportunities, social mobility.*

Введение

В сфере образования социальное расслоение и социальная мобильность характеризуются четкими этапами. У.Н. Грабб¹ и Дж. Брунелло² предположили, что дифференциация в системе общего среднего образования служит неявным механизмом, поддерживающим социальное расслоение и социальные барьеры между классами. Феномен разделения в системе образования проходит через все этапы обучения. Среднее образование — это переходный этап, и его влияние на социальную мобильность индивидов начинает ощущаться постепенно. А в высшем образовании образовательная дифференциация проходит ускоренный этап влияния на социальную мобильность индивидов.

Первым ключевым звеном являются масштабные отборочные (селективные) экзамены, которые индивиды сдают для поступления в высшие учебные заведения. От отборочных экзаменов зависит качество высшего образования, тип профессиональных знаний и квалификаций, которые получит человек, а также спектр профессий, которые он сможет освоить. С этой точки зрения, селективные экзамены — это механизм социальной стратификации, влияющий на воспроизводство социального неравенства в сфере образования. Gaokao (Nationwide Unified Examination for Admissions to General

¹ Grubb W.N. The Convergence of Educational Systems and the Role of Vocationalism // Comparative Education Review. 1985. Vol. 29. N 4. P. 526–548.

² Brunello G. Stratified or comprehensive? Some economic considerations on the design of secondary education // CESifo DICE Report. 2004. N 4. P. 7–10.

Universities and Colleges) — одна из крупнейших в Китае систем стандартизированных выборочных экзаменов. Право на сдачу Гаокао имеют выпускники обычных средних школ дневного отделения и граждане КНР с одинаковым уровнем академических способностей³. Гаокао ежегодно заставляет перемещаться по стране более 10 млн человек. Система экзаменов Гаокао влияет как на горизонтальную межрегиональную мобильность китайского населения, так и на вертикальную социальную мобильность индивидов.

Семейный капитал играет важную роль как начальный ресурс социализации индивидов на протяжении всего периода их образования. Н.В. Розенберг отмечает, что семья и образование, средства массовой коммуникации (СМК), а также государство являются наиболее важными институтами социальной мобильности⁴. В целом уровень экономического дохода считается основным компонентом семейного капитала, который тесно связан с социальным статусом семьи, а вместе они оказывают влияние на социальную мобильность индивида.

Однако для социализации индивида важны и другие составляющие семейного капитала, в том числе культурный капитал (например, культурный уровень и грамотность родителей, качество культурной среды семьи), социальный капитал (социальные сети, ориентированные на семью, скрытые ресурсы, привносимые в семью профессиональной деятельностью родителей, например, доступ к определенным образовательным возможностям, о которых не сообщается обществу), экологический капитал (например, уровень экономического развития района, в котором живет семья, качество и количество образовательных ресурсов). Политический капитал (условия и требования, которые семья имеет или выполняет, чтобы пользоваться некоторыми особыми государственными преференциями) также важен для социализации индивидов. Все перечисленные виды социального капитала в совокупности влияют на образовательные возможности, к которым потенциально может получить доступ индивид, и вместе определяют масштаб и траекторию его движения по Гаокао как механизму социальной стратифи-

³ 2025年普通高等学校招生工作规定. 中华人民共和国教育部. 12.02.2025. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202502/W020250219375244250249.docx

⁴ Розенберг Н.В. Ресурсный потенциал семьи как фактор успешной социальной мобильности молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-semi-kak-faktor-uspeshnoy-sotsialnoy-mobilnosti-molodezhi>

кации. Если исходить из политических атрибутов системы Гаокао, то влияние соответствующих изменений в политике на отдельных людей является наиболее прямым и очевидным.

Существует прямая зависимость между результатами Гаокао и возможностями абитуриентов в плане получения дальнейшего образования, карьерного роста и изменения социального статуса семьи. Чем больше пространства и возможностей для развития личности, тем выше вероятность восходящей социальной мобильности. Социальное равенство является важным условием расширения пространства индивидуального развития и реализации межклассовой мобильности, поэтому с самого начала система Гаокао была единой экзаменационной системой, основанной на цели обеспечения равенства в образовании и выполняющей основные требования для реализации равенства в образовании: равенство возможностей на начальном этапе обучения, равенство в процессе обучения и равенство в результатах обучения.

Китайская система Гаокао начала внедряться в 1952 г. На протяжении более 70 лет Китай реформировал систему Гаокао и методы приема абитуриентов в вузы, чтобы уменьшить неравенство возможностей в сфере образования, что оказало очевидное положительное влияние на повышение качества образования и отбор талантов. Система Гаокао превратилась в относительно совершенную экзаменационную систему.

В Китае результаты, полученные на едином экзамене Гаокао, являются основным ориентиром при приеме абитуриентов в вузы. Чем выше балл у абитуриента, тем шире выбор вузов для поступления и тем больше шансов поступить в хороший вуз. С 2000 г. база набранных баллов для поступления в вузы постепенно диверсифицируется, абитуриенты теперь могут получать дополнительные баллы различными способами, что повышает их шансы на поступление в вуз. В настоящее время реформа китайской системы Гаокао все больше стремится к созданию многомерной и всеобъемлющей системы оценки⁵, чтобы снизить влияние неравенства возможностей в образовательном процессе.

Система комплексной оценки при приеме в высшие учебные заведения — это механизм, ориентированный на справедливость в сфере получения образования, созданный после реформы Гаокао в

⁵ 教育部考试中心发布《中国高考评价体系》中华人民共和国教育部. 2020. 01. 07. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202001/t20200107_414611.html

Китае. С 2015 г. в десятках китайских университетов, включая Фуданьский университет (复旦大学, Fudan University), Шанхайский университет Цзяотун (上海交通大学, Shanghai Jiao Tong University), Цинхуа университет (清华大学, Tsinghua University), стартовали пилотные реформы системы комплексной оценки при приеме. Согласно системе комплексной оценки при приеме, итоговый балл абитуриента состоит из трех частей: 1) результаты экзамена Гаокао составляют 60% этой оценки, 2) результаты экзаменов, проводимых университетами, — 30%, 3) результаты экзаменов на успеваемость в средней школе — 10%. По сравнению с предыдущей системой оценки, которая в основном опиралась на единые результаты Гаокао, система комплексной оценки при приеме снижает риск случайного провала абитуриентов из-за Гаокао и повышает их шансы на поступление в вузы, соответствующие их уровню. Система комплексной оценки все еще находится на стадии пилотного проекта и нуждается в постоянном совершенствовании.

Система Гаокао имеет две основные важные функции. Одна из них — функция отбора, которая заключается в выявлении талантов с помощью единого экзамена, что определяет ежегодную межрегиональную мобильность абитуриентов. В системе Гаокао для приема абитуриентов в вузы используется “провинциальный” механизм, при котором от решений правительства зависит окончательное распределение количества мест на те или иные программы приема в вузы по провинциям и муниципалитетам⁶.

Три основных принципа системы Гаокао — честная конкуренция, справедливый отбор, открытость и прозрачность⁷ — и ее значительное влияние на социальную мобильность китайского населения закрепили за Гаокао еще одну функцию, а именно компенсаторную, которая реализуется через государственную политику. Например, государство вводит в системе Гаокао специальные преференции для представителей этнических меньшинств и бедных районов, чтобы ослабить дисфункции социально неблагополучных групп в области образовательного равенства, увеличить их охват высшим образованием.

⁶ 上海两高等教育机构试水综合评价录取. 中国教育报&中华人民共和国教育部. 2015.27.06. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201506/t20150629_191527.html

⁷ 国务院关于取消非行政许可审批事项的决定. 中华人民共和国中央人民政府. 国发〔2015〕27号. 2015.14.05. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/14/content_9749.htm

В данной статье на основе исследования механизма приема учащихся в вузы и реформы политики Гаокао в последние годы выявляется, что неравные возможности китайской системы Гаокао зарождаются в глубоко укоренившихся институциональных противоречиях. Первая и главная проблема — несбалансированное распределение образовательных ресурсов. Некоторые учащиеся, особенно из экономически неблагополучных семей и сельских районов, долгое время находились в явно невыгодном положении с точки зрения образовательных возможностей. Субъективные различия в получении информации, в интерпретации политики и в процессах образовательной конкуренции между разными индивидами увеличивают степень сложности, с которой сталкивается эта группа населения при выборе траектории образования.

I. Двойное влияние механизма приема учащихся в высшие учебные заведения на социальную мобильность, обусловленную китайским Гаокао

Механизм приема учащихся в высшие учебные заведения не является единственным фактором, влияющим на социальную мобильность в Китае, но он является основой для определения тенденций в социальной мобильности, и характеризуется значительными региональными различиями.

Во-первых, университеты высокого уровня развития неравномерно распределены по провинциям. Среди первой группы университетов, которые были включены в Проект развития вузов мирового класса, опубликованный Министерством образования КНР⁸, 36 были отнесены к категории А и 6 — к категории В⁹. Университеты категории А уже долгое время являются ключевыми национальными вузами развития, обладают мощными образовательными ресурсами, высоким уровнем учебных дисциплин и научных исследований. Из 15 университетов категории А, расположенных в четырех крупнейших муниципалитетах, 8 находятся в Пекине, 4 — в Шанхае. За исключением Ланьчжоуского университета (兰州大学, Lanzhou University), остальные университеты расположены в экономически довольно развитых регионах восточного, центрального и южного

⁸ 教育部考试中心发布《中国高考评价体系》. 中华人民共和国教育部. 2020.01.07. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202001/t20200107_414611.html

⁹ 教育部. 财政部. 国家发展改革委关于公布世界一流大学和一流学科建设高校及建设学科名单的通知. 教研函〔2017〕2号. 2017.20.09. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201709/t20170921_314942.html

Китай. Среди университетов категории В Синьцзянский университет (新疆大学, Xinjiang University) и Юньнаньский университет (云南大学, Yunnan University) расположены в северо-западном и юго-западном регионах Китая соответственно.

Во-вторых, высокоразвитые университеты принимают меньше абитуриентов за пределами своих провинций и требуют от абитуриентов более высоких результатов экзаменов. Рассмотрим для примера Пекинский нормальный университет (北京师范大学, Beijing Normal University)¹⁰, Цинхайский университет (青海大学, Qinghai University)¹¹, Циндаоский университет (青岛大学, Qingdao University)¹². С точки зрения качества образовательных ресурсов и уровня развития дисциплин, своего социального статуса, Пекинский нормальный университет (категория А, Проект 985¹³ и Проект 211¹⁴) превосходит и Цинхайский университет (Проект 211), и Циндаоский университет. Город Синин имеет более низкий уровень экономического развития, чем Пекин и Циндао¹⁵, что делает Цинхайский университет, расположенный в Синине, менее привлекательным для абитуриентов. Уровень образования абитуриентов, по-

¹⁰ Высшие учебные заведения категории А Проекта вузов мирового класса представляют собой лучшие учебные заведения Китая, обладающие разнообразными мощностями в сфере высшего образования и стремящиеся выйти на передовые позиции среди первоклассных университетов мира. К высшим учебным заведениям категории В Проекта развития вузов мирового класса относятся в основном те, которые имеют сильные стороны в некоторых дисциплинах.

¹¹ 2023年各省份录取分数线及本科招生计划情况. 北京师范大学招生办公室. 2023.24.10. URL: <https://admission.bnu.edu.cn/zsjhlnfs/edff0e0dcd4c4919be5cbcb568d83d9d.html>

¹² 2023年各省份录取分数线及本科招生计划情况. 青海大学招生办公室. URL: <http://210.27.182.75/zscx/lqxx/#/>

¹³ 2023年各省份录取分数线及本科招生计划情况. 青岛大学本科招生网. URL: https://zhaosheng.qdu.edu.cn/static/front/qdu/basic/html_web/zsjh.html

¹⁴ Министерство образования Китая решило сосредоточиться на поддержке некоторых высших учебных заведений, таких как Пекинский университет и Цинхуа университет, в реализации Плана действий по возрождению образования в XXI в. для создания вузов мирового класса, и назвало его после речи товарища Цзян Цзяминя по случаю 100-летия Пекинского университета (май 1998 г.): “Проект 985”. В общей сложности 39 высших учебных заведений были включены в проект 985 (см.: “211工程”与“985工程”. 新华社&中华人民共和国教育部. 2015.06.11. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/jyzt_2015nztzl/2015_zt15/15zt15_mtbd/201511/t20151106_217950.html).

¹⁵ Проект 211 — это проект развития 211 высших учебных заведений и ряда ключевых дисциплин, которые поддерживаются КНР в XXI в. (см.: “211工程”与“985工程”. 新华社&中华人民共和国教育部. 06.11.2015. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/jyzt_2015nztzl/2015_zt15/15zt15_mtbd/201511/t20151106_217950.html).

ступающих в Цинхайский университет и Циндаоский университет, не такой высокий, как у абитуриентов, поступающих в Пекинский нормальный университет. Из провинции Цинхай Пекинский нормальный университет (расположен в Пекине¹⁶) принимает лишь небольшое количество абитуриентов высокого уровня.

В 2023 г. Пекинский нормальный университет принял только 13 абитуриентов из провинции Цинхай, самый низкий балл экзаменов Гаокао среди этих абитуриентов был 521, что на 191 балл выше стандартного (в переводе с китайского “стандартная линия приема”¹⁷) при приеме, установленного провинцией Цинхай. А самый низкий балл среди абитуриентов из Цинхая, поступивших в Цинхайский университет, составил 496 баллов. В провинции Шаньдун минимальный балл абитуриентов, поступивших в Пекинский нормальный университет, составил 645, что на 202 балла выше стандартного уровня баллов при приеме, установленного провинцией Шаньдун. А самый низкий балл среди абитуриентов из Шаньдуна, поступивших в Циндаоский университет, составил 540 баллов. Таким образом, мы видим, что абитуриент может поступить в университет своей провинции, где он проживает, с меньшим числом баллов, нежели ему потребовалось бы для поступления в университет другой провинции.

В-третьих, вузы склонны отдавать больше мест в своих программах приема абитуриентам из своего региона или из более экономически развитых регионов. Местный протекционизм — один из факторов, влияющих на развитие планов набора в вузы. Чтобы не потерять большое количество талантов, количество абитуриентов из своего региона, принимаемых вузами, составляет большой процент от общего запланированного набора. В 2023 г. Цинхайский университет планировал принять из Пекина только 4 абитуриентов, а из Цинхая — 2 727. Циндаоский университет в 2023 г. планировал

¹⁶ Согласно последнему индексу ВВП городов Китая, опубликованному Китайским национальным информационным центром CEIC Data Co. Ltd, Пекин занимает 2-е место, Циндао — 13-е, а Синин — 191-е в списке городов Китая по уровню ВВП в 2024 г. (см.: 城市年度数据. 国民经济核算. GDP(336). 中经网数据有限公司. URL: <https://ceidata.cei.cn/>).

¹⁷ Муниципалитеты, находящиеся в непосредственном подчинении Центрального правительства Китая, — это административные районы провинциального уровня, находящиеся под непосредственной юрисдикцией Центрального народного правительства и имеющие тот же административный статус, что и провинции, автономные районы и специальные административные районы. В Китае существует четыре муниципалитета, непосредственно подчиняющихся центральному правительству — Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин.

принять из Пекина только 3 абитуриентов, а из Шаньдуна — 3 594. Циндаоский университет принимает абитуриентов из Пекина только на 3 специальности, из Цинхая — на 8, а из Шаньдуна — на 62. Пекинский нормальный университет принимает абитуриентов из Цинхая всего на 6 специальностей, а из Пекина и Шаньдуна — на 33 и на 40 соответственно (общее количество планируемых к зачислению абитуриентов — более 100 человек).

В-четвертых, разница в квотах на зачисление в вузы в разных провинциях усугубляет неравномерную социальную мобильность талантливых абитуриентов. В 2024 г. Пекинский технологический институт (категория А, Проект 985 и Проект 211) планировал набрать 2848 абитуриентов в стране, из которых 241 абитуриента (8,462% от общего количества) из Пекина. В то время как более 90% принятых абитуриентов были из других провинций. Кроме того, очень мало абитуриентов, поступивших из Ганьсу, Гуанси, Шанхая, Цинхая, Хайнаня, Нинся и Тибета, в общей сложности на 24 человека меньше, чем из Пекина. Если взять в качестве примера план набора и результаты приема по программе “Бухгалтерский учет” (специальность, созданная благодаря китайско-иностранному сотрудничеству), то общий запланированный набор в Пекинский технологический институт составляет 140 абитуриентов, из которых почти 50% приходится на Пекин. Минимальный балл абитуриентов, принятых на программу в 17 провинциях и городах, превышает стандартный, установленный в провинциях, на 158 и более, при этом минимальный балл абитуриентов в 8 провинциях выше стандартного на 198 или более. За исключением Пекина и Тяньцзиня, количество абитуриентов, принятых на программу выше минимального балла приема (включая минимальный балл приема), в каждой провинции составило менее 7% от всего количества абитуриентов, достигших стандартного уровня или выше в каждой провинции. В 8 провинциях этот показатель был ниже 6%, а в 3 — ниже 4%. В Пекине и Тяньцзине этот показатель составил 12,17% и 8,92% соответственно. А запланированный набор в этот институт в каждой провинции составлял очень низкий процент от числа абитуриентов, набравших больше минимального балла при поступлении в каждой провинции и городе: в 12 провинциях этот показатель составил менее 0,1%, в Пекине — около 1,24%, в Тяньцзине — около 0,3%, и Хайнане — около 0,9%¹⁸.

¹⁸ Стандартная линия приема, т.е. минимальная контрольная линия приема для поступления в вузы. Каждый год Отдел приема каждой провинции определяет

Система приема абитуриентов в вузы провинций способствует социальной мобильности талантливых людей по всей стране и дает импульс социальному развитию. Механизм распределения квот в программах приема в вузы сохраняет значительную часть студентов среднего звена для провинций, в то же время перераспределяя достаточное число талантливых студентов в другие регионы. Однако тот факт, что большинство университетов с более высоким качеством образования и рейтингом сосредоточены в экономически развитых регионах, вызвал большой приток студентов высокого уровня в эти регионы, особенно в высшие учебные заведения таких городов, как Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Количество же студентов с высоким уровнем подготовки, которых могут принять высшие учебные заведения в экономически менее развитых регионах, относительно ограничено. Таким образом, система приема абитуриентов в вузы провинций является важной причиной, усугубляющей перекос социальной мобильности и несбалансированное распределение талантливой молодежи.

II. Отклонение в реализации политики и отчуждение политики¹⁹ бонусных баллов Гаокао как фактор, влияющий на неравенство возможностей в Гаокао

Для системы Гаокао всегда были характерны обязательность²⁰ и неравенство в процессе зачисления и приема²¹. Ранее политика бонусных баллов Гаокао позволяла учитывать дополнительные баллы, полученные абитуриентами за этническую принадлежность, личные достоинства, награды на соревнованиях, социальный вклад

минимальный стандартный балл для приема абитуриентов в вузы, основываясь на уровне успеваемости всех местных абитуриентов в Гаокао и на плане источников зачисления, изданном государством. Стандартный балл варьируется от провинции к провинции. Вузы, в свою очередь, устанавливают свои собственные минимальные баллы для поступления, основываясь на количестве абитуриентов, которых планируют зачислить, и количестве реальных абитуриентов, подавших заявления.

¹⁹ 2024年本科招生计划. 北京理工大学. URL: https://admission.bit.edu.cn/static/front/bit/basic/html_web/zsjh.html; 历年分数. 北京理工大学. URL: https://admission.bit.edu.cn/static/front/bit/basic/html_web/lfnf.html 以及各省市教育考试院官方网站.

²⁰ Политическое отчуждение — это явление, при котором реализация государственной политики отклоняется от ее первоначальных целей из-за бюрократических искажений, конфликта интересов или непредвиденных социальных реакций.

²¹ Обязательность системы Гаокао: государство жестко контролирует процесс Гаокао. Все правила зачисления (баллы, квоты, приоритеты) устанавливаются централизованно, и ни абитуриенты, ни вузы не могут их изменить.

и т.д., непосредственно в общем балле, который вместе с баллом единого экзамена составлял итоговый балл. В результате постоянного отчуждения (异化) такой политики принцип справедливости системы Гаокао был нарушен, что породило новое неравенство возможностей. С 2015 г. правительство КНР постепенно отменило большое количество бонусов Гаокао²² и ускорило процесс регулирования политики в отношении бонусов.

В некотором смысле политика бонусных баллов Гаокао сама по себе стала механизмом неравных возможностей. В системе Гаокао существует два вида бонусных баллов. Введение дополнительных баллов с компенсационной функцией в системе Гаокао в основном рассчитано на детей из семей военных, социально незащищенных групп и менее развитых регионов. А дополнительные баллы с поощрительной функцией в системе Гаокао — это бонусные баллы для выдающихся абитуриентов, введение которых направлено на поощрение абитуриентов с выдающимся потенциалом, в том числе тех, кто преуспел в сферах морали, физической культуры, а также в науке и технике²³. Абитуриенты могут заработать дополнительные баллы, участвуя в академических конкурсах, конкурсах особых талантов и других программах, в которых дополнительные баллы разрешены правилами. Следует отметить, что дополнительных баллов с поощрительной функцией в системе Гаокао больше, нежели дополнительных баллов с компенсационной функцией.

Согласно исследованию, проведенному в 2010 г. в Китае (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), существовало 16 видов дополнительных баллов для системы Гаокао. Среди них было два типа дополнительных баллов за моральные качества, один тип дополнительных баллов за успехи в спорте, пять типов дополнительных баллов за высокие результаты в академических соревнованиях и особые навыки, два типа дополнительных баллов для детей “старших талантов”, учителей и сотрудников (чьи родители являются выдающимися специалистами провинциального уровня или выше, учились за границей или имеют докторскую степень). И при этом существовало только два типа компенсационных дополнительных баллов для абитуриентов из сельских районов и слаборазвитых ре-

²² 管华. 我国高考加分政策的宪法规制[J]. 南京师大学报(社会科学版). 2019. N 3. P. 106–115.

²³ 教育部已明确取消5类全国性高考加分项目(包括体育特长生、中学生奥林匹克竞赛等). 中国妇女报&中华人民共和国教育部. 2022.16.09. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/54835/mtbd/202209/t20220916_661765.html

гионов, и эти два вида компенсационных бонусов имеют строгие ограничения для претендентов, которые должны быть только абитуриентами из сельской местности или ханьцами из маргинализированных бедных районов²⁴.

Феномен миграции Гаокао — одно из проявлений отчуждения политики бонусных баллов Гаокао (см. разъяснение про отчуждение выше, в ссылке 19). Эта социальная проблема вызвана, прежде всего, нерегулярностью формулирования политики бонусных баллов, отсутствием ясности в положениях о разрешении на получение бонусных баллов, нечеткостью положений об объектах бонусных баллов и стоимости бонусных баллов, а также отсутствием строгости в процессе реализации политики²⁵. Из документов, опубликованных Министерством образования, следует, что политика дополнительных баллов с компенсационной функцией в системе Гаокао предъявляет строгие требования к статусу абитуриента, но при этом учитывает больше критериев, чем политика дополнительных баллов с поощрительной функцией²⁶, и не требует от абитуриента тратить больше времени и усилий на получение почетных званий, чтобы соответствовать основным условиям для получения бонусных баллов Гаокао.

На практике некоторые люди использовали силу денег, общественного положения и системы арбитража, чтобы злоупотребить политикой бонусных баллов в системе Гаокао (в основном баллов с компенсационной функцией)²⁷.

Отчуждение политики бонусных баллов Гаокао (政策异化) привело в основном к перераспределению образовательных ресурсов в пользу семей с большим социальным капиталом. Из соображений преференциальной заботы об особых зонах и этнических районах Китай усилил образовательную поддержку отдаленных районов и групп этнических меньшинств, а также ввел целевую политику Гаокао, направленную на поощрение мобильности талантов в этих районах. Экономический уровень и качество среднего образования

²⁴ 葛兆恩, 裴庆辉. 基于NVivo的我国高考加分政策文本研究[J]. 才智. 2021. N 13. P. 171–173.

²⁵ 李子江, 杨志. 我国高考加分政策演变的制度分析——基于历史制度主义的分析范式[J]. 清华大学教育研究. 2011. N 32(1). P. 61–67. DOI:10.3969/j.issn.1001-4519.2011.01.010.

²⁶ 鲍嵘, 刘宁宁. 改革开放以来我国高考加分政策的内容分析[J]. 高校教育管理. 2015. N 9(5). P. 30–35. DOI:10.13316/j.cnki.jhem.20150715.020.

²⁷ 葛兆恩, 裴庆辉. 基于NVivo的我国高考加分政策文本研究[J]. 才智. 2021. N 13. P. 171–173.

в этих регионах в целом ниже, чем в других развитых регионах, а стандарты приема относительно низкие. Те абитуриенты, которые получают более качественное образование в других регионах, имеют сравнительное преимущество в Гаокао. Некоторые экономически благополучные семьи, перенося нелегальными способами регистрацию своего домохозяйства, получают большую выгоду от политики бонусных баллов. Это влияет на социальную мобильность абитуриентов с разным экономическим уровнем и социальным статусом, обостряет конкуренцию и неравенство возможностей в Гаокао, а в долгосрочной перспективе оказывает негативное влияние на структуру социального расслоения в Китае.

III. Важные факторы снижения конкурентоспособности старшекласников из сельской местности в Гаокао: политика независимого набора в вузах и школьная иерархия

Политика независимого набора в вузах (Independent recruitment) основана на неравенстве возможностей. Политика независимого набора в высшие учебные заведения, направленная на отбор студентов с особыми талантами, является серьезной попыткой Китая обогатить систему оценки Гаокао, чтобы компенсировать проблему унитарного характера системы оценки, вызванную использованием результатов экзаменов в качестве основного показателя Гаокао, а также проблему гомогенизации студенческого контингента, вызванную высокой степенью единообразия требований. Однако с самого начала эта политика демонстрировала несбалансированное распределение образовательных ресурсов. Программа независимого приема рассчитана в основном на абитуриентов, обладающих выдающимися способностями в области гуманитарных и общественных наук, инноваций и дизайна или добившихся отличных результатов в соответствующих учебных практиках. При поступлении, исходя из минимальных стандартов приема, установленных каждым высшим учебным заведением, абитуриенты, прошедшие аттестацию, принимаются с пониженными баллами²⁸. Абитуриенты, заранее сдавшие экзамены в высшие учебные заведения, имеют явное преимущество в Гаокао.

Политика независимого набора распространяется только на определенное число высших учебных заведений с высоким рей-

²⁸ 罗立祝. 高考加分政策的历史演变与反思[J]. 考试研究. 2008. N 3. P. 36–48.

тингом. В 2003 г. Министерство образования Китая впервые одобрило проведение политики независимого набора²⁹ на экспериментальной основе в 22 ключевых национальных университетах. В том числе в 7 вузах из Проекта 211 и 15 вузов из Проекта 985. В 2016 г. проект независимого набора был расширен, в общей сложности 90 университетов получили право на участие в нем³⁰. Среди вузов, которые получили разрешение на реализацию политики независимого набора, оказалось только три не ключевых вуза страны — Пекинский университет языка и культуры (北京语言大学, Beijing Language and Culture University), Юго-Западный университет политологии и права (西南政法大学, Southwest University of Political Science and Law) и Хэйлунцзянский университет (黑龙江大学, Heilongjiang University), при этом первый может зачислять абитуриентов по всей стране, а второй и третий — только в той провинции, где находится университет.

Существует заметная разница в количестве мест, выделяемых высшими учебными заведениями школам старшей ступени в разных районах для рекомендации абитуриентов, что приводит к явлению монополизации качественных образовательных ресурсов. Политика независимого приема внедряет систему рекомендаций и оценки. В Китае только некоторые средние школы имеют право рекомендовать талантливых учеников в лучшие вузы страны. Средние школы с такой квалификацией в основном расположены в крупных и средних городах, большинство из них очень крупные и обладают высоким уровнем преподавания. Это значительно снижает конкурентоспособность учащихся из сельских районов. В результате существуют значительные различия между городом и деревней в количестве учащихся, которые получают рекомендации от средних школ и которые в конечном итоге сдают экзамен.

Школьная иерархия, так называемая система ключевых школ, является важным фактором монополизации качественных образовательных ресурсов. Согласно списку средних школ по всей стране, имеющих право рекомендовать абитуриентов для участия в программе независимого набора, опубликованному Пекинским универ-

²⁹ 今年高校自主招生政策有微调. 光明日报&中华人民共和国教育部. 2017.13.04. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201704/t20170413_302482.html

³⁰ 教育部办公厅关于做好高等学校自主选拔录取改革试点工作的通知. 教学厅 (2003) 2号. 中华人民共和国教育部. 2003.24.02. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3110/200302/t20030227_89058.html

ситетом (北京大学, Peking University) в 2011 г.³¹, количество средних школ с одним рекомендованным местом — 181, школ с двумя рекомендованными местами — 17, с тремя — 11, а школ с шестью рекомендованными местами — только 2. 133 школы из 211 из 31 провинции расположены в ключевых городах провинций, 92 средние школы расположены в столицах провинций и муниципалитетах, а 41 — в экономически развитых городах, включая Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Эти средние школы обладают в общей сложности 155 местами из 260 для рекомендованных абитуриентов. В списке этих школ 16 средних школ Пекина с 25 рекомендованными местами, 6 средних школ Тяньцзиня с 10 местами. А 63 средние школы в неразвитых регионах имеют право на рекомендацию в общей сложности 69 направлений. В девяти провинциях, расположенных в слаборазвитых регионах, таких как Юго-Западный и Северо-Западный Китай (Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Тибет, Синьцзян, Цинхай, Ганьсу, Внутренняя Монголия, Нинся), количество средних школ с рекомендованными местами составляет менее пяти, за исключением провинции Юньнань.

Лучшие и престижные средние школы не только имеют большое количество мест в рамках политики независимого приема. Доля учащихся, принятых в престижные вузы по результатам экзамена Гаокао из лучших средних школ, значительно больше, чем из обычных средних школ. Например, Факультет иностранных языков Нанкайского университета (南开大学外语学院, Faculty of Foreign Languages, Nankai University) в 2024 г. планировал зачислить 125 абитуриентов по результатам экзамена Гаокао, а количество абитуриентов, принятых по рекомендации 14 средних школ с рекомендательным статусом, которым не требовалось сдавать экзамен в системе Гаокао, составило 147 человек³². А например, из Шанхая, Цзянси, Фуцзяня и Цзилиня Нанкайский университет принимает только тех, кого рекомендовали средние школы. В пяти регионах, где прием осуществляется только по результатам единого экзамена Гаокао, планируемое количество студентов, зачисленных в институт, составляет всего 37 человек. В четырех регионах количество абитуриентов, принятых на факультет иностранных языков Нанкайского университета по рекомендации средних школ, превышает количество абитуриентов,

³¹ 2016年自主招生报考指南. 2016年自主招生启动-90所高校简章陆续发布: 2016年具有自主招生资格的试点高校名单及招生简章. 中华人民共和国教育部高校招生阳光工程制定平台. 2016.03.10. URL: <http://gaokao.chsi.com.cn/gkzt/zzs2016>

³² 2012年“中学校长实名推荐制”推荐资质初审通过中学名单公示. 北京大学招生办公室. 北京大学招生网. 2011.11.10. URL: <https://www.gotopku.cn/index/detail/431.html>

принятых по результатам экзамена Гаокао. В провинции Шаньси число абитуриентов, рекомендованных средними школами для поступления на факультет иностранных языков Нанкайского университета, превысило число студентов, принятых по экзамену Гаокао, на 18 человек. В остальных четырех провинциях 42 из 104 абитуриентов, поступивших в Институт иностранных исследований, были рекомендованы средними школами³³.

Кроме того, школьная иерархия способствовала усилению конкуренции между учащимися за доступ к лучшим средним школам, что привело к неравенству возможностей в системе образования, которое все больше распространяется на младшие классы средней школы и даже на начальную школу.

IV. Поиск реформ, ориентированных на справедливость политики Гаокао: Пилотная программа реформы зачисления по основным предметам и Специализированная программа высших учебных заведений

В целях создания справедливой и эффективной системы оценки Гаокао Китай проводит политику, направленную на развитие талантов в специализированных дисциплинах и поддержку абитуриентов из районов с ограниченными образовательными ресурсами, а именно: Пилотная программа реформ по зачислению на базовые предметы (Pilot Reform Program of Enrollment for Basic Subjects — RPoEfBS) и Специализированная программа высших учебных заведений, которые дополняют друг друга. Эти два направления политики способствовали оптимизации правил приема в вузы и диверсификации вступительных экзаменов, и в то же время позволили смягчить межрегиональное неравенство возможностей в доступе к высшему образованию и ускорить социальную мобильность молодежи в слаборазвитых регионах.

С января 2020 г. Министерство образования Китая прекратило действие Программы независимого набора в высшие учебные заведения и вместо нее внедрило Пилотную программу реформы зачисления по основным проектам (RPoEfBS). В проекте используется многомерный подход к оценке, который обеспечивает баланс между справедливостью и эффективностью отбора. В отличие от независимого приема, отбор абитуриентов по Программе по основным про-

³³ 南开大学2024年本科招生公告（二）—南开大学2024年外国语言文学类保送生拟录取结果公示. 南开大学招生办公室. 2024.09.01. URL: <https://zsb.nankai.edu.cn/2024-01-09/1669.html>.

ектам осуществляется на основе результатов Гаокао, а не на основе материалов заявления³⁴. Такая политика снижает вероятность отчуждения политики и в значительной степени обеспечивает справедливость процесса оценки абитуриентов, прошедших отбор. Баллы абитуриентов, которым была предоставлена возможность пройти тест, вузы оценивают пропорционально на основе баллов Гаокао (которые должны составлять более 85%), результатов комплексного теста и оценки качества квалификации абитуриента, а затем на основании выбора абитуриента он принимается в соответствии со своим общим баллом — от самого высокого до самого низкого³⁵. Проект добавляет к оценке высших учебных заведений собеседование, чтобы точно определить академическую мотивацию абитуриентов и повысить степень профессиональной пригодности. Это компенсирует недостатки системы комплексной оценки и приема, которая опирается только на результаты письменных экзаменов и, как правило, не учитывает всесторонние качества и потенциал абитуриентов.

В то же время реализация проекта PRPoEfBS привела к постоянному притоку большого количества талантливых людей в развитые города и университеты высокого уровня. Это связано с тем, что в настоящее время программа реализуется лишь в ограниченном масштабе, для небольшого числа абитуриентов, а все возможности сосредоточены в небольшом количестве высокоразвитых университетов. Абитуриенты могут подать заявку только в 36 вузов, включенных в список пилотных программ³⁶. Все эти 36 вузов являются ключевыми вузами высокого уровня в Проекте 985, и 29 из них расположены в городах, которые в 2024 г. вошли в число 20 крупнейших городов Китая по уровню ВВП³⁷.

В 2012 г. в Китае была введена специальная программа, сопутствующая проекту PRoEfBS, — Специализированная программа

³⁴ 教育部推出“强基计划”，2020年起取消高等教育机构自主招生。中国青年报&中华人民共和国教育部。2020.16.01. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202001/t20200116_415682.html

³⁵ 教育部关于在部分高校开展基础学科招生改革试点工作的意见。中华人民共和国教育部。2020.14.01. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202001/t20200115_415589.html

³⁶ 强基计划试点高校名单。中华人民共和国教育部。2020.14.01. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202001/W020200115388920961728.docx

³⁷ Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь, Чунцин, Гуанчжоу, Сучжоу, Чэнду, Ханчжоу, Ухань, Нанкин, Нинбо, Тяньцзинь, Циндао, Уси, Чанша, Чжэнчжоу, Фучжоу, Цзинань, Хэфэй и Фошань — вот 20 городов Китая с самым высоким уровнем ВВП в 2024 г., согласно последнему индексу ВВП городов Китая, опубликованному Национальным информационным центром Китая Zhongjing.com Data Co (см.: 城市年度数据. 国民经济核算. GDP(336). 中经网数据有限公司. URL: <https://ceidata.cei.cn/>).

высших учебных заведений³⁸. Программа рассчитана в основном на абитуриентов из средних школ ниже уездов (включая уездные города) в отдаленных, сельских, бедных и этнических районах. В настоящее время программу реализуют 95 вузов, в том числе 33 вуза категории А и 5 вузов категории В из Проекта развития вузов мирового класса. За исключением Юго-Западного университета политики и права, остальные университеты относятся к Проекту 211 или Проекту 985. Продвижение Специализированной программы высших учебных заведений открывает доступ к высококачественным ресурсам высшего образования для абитуриентов из сельских и бедных районов, а также способствует социальной мобильности абитуриентов из менее развитых регионов. К концу 2021 г. в общей сложности 820 000 абитуриентов из сельских и бедных районов были приняты в высокоразвитые университеты в рамках специализированной программы³⁹.

Заключение

Система Гаокао играет важную роль в содействии социальной мобильности, однако она имеет и некоторые негативные последствия. Проблема неравенства образования в системе Гаокао по сути является проекцией глубоких социальных структурных противоречий в сфере образования. Системный дисбаланс региональных различий, местный протекционизм и миграция в результате работы системы Гаокао — два основных пробела в образовательном равенстве в системе вступительных экзаменов в вузы. Эффективность образования и справедливость в его получении соперничают друг с другом в этой системе. Усиление иерархии в учебных заведениях продолжает усугублять расслоение в сфере образования и неравенство образовательных ресурсов. Предвзятость в реализации реформ сферы образования и невидимые барьеры в правилах приема в вузы способствуют отчуждению некоторых направлений образовательной политики, их инструментализации и утилитаризму.

Сегодня учащиеся сельских и экономически слабо развитых районов все еще имеют значительно меньше возможностей уча-

³⁸ 国家教育事业发展的第十二个五年规划. 中华人民共和国教育部. 2012.14.06. P. 53. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/moe_1892/moe_630/201206/t20120614_139702.html

³⁹ 教育部发展规划司司长刘昌亚. 巩固拓展教育脱贫攻坚成果同乡村振兴有效衔接和推进中小学改厕工作有关情况: 面向农村和脱贫地区实施高校专项计划累计招生82万人. 中华人民共和国教育部新闻发布会. 2021.29.12. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2021/53939/mtbd/202112/t20211229_591297.html

ствия в социальных практиках и всестороннего развития личности в сравнении со своими городскими сверстниками. В будущем необходимо пытаться создать динамическую модель квотирования набора в системе крупномасштабных экзаменов. Введя многомерные параметры, такие как численность населения, качество образования и уровень экономики, создать механизм динамического распределения квот на поступление, эффективно реализовать разумное распределение ресурсов между неблагополучными регионами и уязвимыми группами населения, чтобы ослабить неравенство возможностей для отдельных лиц в конкуренции “крупномасштабных экзаменов”, вызванное дисбалансом образовательных ресурсов. В то же время необходимо продолжать совершенствовать и внедрять в широких масштабах механизм комплексной оценки и приема в высшие учебные заведения. Кроме того, для обеспечения справедливости всеобщих экзаменов необходимо усовершенствовать механизм надзора в соответствии с изменениями в формате экзаменов, чтобы обеспечить сбалансированное распределение образовательных ресурсов и свести к минимуму неравенство возможностей. Иными словами, в будущем система образовательных экзаменов может быть реформирована с учетом механизма “компенсация различий — открытость возможностей — мониторинг и система сдержек и противовесов”, чтобы системы вступительных экзаменов, такие как Гаокао и ЕГЭ, действительно стали лестницей для продвижения социальной справедливости, а не инструментом для усиления классового неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Розенберг Н.В. Ресурсный потенциал семьи как фактор успешной социальной мобильности молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-semi-kak-faktor-uspeshnoy-sotsialnoy-mobilnosti-molodezhi>

REFERENCES

Grubb W.N. The Convergence of Educational Systems and the Role of Vocationalism // Comparative Education Review. 1985. Vol. 29. N 4. P. 526–548.

Brunello G. Stratified or Comprehensive? Some Economic Considerations on the Design of Secondary Education // CESifo DICE Report. 2004. N 4. P. 7–10.

Rozenberg N.V. Resursnyj potencial sem'i kak faktor uspeshnoj social'noj mobil'nosti molodezhi [Resource potential of the family as a factor in successful social mobility of young people] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2017. N 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursnyy-potentsial-semi-kak-faktor-uspeshnoy-sotsialnoy-mobilnosti-molodezhi> (in Russian).

2025年普通高等学校招生工作规定. 中华人民共和国教育部. [Regulations on Enrolment of Students in General Colleges and Universities in 2025. Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2025.12.02. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202502/W020250219375244250249.docx (in Chinese).

教育部考试中心发布《中国高考评价体系》. 中华人民共和国教育部 [The Ministry of Education Examination Center released the "China College Entrance Examination Evaluation System". Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2020.01.07. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202001/t20200107_414611.html (in Chinese).

上海两高等教育机构试水综合评价录取. 中国教育报&中华人民共和国教育部 [Shanghai's two higher education institutions to test the comprehensive evaluation of admission. China Education News & Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2015.27.06. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201506/t20150629_191527.html (in Chinese).

国务院关于取消非行政许可审批事项的决定. 中华人民共和国中央人民政府 [Decision of the State Council on Cancellation of Non-Authorised Approval Matters. Central People's Government of the People's Republic of China] // Guo Fa. 2015. N 27. 2015.14.05. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/14/content_9749.htm (in Chinese).

关于公布世界一流大学和一流学科建设高校及建设学科名单的通知. 教育部. 财政部. 国家发展改革委 [Notice on the Announcement of the List of Universities and Disciplines for the Construction of World-Class Universities and First-Class Disciplines. Ministry of Education. Ministry of Finance. National Development and Reform Commission] // Letter of Education and Research. 2017. N 2. 2017.20.09. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_843/201709/t20170921_314942.html (in Chinese).

2023年各省份高考录取分数线及招生计划情况. 北京师范大学招生办公室 [2023 Gaokao Admission Score Line and Enrolment Plan by Province . Beijing Normal University Admissions Office]. 2023. URL: <https://admission.bnu.edu.cn/zsjhlnfs/edff0e0dcd4c4919be5cbcb568d83d9d.html> (in Chinese).

2023年各省份录取分数线及本科招生计划情况. 青海大学招生办公室 [2023 Gaokao Admission Score Line and Enrolment Plan by Province . Qinghai University Admissions Office] 2023. URL: <http://210.27.182.75/zscx/lqxx/#/> (in Chinese).

2023年各省份录取分数线及本科招生计划情况. 青岛大学本科招生网 [2023 Gaokao Admission Score Line and Enrolment Plan by Province . Qingdao University Undergraduate Admissionse]. 2023. URL: https://zhaosheng.qdu.edu.cn/static/front/qdu/basic/html_web/zsjh.html (in Chinese).

“211工程”与“985工程”. 新华社&中华人民共和国教育部 [“Project 211 and Project 985. Xinhua News Agency & Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2015.06.11. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/jyzt_2015nztzl/2015_zt15/15zt15_mtbtd/201511/t20151106_217950.html (in Chinese).

城市年度数据. 国民经济核算. GDP(336). 中经网数据有限公司 [City Annual Data. National Accounts. GDP(336). Zhongjing.com Data Co]. 2024. URL: <https://ceidata.cei.cn/> (in Chinese).

2024年本科招生计划. 北京理工大学 [2024 Undergraduate Admission Programme. Beijing Institute of Technology]. 2024. URL https://admission.bit.edu.cn/static/front/bit/basic/html_web/zsjh.html (in Chinese).

历年分数. 北京理工大学 [Statistics of Gaokao admission scores in previous years. Beijing Institute of Technology]. URL: https://admission.bit.edu.cn/static/front/bit/basic/html_web/lnfs.html (in Chinese).

管华. 我国高考加分政策的宪法规制[J]. 南京师大学报(社会科学版) [Guan Hua. Constitutional Regulation of the Extra Points Policy of China's College Entrance Examination. Journal of Nanjing Normal University (Social Science Edition)]. 2019. N 3. P. 106–115 (in Chinese).

教育部已明确取消5类全国性高考加分项目(包括体育特长生、中学生奥林匹克竞赛等). 中国妇女报&中华人民共和国教育部 [The Ministry of Education (MOE) has explicitly cancelled five types of national Gaokao points-added programmes, including those for students with special talent in sports and secondary school students' Olympic competitions. China Women's Daily & Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2022.16.09. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/54835/mtbd/202209/t20220916_661765.html (in Chinese).

葛兆恩, 茆庆辉. 基于NVivo 的我国高考加分政策文本研究[J]. 才智 [Ge Zhaoyen, Jan Qinghui. A textual study of China's college entrance examination bonus point policy based on NVivo. Talent]. 2021. N 13. P. 171–173 (in Chinese).

李子江, 杨志. 我国高考加分政策演变的制度分析——基于历史制度主义的分析范式[J]. 清华大学教育研究 [Li Zijiang, Yang Zhi. Institutional Analysis of the Evolution of China's Gaokao Plus Policy — Based on the Analytical Paradigm of Historical Institutionalism. Tsinghua University Education Research]. 2011. N 32 (1). P. 61–67. DOI:10.3969/j.issn.1001-4519.2011.01.010 (in Chinese).

鲍嵘, 刘宁宁. 改革开放以来我国高考加分政策的内容分析[J]. 高校教育管理 [Bao Rong, Liu Ningning. Content analysis of China's Gaokao extra credit policy since reform and opening up. Higher Education Management]. 2015. N 9 (5). P. 30–35 DOI:10.13316/j.cnki.jhem.20150715.020 (in Chinese).

葛兆恩, 茆庆辉. 基于NVivo的我国高考加分政策文本研究[J]. 才智 [Ge Zhaoyen, Jan Qinghui. A textual study of China's college entrance examination bonus point policy based on NVivo. Talent]. 2021. N 13. P. 171–173 (in Chinese).

罗立祝. 高考加分政策的历史演变与反思[J]. 考试研究 [Luo Lizhu. Historical Evolution and Reflection on Gaokao Extra Points Policy. Examination Research]. 2008. N 3. P. 36–48 (in Chinese).

今年高校自主招生政策有微调. 光明日报&中华人民共和国教育部 [Independent recruitment policy fine-tuned this year. Guangming Daily & Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2017.13.04. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201704/t20170413_302482.html (in Chinese).

教育部办公厅关于做好高等学校自主选拔录取改革试点工作的通知. 教学厅(2003)2号. 中华人民共和国教育部 [Notice of the General Office of the Ministry of Education on the Pilot Work of Independent Recruitment Admission Reform in Colleges and Universities. Teaching Department. Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2003. N 2. 2003.24.02. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3110/200302/t20030227_89058.html (in Chinese).

2016年自主招生报考指南. 2016年自主招生启动-90所高校简章陆续发布: 2016年具有自主招生资格的试点高校名单及招生简章. 中华人民共和国教育部高校招生阳光工程制定平台 [List of Pilot Colleges and Universities with Independent Recruitment Qualification and Admission Briefing in 2016. Ministry of Education of the People's Republic of China college enrollment sunshine project development platform]. 2016.03.10. URL: <http://gaokao.chsi.com.cn/gkzt/zzzs2016> (in Chinese).

2012年“中学校长实名推荐制”推荐资质初审通过中学名单公示. 北京大学招生办公室. 北京大学招生网 [2012 Recommendation System of Secondary School Principals by Names: Announcement of Secondary Schools Passing the Preliminary Qualification Examination of Recommendation System. Peking University Admissions Office. Peking University Admissions Website]. 2011.11.10. URL: <https://www.gotopku.cn/index/detail/431.html> (in Chinese).

南开大学2024年本科招生公告（二）—南开大学2024年外国语言文学类保送生拟录取结果公示. 南开大学招生办 [Nankai University 2024 Undergraduate Admission Announcement (II) — Nankai University 2024 Foreign Language and Literature Guaranteed Admission Results Announcement. Nankai University Admissions Office]. 2024.09.01. URL: <https://zsb.nankai.edu.cn/2024-01-09/1669.html> (in Chinese).

2024年南开大学在各省的招生计划及近三年录取分数. 南开大学招生办 [2024 Nankai University admission plan in each province and admission scores in the last three years. Nankai University Admissions Office]. 2024.17.06. URL: <https://zsb.nankai.edu.cn/baokao/fenshu.html> (in Chinese).

教育部推出“强基计划”，2020年起取消高等教育机构自主招生. 中国青年报&中华人民共和国教育部 [Ministry of Education Launches 'Pilot Reform Program of Enrollment for Basic Subjects', Eliminating Independent Recruitment in Higher Education Institutions from 2020. China Youth Daily & Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2020.16.01. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202001/t20200116_415682.html (in Chinese).

教育部关于在部分高校开展基础学科招生改革试点工作的意见. 中华人民共和国教育部 [Opinions of the Ministry of Education on the Pilot Reform Programme of Enrollment for Basic Subjects in Some Universities. Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2020.14.01. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202001/t20200115_415589.html (in Chinese).

强基计划试点高校名单. 中华人民共和国教育部 [Pilot Reform Program of Enrollment for Basic Subjects. Ministry of Education of the People's Republic of China]. 2020.14.01. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/202001/W020200115388920961728.docx (in Chinese).

城市年度数据. 国民经济核算. GDP (336). 中经网数据有限公司 [Annual city data. National economic accounts. GDP (336). China Economic Network Data Co., Ltd.]. URL: <https://ceidata.cei.cn/> (in Chinese).

教育部发展规划司司长刘昌亚. 巩固拓展教育脱贫攻坚成果同乡村振兴有效衔接和推进中小学改厕工作有关情况: 面向农村和脱贫地区实施高校专项计划累计招生82万人. 中华人民共和国教育部新闻发布会 [Liu Changya, Director General, Department of Development Planning, Ministry of Education. Consolidating and expanding the achievements of education in poverty alleviation and rural revitalisation and promoting the work of primary and secondary school toilets: The implementation of special programmes for rural and poverty alleviation areas of colleges and universities to enrol a total of 820,000 students. People's Republic of China Ministry of Education press conference]. 2021.29.12. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2021/53939/mtbd/202112/t20211229_591297.html (in Chinese).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ” в 2025 г.

№ Стр.

Приоритеты национального развития России

<i>Елишев С.О.</i> Герои Специальной военной операции как новая национально-ориентированная элита России	3	56
<i>Епископ Можайский Иосиф (Королев О.Г.).</i> Православная духовность как фундамент российской цивилизации: традиции и перспективы.	3	32
<i>Осипова Н.Г.</i> Феномен “русской идеи”: истоки, компоненты и духовный смысл	3	7
<i>Перевезенцев С.В., Страхов А.Б.</i> Рождение европейской русофобии (XV–XVII вв.). Статья вторая	3	83

История и теория социологии

<i>Батуренко С.А.</i> Роль женщины в развитии культуры будущего: концепция В.М. Хвостова	1	155
--	---	-----

Теория и история социологии

<i>Перевезенцев С.В., Страхов А.Б.</i> Рождение европейской русофобии (XV–XVII вв.). Статья первая	2	64
<i>Смолин М.Б.</i> Профессор Н.А. Захаров о самобытной эволюции исторического развития русской государственной власти	2	89

Социальные институты и процессы

<i>Елишев С.О.</i> Роль средств массовой информации и пропаганды в социально-политических процессах.	4	29
<i>Осипова Н.Г.</i> Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности (<i>Продолжение</i>)	4	7

Выдающиеся ученые и выпускники Московского университета (к 270-летию МГУ)

<i>Смолин М.Б.</i> Этический монархизм Льва Тихомирова: политические учения.	1	7
---	---	---

Цифровая трансформация общества

<i>Карпова Н.В., Амелин В.С.</i> Цифровые технологии в электоральном процессе современной России: первые шаги и перспективы развития	4	95
<i>Новосёлова Е.Н.</i> Цифровая трансформация здравоохранения: новые возможности и вызовы для пожилых пациентов	4	67

Политическая социология

<i>Елишев С.О.</i> Осмысление сущности “Большой Игры” классиками русской школы геополитики (<i>Окончание</i>)	1	21
<i>Каневский П.С.</i> К вопросу о разнонаправленной эволюции феномена лоббизма	1	44
<i>Каневский П.С.</i> Плюралистическая модель лоббизма: критическая рефлексия	3	147

Социология управления

<i>Барков С.А., Дорохина О.В.</i> Институциональное управление в современном обществе: стратегии и методы	2	198
<i>Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В.</i> Институциональный и социально-управленческий контекст современного образования	1	63
Васильев В.П. Стратегическое планирование в системе государственного управления	3	193
<i>Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А.</i> Социология государственного управления: принципы и механизмы	1	99
<i>Гавриленко О.В.</i> Ценности персонала как фактор двойственности современной российской деловой культуры	2	146
<i>Дорцов К.Д.</i> Корпоративная ответственность бизнеса в условиях модернизации социально-экономических институтов	3	242
<i>Луцкая Е.Е., Коваленко А.А., Белоусова О.И.</i> Социальные проблемы повышения эффективности управления инновационной деятельностью	3	213
<i>Юрасова М.В.</i> Управленческие аспекты и организационный план проведения эмпирического социологического исследования	2	167

Социальные технологии управления обществом

<i>Елишев С.О.</i> Протестный стиль как социальная технология манипулятивного управления массовым сознанием современной молодежи	2	30
<i>Осипова Н.Г.</i> Роль социальных стереотипов в управлении поведением личности (<i>Начало</i>)	2	7

Экономическая социология

<i>Баркова А.С.</i> Студенты социологического факультета на рынке труда (результаты эмпирического исследования)	1	135
<i>Гребенюк А.А., Агеенко А.Ю., Аверьянов А.А.</i> Миграционные установки трудовых мигрантов из Украины, находящихся в Российской Федерации: особенности, факторы формирования, направленность	1	115

Демография и здоровье населения

<i>Белов А.А.</i> Традиционные угрозы здоровью российских граждан: пьянство и алкоголизм	3	128
<i>Синельников А.Б.</i> Трансформация института брака как фактор снижения рождаемости	3	110

Социология здоровья

<i>Лядова А.В.</i> Здоровье как социальный феномен	2	123
--	---	-----

Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Психическое здоровье молодежи в условиях цифровой медиатизации.	1	178
Новосёлова Е.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в ситуации демографического кризиса в России.	2	103
Эмпирическая социология		
Дорцева Е.В. Жизненные ориентиры современной студенческой молодежи	2	221
Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Социальные последствия платформенной самозанятости	4	51
Социология коммуникаций		
Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Современная коммуникативистика: опыт социологической рефлексии	3	167
Терновая Л.О., Багаева А.В. Эволюция визуализации текста: от цивилизации надписей к цивилизации всеобщей рекламы	2	242
Чернов П.А. Сообщества в социальных медиа как источник социологической информации	2	262
Социология города		
Бурцева В.С. Молодая семья с детьми в жилой среде: взаимосвязь функциональности среды и активности семьи	4	116
Гугуев Д.К. Урбанистический кризис XIX – начала XX в. в отечественных социологических исследованиях города дореволюционного периода.	4	135
Социология в Китае		
Ли Чжожу. Социальная структура китайской элиты в условиях модернизации: институционализируемая циркуляция, многомерная напряженность и траектории развития	4	150
Пэй Ян. Реформа политики всекитайских государственных вступительных экзаменов в вузы и образовательное неравенство	4	172
Цзо Ци. Цифровая трансформация в Китайской Народной Республике: динамика и тенденции	1	202